

РОССИЙСКОЕ ПРАВО

ОБРАЗОВАНИЕ,
ПРАКТИКА,
НАУКА

**РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

*Основан в июле 2004 года
Выходит 6 раз в год*

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет
имени В. Ф. Яковлева»
620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, д. 21

РЕДАКЦИЯ

*В. В. ДОЛГАНИЧЕВ, главный редактор
К. С. ПУТУШКИНА, редактор
И. В. ЛЕДНЕВ, ответственный
секретарь*

АДРЕС РЕДАКЦИИ

620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 23, каб. 209.
Адрес для корреспонденции:
620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 21.
тел./факс (343) 375-58-47,
<https://rospravojournal.usla.ru>
e-mail: rp@usla.ru

*Издание зарегистрировано в Федеральной
службе по надзору в сфере связи, информа-
ционных технологий и массовых коммуника-
ций, свидетельство ПИ № ФС 77-55438 от
17 сентября 2013 г.*

*Использование материалов возможно то-
лько с письменного согласия редакции*

*Фотографии, использованные в номере, пре-
доставлены авторами статей, героями
интервью и организаторами мероприятий*

*Журнал распространяется по подписке;
придерживается независимой политики.
Мнения авторов могут не совпадать
с мнением редакции*

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

- Блещик А. В., Руденко В. В.**
Правовой мониторинг в субъектах
Российской Федерации:
особенности регламентации 4
- Жуковская Н. Ю., Казарова Д. С.,
Типунова В. А.**
Личные права ребенка: сущность
и слагаемые концепта 13

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Сулейманлы С. А.**
Возврат незаконно вывезенных объектов
культурного наследия: сравнительный анализ
законодательства Азербайджанской
Республики и международных договоров 25

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

- Зайцева Л. В., Анбрехт Т. А.**
Студенческая семья: необходима
ли законодательная дефиниция? 33
- Тихонов А. Н.**
Семейно-правовые акты как юридические
факты 41

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

- Кулюшин Е. Н.**
О применении технологий искусственного
интеллекта в административном
судопроизводстве 48
- Петрова К. В.**
Финансовая несостоятельность как основание
неисполнимости арбитражного соглашения
и стандарты доказывания 55

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ю. С. Безбородов, Л. Н. Берг, В. С. Белых, А. В. Брызгалин, В. А. Бублик, А. В. Винницкий, Д. В. Винницкий, Б. М. Гонгало, В. В. Гошуляк, Е. Ю. Грачева, Д. А. Гришин, И. Г. Дудко, Т. Д. Зражевская, В. Б. Исаков, А. Я. Капустин, И. Я. Козаченко, Ю. В. Козубенко, Г. А. Кокурин, Г. Н. Комкова, А. Н. Костюков, В. В. Круглов, В. И. Крусс, А. М. Куренной, А. А. Ливеровский, Н. А. Мехренцева, А. Н. Митин, А. Н. Мочалов, Е. И. Носырева, В. В. Полянский, А. Д. Прошляков, И. В. Решетникова, В. Н. Руденко, М. С. Саликов (председатель), Н. М. Саликова, А. С. Смыкалин, С. Д. Хазанов, А. М. Хлус, С. Н. Чернов, В. В. Ярков

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С. А. Авакьян, С. Н. Бабурин, В. В. Блажиев, А. К. Голиченков, В. В. Ершов, В. В. Игнатенко, Г. С. Казинян, Л. О. Красавчикова, П. В. Крашенинников, В. А. Малиновский, С. П. Степкин, Т. Я. Хабриева, Ю. Я. Чайка, Г. Н. Чепотарев, М. Ф. Чудаков, Ю. С. Шемшученко, Б. С. Эбзеев, Э. С. Юсубов

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Морозов М. В.

Доктрина как источник уголовного права 62

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Митин А. Н., Рассохин А. В.,**Соболев О. В.**

О правовом механизме реализации органами прокуратуры полномочий в сфере противодействия коррупции 70

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Жеребцова Е. В., Соколова Л. А.,**Ходенкова Н. И.**

Инсценировка судебного процесса (*Mock Trial*) на иностранном языке в рамках проектной деятельности в неязыковом вузе 78

CONTENTS

CONSTITUTIONAL LAW

- Bleshchik A. V., Rudenko V. V.**
Legal Monitoring in the Subjects of the Russian Federation:
Features of Regulation 4
- Zhukovskaya N. Yu., Kazarova D. S.,
Tipunova V. A.**
The Personal Rights of the Child: The Essence and Summands of the Concept 13

INTERNATIONAL LAW

- Suleymanly S. A.**
The Return of Illegally Exported Cultural Heritage Objects: A Comparative Analysis
of the Legislation of the Republic of Azerbaijan and International Treaties 25

CIVIL LAW

- Zaitseva L. V., Anbrekht T. A.** Student Family: Is a Legislative
Definition Necessary? 33
- Tikhonov A. N.** Family Legal Acts as a Kind of Legal Facts 41

CIVIL PROCEDURE

- Kulyushin E. N.**
On the Application of Artificial Intelligence Technologies
in Administrative Proceedings 48
- Petrova K. V.**
Financial Insolvency as a Basis for the Unenforceability
of an Arbitration Agreement and Standards of Proof 55

CRIMINAL LAW

- Morozov M. V.**
Doctrine as a Source of Criminal Law 62

LAW ENFORCEMENT AGENCIES

- Mitin A. N., Rassokhin A. V.,
Sobolev O. V.**
On the Legal Mechanism for the Implementation of Powers
by the Prosecutor's Office in the Field of Combating Corruption 70

LEGAL EDUCATION

- Zherebtsova E. V., Sokolova L. A.,
Khodenkova N. I.**
Conducting Mock Trial in a Foreign Language as the Project Activity
in a Non-Linguistic University 78

А. В. Блещик, В. В. Руденко

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ПРАВОВОЙ МОНИТОРИНГ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

С использованием сравнительно-правового метода исследования авторы выявляют общие и особенные черты в регламентации правового мониторинга на федеральном и региональном уровне, а также сопоставляют варианты регламентации правового мониторинга на региональном уровне между собой. Регулирование в сфере организации и осуществления правового мониторинга на уровне субъектов Российской Федерации оценивалось по следующим критериям: терминологическому аппарату, объекту правового мониторинга, субъекту правового мониторинга, методологическому и информационному обеспечению правового мониторинга. В зависимости от субъектного состава правового мониторинга (органов и организаций, проводящих мониторинговые исследования и готовящих сводный отчет по их результатам), а также функционала соответствующих органов и организаций авторы выявили несколько основных моделей проведения правового мониторинга в субъектах Российской Федерации.

Сделан вывод о том, что накопленный регионами опыт регулирования правового мониторинга и связанных с ним вопросов нормотворчества в отдельных случаях опережает опыт федерального регулирования. Определены направления дальнейшего совершенствования регионального законодательства по вопросам правового мониторинга.

Ключевые слова: правовой мониторинг, мониторинг правоприменения, мониторинг законодательства, субъекты правового мониторинга, методика правового мониторинга, объекты правового мониторинга

Для цитирования

Блещик А. В., Руденко В. В. Правовой мониторинг в субъектах Российской Федерации: особенности регламентации // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 2. С. 4–12. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-4-12.

УДК 340

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-4-12

Законодательство субъектов Российской Федерации в сфере нормотворчества и правового мониторинга по некоторым направлениям опережает в развитии федеральное законодательство в этой сфере. Достаточно сказать, что в большинстве российских регионов на протяжении десятилетий действуют законы о правовых актах субъектов Российской Федерации¹, тогда как федеральный закон о право-

вых актах в Российской Федерации (проекты которого многократно представлялись на суд научного сообщества и вносились в порядке законодательной инициативы в Государственную Думу) так и не был принят [Бошно 2015].

Аналогичным образом вопросы правового мониторинга первоначально попали в поле

¹ См., например: закон Брянской области от 3 ноября 1997 г. № 28-3 «О законах Брянской области и иных нормативных правовых актах Брянской области»; областной закон от 10 марта 1999 г. № 4-ОЗ «О правовых актах в Свердловской области»; закон Самарской области от

7 июля 2000 г. № 28-ГД «О нормативных правовых актах Самарской области»; закон Республики Саха (Якутия) от 25 декабря 2003 г. 98-3 № 199-III «О правовых актах органов государственной власти Республики Саха (Якутия)»; закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 6 апреля 2006 г. № 13-ЗАО «О правотворчестве».

зрения регионального законодателя, в связи с чем в отдельных субъектах Российской Федерации были приняты специализированные акты по вопросам правового мониторинга еще до появления актов федерального уровня по вопросам мониторинга правоприменения в 2011 г.¹ Деятельность региональных органов власти в этой сфере, зачастую стихийная и неорганизованная, вызывала интерес и беспокойство у ученых. В частности, в 2007 г. Д. Б. Горохов, Е. И. Спектор и М. Е. Глазкова отмечали, что «деятельность субъектов Федерации по организации и проведению правового мониторинга остро нуждается в централизованной координации» [Горохов, Спектор, Глазкова 2007].

Установление современного централизованного регулирования в рассматриваемой области связано с принятием Указа Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации». Положение о мониторинге правоприменения в Российской Федерации, утвержденное упомянутым Указом, определило ряд базовых параметров мониторинга, в том числе его цель и объекты, ввело легальное определение понятия «мониторинг правоприменения», установило компетенцию государственных органов в указанной сфере и основные элементы мониторинговой процедуры. Затем было принято постановление Правительства Российской Федерации от 19 августа 2011 г. № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации», задачей которого стало методическое обеспечение правового мониторинга, в том числе для регионального правоприменителя.

Несмотря на принятие обозначенных федеральных актов, степень самостоятельности субъектов Российской Федерации в регламентации правового мониторинга на региональном уровне по-прежнему довольно высока. Именно это обуславливает наблюдаемое се-

годня многообразие подходов к организации и осуществлению мониторинга в регионах.

Цель настоящей статьи – выявить особенности правового регулирования правового мониторинга на региональном уровне, для чего ставятся следующие задачи: 1) выявить общее и особенное в регламентации правового мониторинга в субъектах Российской Федерации, 2) сравнить региональное и федеральное регулирование вопросов правового мониторинга, 3) определить пути дальнейшего совершенствования законодательства субъектов Российской Федерации по вопросам правового мониторинга.

Региональную специфику правового мониторинга задают в первую очередь содержание понятия правового мониторинга и тесно связанный с ним вопрос об объекте правового мониторинга. Отсутствует единый подход к определению понятия правового мониторинга в доктрине и отсутствует системное регулирование правового мониторинга на федеральном уровне. Обоснованность использования термина «правовой мониторинг» как позволяющего охватить все виды мониторинга на всех стадиях правового регулирования показал еще на начальном этапе формирования концепции правового мониторинга в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации Ю. А. Тихомиров. Он характеризовал правовой мониторинг как «институт информационно-оценочного характера, движущийся по всем стадиям функционирования управления, хозяйствования и т. п., проявляющийся на всех этапах возникновения и действия права» [Тихомиров 2006: 13].

В большинстве субъектов Российской Федерации воспринят подход федерального законодателя и используется термин «мониторинг правоприменения», а как его объект рассматривается соответственно практика применения правовых актов (например, в Республике Алтай, Республике Бурятия, Краснодарском крае, Калининградской области и др.). Еще одним распространенным (например, в Свердловской и Липецкой областях) подходом является выделение двух видов мониторинговой деятельности – мониторинга законодательства (или мониторинга нормотворческой деятельности) и мониторинга правоприменения. Если первый вид предполагает оценку состояния законодательства, то второй – оценку инфор-

¹ См., например: закон Республики Татарстан от 3 июля 2010 г. № 49-ЗРТ «О мониторинге законов Республики Татарстан»; закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 8 июня 2009 г. № 37-ЗАО «О мониторинге правового пространства в Ямало-Ненецком автономном округе»; указ губернатора Архангельской области от 16 ноября 2010 г. № 197-у «Об утверждении Регламента организации и проведения мониторинга нормативных правовых актов Архангельской области».

мации о практике применения нормативных правовых актов. При этом экспертиза нормативных правовых актов регулируется отдельно и не рассматривается как вид мониторинга законодательства.

Здесь стоит сказать о том, что термин «экспертиза нормативных правовых актов» в системе понятий в сфере нормотворчества обладает множеством значений. Традиционным следует считать определение экспертизы как исследования, направленного на определение соответствия изучаемых правовых актов правовым актам более высокой юридической силы и требованиям юридической техники¹. Также под экспертизой нормативных правовых актов можно понимать набор процедур, проводимых в рамках оценки регулирующего воздействия этих актов². Наконец, экспертизу можно характеризовать и с позиции мониторинговой деятельности, на чем, в частности, настаивает Ю. Г. Арзамасов. Он пишет: «Любая экспертная оценка проекта нормативного правового акта предполагает предварительный мониторинговый анализ и оценку его связей и зависимостей с другими, уже действовавшими, правовыми механизмами» [Нормография 2020: 24].

Термин «правовой мониторинг» употребляется лишь в нескольких субъектах Российской Федерации. Согласно законодательству Московской области³ правовой мониторинг представляет собой деятельность по осуществлению мониторинга нормативных правовых актов Московской области и мониторинга их правоприменения. Примечательно, что в качестве цели мониторинга в данном законе названо повышение качества законодательства и эффективности правотворческой деятельности. Это позволяет говорить о том, что законодатель воспринял концепцию эффективности права, в контексте которой велись научно-исследовательские разработки по вопросам правового мониторинга в Российском

государстве [Эффективность законодательства 2015].

Своя терминология используется в Ямало-Ненецком автономном округе (далее – ЯНАО), где применяется понятие «мониторинг правового пространства»⁴. Под ним понимается деятельность по обобщению и систематизации информации, необходимой для оценки, анализа, прогноза состояния и динамики нормативных правовых актов автономного округа и практики их применения с целью выявления их соответствия планируемому результату правового регулирования, а также ожиданиям участников правотворческой деятельности, должностных лиц органов государственной власти автономного округа, институтов гражданского общества, граждан. Предметом мониторингового исследования здесь становятся ожидания участников нормотворческого процесса, в том числе потенциальных правоприменителей и в целом адресатов правовых норм. Совершенно очевидно, что для эффективного решения подобных задач специалист, осуществляющий правовой мониторинг, должен быть обеспечен не только (и не столько) юридическим исследовательским инструментарием, но и инструментарием других социально-гуманитарных наук, в том числе экономики, социологии и социальной психологии. Это, разумеется, технически усложняет мониторинг или делает вышеприведенные положения закона заведомо декларативными.

Раскрывая суть понятия «мониторинг правового пространства», рассматриваемый Закон ЯНАО вводит еще ряд новых и довольно необычных категорий. Речь, в частности, идет о мониторинге в сфере правового регулирования общественных отношений, мониторинге правового поля, мониторинге правоприменительной практики и мониторинге реализации права законодательной инициативы в Законодательном Собрании автономного округа. Хотя подобное усложнение терминологии (и введение в законодательство терминов с неустоявшимся значением) вряд ли можно оценивать положительно, стоит признать, что предмет мониторинга при таком подходе предельно широк, и это направлено на системную оценку правового воздействия на общественные отношения в целом. Одобрения

¹ См., например: закон города Москвы от 8 июля 2009 г. № 25 «О правовых актах города Москвы».

² Такое понимание заложено, например, в законе Свердловской области от 14 июля 2014 г. № 74-ОЗ «Об оценке регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, экспертизе нормативных правовых актов, установлении и оценке применения обязательных требований в Свердловской области».

³ Закон Московской области от 4 мая 2012 г. № 46/2012-ОЗ «О правовом мониторинге в Московской области».

⁴ Закон Ямало-Ненецкого автономного округа «О мониторинге правового пространства в Ямало-Ненецком автономном округе».

заслуживает то, что региональный законодатель воспринял доктринальные разработки в части правовой сущности правового мониторинга как технологии повышения эффективности права, а также как способа систематизации законодательства.

С нашей точки зрения, наиболее убедительным следует считать подход, предполагающий включение в объем понятия «правовой мониторинг» деятельности по сбору, обобщению, анализу и оценке информации о состоянии права в целом: о действующих нормативных правовых актах (мониторинг законодательства) и о практике их реализации в общественных отношениях (мониторинг правоприменения или мониторинг в сфере правового регулирования общественных отношений).

В зависимости от субъектного состава лиц, участвующих в организации и проведении правового мониторинга, могут быть выделены следующие модели:

1) модель организации правового мониторинга, центральным элементом которой является аппарат (также возможно использование термина «администрация») главы или правительства субъекта Российской Федерации;

2) модель, в которой организационные и аналитические функции возложены на региональный орган юстиции;

3) модель, при которой основную организационную и аналитическую работу в сфере мониторинга выполняет специализированное учреждение, уполномоченное в рассматриваемой сфере;

4) модель, при которой ключевым субъектом правового мониторинга на региональном уровне выступает экспертно-аналитический орган при законодательном органе субъекта Российской Федерации.

Общим для всех реализуемых в субъектах Российской Федерации моделей правового мониторинга является то, что основная работа по юридической оценке правовых актов и практике их применения возлагается в зависимости от видов правовых актов на законодательный орган субъекта (его аппарат) и отраслевые исполнительные органы, которые выступают наиболее активными разработчиками подзаконных актов в системе исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Надо при этом отметить, что вы-

явленное разнообразие подходов все-таки относится главным образом к организационному взаимодействию внутри органов исполнительной власти в субъекте Российской Федерации. Региональный законодательный орган в силу своего конституционно-правового статуса, как правило, занимает автономное положение в системе организации правового мониторинга.

Описываемые нами модели различаются в основном тем, как регулируется и организуется правовой мониторинг, а также тем, как обобщаются его результаты. В условно обозначенной нами первой модели аппарат главы или правительства субъекта Российской Федерации (как орган, осуществляющий правовое обеспечение региональных главы или правительства) принимает решение о проведении правового мониторинга в системе

Наиболее убедительным следует считать подход, предполагающий включение в объем понятия «правовой мониторинг» деятельности по сбору, обобщению, анализу и оценке информации о состоянии права в целом: о действующих нормативных правовых актах и о практике их реализации в общественных отношениях

региональной исполнительной власти. Также указанный орган аккумулирует получаемую от отраслевых исполнительных органов информацию и обрабатывает ее, составляя сводный отчет по результатам мониторинга, который впоследствии учитывается при планировании работы высшего исполнительного органа субъекта Российской Федерации.

Такая модель реализуется, например, в Псковской области. Согласно Положению о мониторинге правоприменения в Псковской области, утвержденному постановлением Правительства Псковской области от 19 сентября 2022 г. № 171, мониторинг проводит в соответствии с планом мониторинга Правовое управление Правительства Псковской области. Областные исполнительные органы направляют доклады о результатах мониторинга правоприменения в Правовое управление, оно в свою очередь готовит сводный доклад.

Необходимо обратить внимание на некоторые организационные различия в рамках

анализируемой модели: они возникают в зависимости от особенностей организации взаимодействия в системе исполнительной власти.

Если в субъекте Российской Федерации предусмотрена должность руководителя высшего исполнительного органа государственной власти (председателя правительства) и высшее должностное лицо формально не возглавляет высший исполнительный орган, могут параллельно существовать два аппарата (высшего должностного лица и высшего исполнительного органа), функции которых в сфере мониторинга распределяются в соответствии с законодательством. Такая ситуация, в частности, сложилась в Красноярском крае, где обобщение результатов и информационно-консультационное обеспечение мониторинга возлагается на уполномоченное структурное подразделение Администрации губернатора.

Еще одна вариация в рамках первой модели выделяется в зависимости от правового статуса аппарата главы или правительства субъекта Российской Федерации. В большинстве субъектов Российской Федерации этот орган имеет статус регионального государственного органа и формально не входит в систему исполнительной власти. В ряде субъектов, как, например, в Калужской области, этот орган обладает статусом исполнительного органа государственной власти (Положение об Администрации губернатора Калужской области: утв. постановлением губернатора Калужской области от 12 апреля 2004 г. № 264).

В данном случае рассматриваемая нами модель сближается со второй моделью, особенность которой состоит в том, что организация правового мониторинга и обобщение его результатов возлагаются на специальный исполнительный орган – региональный орган юстиции. Такие органы созданы в ряде субъектов Российской Федерации, к их компетенции, как правило, относятся правовое обеспечение деятельности главы и правительства субъекта Российской Федерации, в том числе правовая экспертиза правовых актов отдельных видов. Существует такой государственный орган, например, в Новосибирской области. Согласно постановлению Правительства Новосибирской области от 20 июня 2016 г.

№ 215-п «О министерстве юстиции Новосибирской области» Министерство осуществляет мониторинг правоприменения при участии исполнительных органов государственной власти Новосибирской области, а также координацию их деятельности в этой сфере, в том числе в части подготовки проекта плана и сведения обобщенной информации.

В ряду моделей организации правового мониторинга особняком стоит модель, предусматривающая возложение отдельных функций по организации и проведению мониторинга, а также обработке его результатов на специализированное учреждение. Такая модель реализована в Свердловской области, где законом предусматривается создание специализированного государственного учреждения в сфере правового мониторинга. Им является Уральский институт регионального законодательства (далее – УИРЗ). УИРЗ проводит исследования в сфере развития законодательства Российской Федерации и законодательства Свердловской области, а также готовит рекомендации по совершенствованию и систематизации последнего.

В рассматриваемой модели, предполагающей возложение функций в сфере правового мониторинга на учреждение, которое находится вне системы органов государственной власти и не является правоприменителем, как будто искусственно создается дистанция между адресатом юридической нормы и экспертом, оценивающим ее качество (хотя, строго говоря, большую часть мониторинговых исследований даже в рамках этой модели проводят именно исполнительные органы, а не специализированное учреждение). Эта дистанция призвана обеспечить непредвзятость и независимость мониторингового исследования. Такой мониторинг в терминах, предлагаемых Ю. Г. Арзамасовым, может называться невключенным, поскольку в нем принимают участие сторонние эксперты, в отличие от включенного мониторинга, при котором «субъект сам непосредственно работает в группах и комиссиях по разработке проектов нормативных актов» [Арзамасов, Наконечный 2009].

Как отмечает Ю. А. Тихомиров, результаты мониторинга должны заключаться не только в корректировке или принятии акта,

но и в рекомендациях о том, как нужно организовать действия органов управления, создать материальные предпосылки, сформировать отношения граждан [Цит. по: Чеснокова 2010: 92]. Представляется, что модели, предполагающие организацию невключенного правового мониторинга, в большей степени способны раскрыть потенциал мониторингового исследования, поскольку допускают возможность внешнего воздействия на государственные органы с экспертной позиции.

Четвертая модель не получила распространения на региональном уровне именно в силу реализации в ней включенного правового мониторинга. Такая модель используется в Курганской области, где при областном законодательном органе (областной Думе) создан Центр мониторинга законодательства и правоприменительной практики¹. В его состав входят депутаты областной Думы, должностные лица аппарата Думы, Правительства и иных исполнительных органов области, представитель территориального органа Минюста России по Курганской области, а также представители научного сообщества. Очевидно, что подобная модель возникла по аналогии с федеральной моделью, в которой ключевую роль в разработке мониторинговой политики играл Центр мониторинга законодательства и правоприменительной практики Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Желдыбина 2020: 4]. Однако подобная форма организации мониторинга не зарекомендовала себя как эффективная, и Центр прекратил деятельность на федеральном уровне.

Еще на этапе становления правового мониторинга в субъектах Российской Федерации исследователи отмечали, что полномочия субъектов правового мониторинга четко не разграничены и не определены формы взаимодействия их между собой [Механизм правового мониторинга 2012: 44–45]. Данные проблемы остаются неразрешенными по сей день.

Пожалуй, одним из наиболее проблемных вопросов в региональном регулировании правового мониторинга является его методико-информационное обеспечение. Ни

¹ Постановление Курганской областной Думы от 27 декабря 2011 г. № 588 «О мониторинге правоприменения в Курганской областной Думе».

в одном субъекте Российской Федерации правовое регулирование данного вопроса не отвечает критериям полноты и достаточности, особенно в части информационного обеспечения. Если мониторинг правоприменения осуществляется согласно утвержденной на федеральном уровне методике, то единое регулирование методико-информационного обеспечения мониторинга законодательства отсутствует. Лишь в отдельных субъектах Российской Федерации (например, в Свердловской области) предпринята попытка сформулировать показатели мониторинга законодательства. В большинстве регионов, где проводится мониторинг законодательства, закреплены требования к докладу о состоянии законодательства (иному документу по результатам мониторинга), которые в определенной мере дают представление о том, каким должно быть содержание такого документа (например, в Московской и Липецкой областях, ЯНАО). Вместе с тем вопрос о методологии непосредственно влияет на качество результатов правового мониторинга, а значит, и на эффективность правового регулирования в целом.

Анализируя современные технологии в правотворчестве, М. В. Залоило отмечает, что «важнейшим элементом правового мониторинга является его информационное обеспечение» [Залоило 2020: 134]. Информационное обеспечение правового мониторинга в региональных актах либо не регулируется вообще, либо исчерпывается несколькими положениями: 1) о требованиях к информации, на основе которой осуществляется мониторинг (например, в Свердловской области), 2) об информационно-техническом оснащении правового мониторинга. Последний вопрос решается главным образом путем создания автоматизированных информационных систем, на базе которых обобщается весь свод полученной в ходе правового мониторинга информации, причем это крайне затруднительно, поскольку требует значительных материальных и кадровых ресурсов. Как следствие, немногие регионы в принципе предпринимают попытки его решить. В Свердловской области на базе УИРЗ создана система «Регион-Закон», отражающая результаты мониторинга полномочий органов государственной власти Свердловской

области¹. В ЯНАО имеются внутренние системы, составленные по принципу «досье закона».

В субъектах Российской Федерации накоплен достаточно большой опыт в области организации и проведения мониторинга, особенно мониторинга законодательства. Прежде всего это касается тех субъектов, в которых уже сложилась устойчивая нормативная база по вопросам нормотворчества, в частности подготовки и оформления нормативных правовых актов. Так как единообразного системного федерального законодательства

¹ Под мониторингом полномочий здесь понимается деятельность по сбору, обобщению, анализу и оценке информации о полномочиях государственных органов субъектов Российской Федерации, предусмотренных в нормативных правовых актах Российской Федерации. Для этой цели в структуре ИПС «Регион-Закон» сформированы информационные базы, в частности «Перечень полномочий государственных органов субъектов Российской Федерации, предусмотренных в федеральных законодательных актах» и «Полномочия государственных органов Свердловской области». Эти элементы информационной системы позволяют хранить и актуализировать правовую информацию, обеспечивать поиск необходимых данных по различным критериям, а также предоставлять сведения для анализа федерального и регионального законодательства (Информационно-правовая система «Регион-Закон». Уральский институт регионального законодательства // URL: <https://www.uirz.ru/?x=region> (дата обращения: 08.06.2024).

в сфере правового мониторинга нет, регионы находят собственные решения. Многие из них, как показал проведенный в настоящей статье анализ, могут быть оценены весьма положительно: понимание правового мониторинга в контексте концепции эффективности права, классификация правового мониторинга по объекту, выделение специализированных структур по осуществлению правового мониторинга, разработка собственных методик правового мониторинга.

Выделим возможные направления совершенствования регулирования правового мониторинга в субъектах Российской Федерации: 1) устранение фрагментарности регулирования правового мониторинга, 2) проработку терминологического аппарата, 3) законодательное разграничение полномочий субъектов правового мониторинга, обладающих публично-властными функциями, определение прав субъектов правового мониторинга, участвующих в его проведении по собственной инициативе, а также выработку форм взаимодействия всех субъектов правового мониторинга между собой, 4) разработку методик правового мониторинга, 5) разработку автоматизированных информационных систем для обобщения и обработки информации, полученной в ходе правового мониторинга.

Список литературы

- Арзамасов Ю. Г., Наконечный Я. Е. Мониторинг в правотворчестве: теория и методология. М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2009. 196 с.
- Бошно С. В. Проект закона о нормативных правовых актах: столкновение правотворчества, теории и практики // Государство и право. 2015. № 11. С. 14–23.
- Горохов Д. Б., Спектор Е. И., Глазкова М. Е. Правовой мониторинг: концепция и организация // Журнал российского права. 2007. № 5. С. 25–38.
- Желдыбина Т. А. Правовой мониторинг: сравнительный анализ российского и зарубежного опыта // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 2–5.
- Залоило М. В. Современные юридические технологии в правотворчестве: науч.-практ. пособие. М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации; Норма; Инфра-М, 2020. 184 с.
- Механизм правового мониторинга: науч.-практ. пособие / отв. ред. А. В. Павлушкин. М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации, 2012. 160 с.
- Нормография: теория и технология нормотворчества: учеб. для вузов / под ред. Ю. Г. Арзамасова. М.: Юрайт, 2020. 542 с.
- Тихомиров Ю. А. Организация и проведение правового мониторинга // Право и экономика. 2006. № 10. С. 11–15.
- Чеснокова М. Д. Мониторинг законодательства и правоприменительной практики: опыт субъектов Российской Федерации // Журнал российского права. 2010. № 8. С. 89–95.

Эффективность законодательства: вопросы теории и практика: моногр. / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. П. Емельянцева. М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации; Инфра-М, 2015. 336 с.

Александр Владимирович Блещик – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: bleszczyk@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-9166-4432

Валентина Викторовна Руденко – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: emikh.valentina@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-6641-691X

Legal Monitoring in the Subjects of the Russian Federation: Features of Regulation

Using a comparative legal research method, the authors identify common and special features of the regulation of legal monitoring at both federal and regional levels, and compare options for regulating legal monitoring at the regional level with each other. Regulation in the field of organizing and implementing legal monitoring in constituent entities of the Russian Federation was assessed according to the following criteria: terminology, object of legal monitoring, subject of legal monitoring, methodological and information support of legal monitoring. The research of the subject composition of legal monitoring (bodies and organizations carrying out monitoring studies and preparing a summary report on their results), as well as the functionality of the relevant bodies and organizations allowed the authors to identify several main models for conducting legal monitoring in the constituent entities of the Russian Federation.

The authors conclude that the significant experience accumulated by the regions in legal regulation of legal monitoring and related issues of rule-making in some cases is ahead of the experience of federal regulation. The article determines the directions for further improvement of regional legislation on legal monitoring issues.

Keywords: legal monitoring, monitoring of law enforcement, monitoring of legislation, subjects of legal monitoring, methods of legal monitoring, objects of legal monitoring

Recommended citation

Bleshchik A. V., Rudenko V. V. Pravovoi monitoring v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii: osobennosti reglamentatsii [Legal Monitoring in the Subjects of the Russian Federation: Features of Regulation], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 2, pp. 4–12, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-4-12.

References

Arzamasov Yu. G. (ed.) *Normografiya: teoriya i tekhnologiya normotvorchestva* [Normography: Theory and Technology of Rule-Making], Moscow, Yurait, 2020, 542 p.

Arzamasov Yu. G., Nakonechnyi Ya. E. *Monitoring v pravotvorchestve: teoriya i metodologiya* [Monitoring in Lawmaking: Theory and Methodology], Moscow, Izd-vo MGTU im. N. Eh. Baumana, 2009, 196 p.

Boshno S. V. Proekt zakona o normativnykh pravovykh aktakh: stolknovenie pravotvorchestva, teorii i praktiki [Draft Law on Normative Legal Acts: The Collision of Lawmaking, Theory and Practice], *Gosudarstvo i pravo*, 2015, no. 11, pp. 14–23.

Chesnokova M. D. Monitoring zakonodatel'stva i pravoprimeritel'noi praktiki: opyt sub"ektov Rossiiskoi Federatsii [Monitoring Legislation and Law Enforcement Practice: Experience of the Constituent Entities of the Russian Federation], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2010, no. 8, pp. 89–95.

Gorokhov D. B., Spektor E. I., Glazkova M. E. Pravovoi monitoring: kontseptsiya i organizatsiya [Legal Monitoring: Concept and Organization], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2007, no. 5, pp. 25–38.

Pavlushkin A. V. (ed.) *Mekhanizm pravovogo monitoring* [Legal Monitoring Mechanism], Moscow, In-t zakonodatel'stva i sravnit. pravovedeniya pri Pravitel'stve Ros. Federatsii, 2012, 160 p.

Tikhomirov Yu. A. Organizatsiya i provedenie pravovogo monitoringa [Organization and Conduct of Legal Monitoring], *Pravo i ehkonomika*, 2006, no. 10, pp. 11–15.

Tikhomirov Yu. A., Emel'yantsev V. P. (eds.) *Ehffektivnost' zakonodatel'stva: voprosy teorii i praktika* [Efficiency of Legislation: Issues of Theory and Practice], Moscow, In-t zakonodatel'stva i sravnit. pravovedeniya pri Pravitel'stve Ros. Federatsii, Infra-M, 2015, 336 p.

Zaloilo M. V. *Sovremennye yuridicheskie tekhnologii v pravotvorchestve* [Modern Legal Technologies in Law-Making], Moscow, In-t zakonodatel'stva i sravnit. pravovedeniya pri Pravitel'stve Ros. Federatsii, Norma, Infra-M, 2020, 184 p.

Zheldybina T. A. Pravovoi monitoring: sravnitel'nyi analiz rossiiskogo i zarubezhnogo opyta [Legal Monitoring: Comparative Analysis of Russian and Foreign Experience], *Rossiiskaya yustitsiya*, 2020, no. 1, pp. 2–5.

Aleksandr Bleshchik – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of constitutional law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: bleszczyk@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-9166-4432

Valentina Rudenko – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of constitutional law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: emikh.valentina@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-6641-691X

Дата поступления в редакцию / Received: 15.11.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 10.06.2024

Н. Ю. Жуковская, Д. С. Казарова
Липецкий государственный педагогический университет
им. П. П. Семенова-Тян-Шанского
(Липецк)

В. А. Типунова
Средняя школа № 33 им. П. Н. Шубина
(Липецк)

ЛИЧНЫЕ ПРАВА РЕБЕНКА: СУЩНОСТЬ И СЛАГАЕМЫЕ КОНЦЕПТА

В статье анализируются теоретические и нормативно-правовые основы концепта «личные права ребенка», выявляются его сущность и содержание, а также место, которое в нем занимают категории «наилучшие интересы ребенка» и его «жизненно важные потребности». Авторы последовательно рассматривают особенности трактовки понятий «права человека», «личные права ребенка», «личные неимущественные права ребенка», «интересы ребенка». Необходимость такого анализа, по мнению авторов, обусловлена практической задачей четко определить правовые основания, механизмы и субъектов обеспечения и защиты прав несовершеннолетних. При проведении исследования были использованы общенаучные методы (анализа и синтеза, построения гипотез, систематизации), частные методы общественных наук (формально-юридический, конкретно-исторический, компаративный), а также методы эмпирических исследований (наблюдение, изучение и обобщение психолого-педагогического опыта).

Авторы приходят к выводу, что правовой институт «личные права ребенка» имеет комплексный, межотраслевой характер, а его содержание не исчерпывается ни совокупностью закрепленных в Основном законе государства личных прав и свобод человека, ни набором личных неимущественных прав, подпадающих под действие норм гражданского и семейного права. При этом особую группу личных прав ребенка образуют права, имеющие отношение к психолого-педагогическим практикам (право на общение со сверстниками, на поддержку для развития способностей, право не подвергаться давлению педагогов и т. п.).

Ключевые слова: личные права ребенка, интересы ребенка, личные неимущественные права ребенка, права психолого-педагогического характера, «наилучшие интересы ребенка», жизненно важные потребности

Для цитирования

Жуковская Н. Ю., Казарова Д. С., Типунова В. А. Личные права ребенка: сущность и слагаемые концепта // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 2. С. 13–24. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-13-24.

УДК 342.7

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-13-24

Введение

В современном обществе дети являются особым объектом опеки и защиты. Международное сообщество в целом и каждая страна в отдельности стремятся создать благоприятные условия для полноценного развития и воспитания несовершеннолетних, обеспечить их комфортное вхождение во взрослую

жизнь. Отдельная группа этих необходимых для нормального развития ребенка условий связана с обеспечением прав детей, прежде всего их особой категории – личных прав ребенка. В совокупность последних входят такие непреходящие ценности, как право на жизнь, личную неприкосновенность, достоинство и т. п., а также специфические права,

которые могут принадлежать только детям: право на воспитание в семье, заботу, общение с родителями. Между тем исчерпывающих представлений о составе прав ребенка, которые могут быть отнесены к категории личных, сегодня нет ни в международном, ни в национальном праве.

Актуальность исследования вопросов, связанных с конкретизацией содержания личных прав ребенка и их реальным обеспечением, обусловлена рядом обстоятельств:

несмотря на кажущееся разнообразие международно-правовых и национальных институтов, созданных для защиты прав человека (в том числе ребенка), эксперты фиксируют недостаток внимания к реальному обеспечению прав детей;

в международном сообществе сегодня наблюдается явный интеллектуальный раскол по вопросу содержания прав детей и, в частности, того смысла, который несет в себе широко используемое в зарубежной судебной и иной социальной практике понятие наилучших интересов ребенка. Например, имеется противоречие между установками, которые транслирует сегодня Запад с его ориентацией на «гендерную идентичность», раннее половое просвещение и т. п., и целями воспитания, которые реализуются в государствах, придерживающихся традиционных ценностей (религиозных, семейных, культурно-исторических);

не утрачивает остроты тема психического и физического насилия в отношении детей, которая имеет непосредственное отношение к понятию «личные права ребенка». Так, по данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), только в Европе жертвами физического насилия ежегодно становятся более 55 млн детей и подростков; вследствие жестокого обращения в год преждевременно умирают, как минимум, 850 детей в возрасте до 15 лет [Жукова, Жуковская 2018: 84];

тема личных прав ребенка имеет прямое отношение к ситуации, которая складывается в современной школе. Это, в частности, обострившаяся в последние годы проблема выстраивания корректных взаимоотношений между учителями и учениками в рамках образовательного процесса, неуважительное отношение учителя к несовершеннолетним, с одной стороны, и хамского поведения учеников в классе – с другой [Ветошкин 2020].

Таким образом, несмотря на то что основополагающий международно-правовой акт в сфере обеспечения личных прав ребенка – Конвенция ООН о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. – действует уже более 30 лет, проблемы, связанные с содержанием и эффективностью системы обеспечения и защиты прав детей, сохраняют остроту. Среди прочего их актуальность обусловлена отсутствием ясности как в определении совокупности (и отраслевой принадлежности) личных прав несовершеннолетних, так и в установлении степени их реальной защиты в современных условиях. (Сделаем оговорку: в рамках данной статьи термины «ребенок» и «несовершеннолетний» используются в качестве синонимов.)

Объем специальной научной литературы, посвященной вопросам защиты прав ребенка, довольно велик. Это говорит не только о значительном интересе исследователей к названной проблематике, но и о серьезной озабоченности общества тем, в каком направлении будет развиваться институт защиты личных прав ребенка. Но характерно и то, что исследователи чаще рассматривают либо отдельные группы прав несовершеннолетних (права ребенка как воплощение прав человека [Ивлева, Баева, Утяшев 2012; Гончарова, 2020]; личные неимущественные права ребенка в семейных или гражданских правоотношениях [Елисеева 2019; Миролюбова 2012; Подрабинок 2020; Татаров 2018]), либо проблемы, возникающие в связи с определением «наилучшего обеспечения интересов ребенка» в судебной практике и социальной работе и различиях в их трактовке в российском и международном праве [Кабанов 2018; Павленко 2021; Serin 2023; Keddell 2023].

Наиболее адекватной представляется позиция тех авторов, которые полагают, что категория «права ребенка» требует комплексного изучения (в рамках как междисциплинарного, так и разноотраслевого подхода), способного составить общетеоретическую базу для наиболее полного учета интересов несовершеннолетних в различных сферах регулирования.

В то же время, несмотря на многочисленные исследования, остается практически неразрешимым вопрос, связанный с определением пределов допустимого вмешательства социума (родителей и особенно государства) в сферу личных прав ребенка, с определением критериев «благих намерений», мак-

симально отвечающих интересам несовершеннолетних. Большинство национальных юрисдикций сегодня сталкивается с тем, что ограничения для вмешательства общества в личные права ребенка фактически отсутствуют [Michałowska 2022; Margaletić 2023], а между теоретическими представлениями об этих правах и социальной практикой существует разрыв [Кравчук 2020].

«Права ребенка» и «личные права»: соотношение понятий

Под правами ребенка в целом подразумеваются права человека, ограниченные особенностями положения детей. Безусловно признается, что дети – это личности, находящиеся в процессе становления. Они представляют собой специфическую категорию субъектов права, к которой относятся лица определенного возраста (до 18 лет), неспособные самостоятельно осуществлять защиту своих прав в силу недостаточного развития, духовной и физической незрелости. Международное право относит детей к категории «уязвимых групп общества», т. е. таких, которые не обладают полноценными возможностями защищать свои права и свободы. Отсюда особое внимание общества к вопросам обеспечения и защиты прав несовершеннолетних.

В рамках национальных и международно-правовой систем защиты прав человека необходимость выделения защиты личных прав ребенка в самостоятельную правовую сферу обусловлена объективными причинами. В числе последних: физическая и психическая незрелость несовершеннолетних, исторически обусловленный более низкий социальный статус детей по сравнению с социальным статусом взрослых, неспособность ребенка осознавать свои права и интересы и самостоятельно защищать их.

Однако «особенности положения», которые подразумевают, что дети не обладают всей полнотой прав, присущих взрослым, определяются внутренним законодательством государств и зачастую очень разнятся между собой. Проиллюстрировать это можно хотя бы на примере права на образование. Данное право (включая право на получение бесплатного начального и общего образования) закреплено непосредственно в ст. 26 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., а значит,

каждое государство, разделяющее международно-правовые представления об общепризнанных правах и свободах человека, обязано гарантировать своим гражданам возможность получить бесплатное начальное и общее образование. В конституционном же праве многих государств, включая Россию, объем реализации права на образование определяется исключительно волей государства. При этом в основных законах многих государств (в том числе высокоразвитых – Германии, Японии) право на образование упоминается без определения его обязательного уровня или гарантий бесплатности. В конституционных актах Сингапура и Афганистана образование не упоминается вообще: в них нет ни гарантий права на образование, ни соответствующей обязанности.

Для того чтобы составить наиболее полное представление о личных правах ребенка, необходимо дать краткую характеристику самого понятия «личные права» и их трактовку в юридической и иной обществоведческой литературе.

В среде специалистов по юриспруденции в совокупности личных прав принято выделять две составляющие: 1) права в широком смысле (которые являются производными от прав и свобод, имеющих универсальный международно-правовой характер) и 2) личные права в узком смысле (к которым относятся личные неимущественные права, выступающие предметом регулирования семейного и гражданского права) [Темникова 2010]. Содержание и объем прав обеих названных категорий пересекаются, поскольку в конституционно-правовой институт прав и свобод человека входят не только право на жизнь или личную неприкосновенность, но и, например, право на имя, достоинство, невмешательство в частную жизнь и др. Однако если расширенная трактовка личных прав требует обращения к истории становления прав ребенка вообще, к их международно-правовым истокам, то рассуждения о личных неимущественных правах ребенка ориентированы на обеспечение и защиту прав несовершеннолетнего во внутрисемейных отношениях (силами национального гражданского и семейного права).

В связи с тем что личные неимущественные права тесно связаны с личными правами, понимаемыми в широком смысле, и не-

посредственно из них вытекают, в детальном рассмотрении нуждаются как первые, так и вторые.

Личные права ребенка как часть института прав и свобод человека

В структуре общих представлений о правах и свободах человека личные права образуют особую группу с присущими только им сущностными признаками. Заметим, однако, что в международном праве нет отчетливого деления прав на личные (естественные, неотъемлемые) и прочие и что категория «личные права», по сути, имеет чисто теоретический характер. К сущностным признакам личных прав, как показывает анализ большого числа доктринальных источников [Татаров 2018; Гончарова 2020; Елисеева 2019; Романова 2012 и др.], относятся:

принадлежность к правам, которые присущи каждому человеку от рождения и не зависят от пола, расы, национальности, социального статуса, не связаны с гражданством и другими социальными характеристиками;

неотъемлемость (неотчуждаемость), независимость от воли государства в силу того, что права данной группы являются по своей природе негативными; в литературе принято придавать им естественноправовой характер (в частности, в конституционном праве России эта группа прав определяется как естественные права человека);

реализация таких прав в индивидуальном порядке, самой личностью (в отличие от прав, которые предполагают их осуществление в группе, коллективно, например право на забастовку, избирательное право и т. п.).

К личным правам и свободам человека согласно Конституции Российской Федерации относятся право на жизнь, на свободу и личную неприкосновенность; право на невмешательство в частную жизнь, личную и семейную тайну; право на защиту чести и доброго имени; право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства; свобода совести, мысли и слова. Перечисленные права, как следует из Конституции Российской Федерации (ст. 45, 46, 48, 50 и др.), дополняются и определенными правами процессуального характера, которые также являются неотъемлемыми. Это, например, право на судебную защиту, на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод, на справедливое и гу-

манное судопроизводство, презумпцию невиновности, запрет пыток и др.

Представленная характеристика личных прав позволяет утверждать, что они принадлежат к одному из важнейших элементов правового статуса личности в целом, к совокупности тех прав и свобод, которые выражают жизненно важные потребности и интересы человека, опосредуют его становление как уникальной личности. Реализация указанных прав не только способствует выживанию человека в современных условиях, но и служит источником социального прогресса в целом.

Таким образом, личные права по своему содержанию – это негативные права, естественные права человека (а следовательно, и любого ребенка). Их совокупность образует фундаментальную основу всех прочих прав и свобод.

Понятие и содержание личных неимущественных прав ребенка

Личные неимущественные права направлены преимущественно на обеспечение и защиту прав ребенка в самом ближайшем его окружении – среди родственников, сверстников, в школе и в других детских организациях. Само словосочетание «личные неимущественные» в данном случае обозначает лишь отраслевую «привязку» этой группы прав, их частноправовой характер, а вовсе не то, что рассмотренная ранее группа личных прав имела имущественную составляющую. Очевидно, что права на жизнь, достоинство, личную тайну и др. по содержанию являются неимущественными.

Стоит отметить, что, по оценкам юристов, личные неимущественные права (в отличие от прав и свобод человека) не имеют отчетливых признаков, подходящих для каждого из таких прав [Романова 2012: 41]. В литературе можно встретить следующие основные характеристики прав этой группы:

права рассматриваемой категории тесно связаны с личностью ребенка: такое право не может быть отчуждено, оно сопровождает человека на протяжении всего периода его взросления, а в некоторых случаях – и всю жизнь;

у таких прав отсутствует экономическое содержание: личное право не обусловлено имущественными интересами субъекта;

реализация прав направлена на формирование личности ребенка, выявление его способностей и развитие индивидуальности;

право реализуется в рамках правоотношений, называемых абсолютными, поскольку управомоченное лицо (ребенок) вступает во взаимоотношения с неограниченным (неопределенным) кругом обязанных лиц;

весьма существенную роль в определении прав рассматриваемой категории играет то, что обязанности по обеспечению личных прав ребенка возложены на его родителей или законных представителей [Татаров 2018: 64].

К числу личных неимущественных прав ребенка относятся, например, право на заботу и совместное проживание со своими родителями, право на воспитание в семье, на всестороннее развитие; возможность общения с родителями и другими родственниками; право на имя, право выражать свое мнение и т. п.

Принимая во внимание изложенное, вполне обоснованным считаем определение реализуемых в семье личных неимущественных прав ребенка, предложенное Н. А. Романовой. По ее мнению, таковыми являются «возникающие с момента рождения на основании (или в силу) закона права, прекращающиеся по достижении совершеннолетия; реализующиеся в семейных отношениях, в которых одной из сторон выступает ребенок; направленные на воспитание, образование, обеспечение духовного развития и формирование ребенка полноценным членом общества» [Романова 2012: 42].

Перечень предусмотренных ст. 150 Гражданского кодекса РФ личных неимущественных прав, которые принадлежат ребенку в той же степени, что и всем прочим людям, является открытым. Среди прочих в него включены права на честь и доброе имя, свободу передвижения, имя, авторство, свободу выбора места жительства и другие права, «принадлежащие гражданину в силу закона или от рождения». Именно эта норма права России позволяет, с одной стороны, признавать неделимость категории «личные права ребенка», но с другой – уравнивать значимость как самих прав, так и потенциальных способов их обеспечения. Вместе с тем Гражданский кодекс РФ не предусматривает механизмов обеспечения и защиты прав детей, что значительно усложняет их реализацию.

Изложенное позволяет заключить, что личное неимущественное право по сути является правом субъективным, т. е. тесно связанным с личностью своего носителя (субъекта), в на-

шем случае – ребенка. Соответственно у такого права имеются специфические основания возникновения, изменения и прекращения. В частности, общим основанием возникновения права выступает сам факт рождения ребенка [Темникова 2010: 82]. Если с самого раннего возраста ребенка не будут удовлетворены его потребности в пище, одежде, развитии, заботе о его здоровье, он не сможет полноценно сформироваться как личность, в которой преобладают социально значимые качества.

Психолого-педагогические права ребенка

Помимо деления прав детей на неотъемлемые права человека и личные неимущественные права, в литературе встречаются и другие способы классификации личных прав ребенка.

Например, в работе С. М. Самариной, рассматривающей проблемы обеспечения личных прав ребенка в общеобразовательной организации, все они поделены на три группы: 1) права, которые непосредственно связаны со школой (другой образовательной организацией) и полностью зависят от нее (например, право на участие в школьных культурно-массовых мероприятиях, на досуг, соблюдение санитарных норм и др.); 2) права, которые реализуются в зависимости от социально-педагогической позиции учителя (право на свободное выражение своего мнения, адекватную реакцию на поведение, свобода совести, мысли и т. п.); 3) права, которые подразумевают создание особых механизмов, обеспечивающих их реализацию (например, право обучающихся на психолого-педагогическую поддержку, на защиту от психологического насилия, помощь в выборе будущей профессии, в поощрении особых дарований и др.) [Самарина 2010: 52]. Однако предложенную классификацию нельзя признать удовлетворительной. В частности, сомнительным представляется выбор критериев для выделения названных групп прав: он не позволяет сформулировать единые признаки таких личных прав и четко отграничить одну их группу от другой. Соответственно невозможно разграничить (по субъектам реализации, способам выполнения, правовым основаниям) и механизмы обеспечения этих прав.

В то же время рассуждения о совокупности прав, которые необходимы для полноценного развития ребенка и реализуются

в его ежедневных практиках (в организациях общего и дополнительного образования, в общении с педагогами и сверстниками), позволяют выделить еще одну самостоятельную группу их личных прав – права психолого-педагогического характера. Совокупность этих прав весьма обширна, поскольку к ним можно отнести, например, право быть выслушанным, не подвергаться давлению педагогов, право общаться со сверстниками, получать поддержку для приобретения тех или иных навыков и др. Особенность этой группы прав заключается в их большой вариативности и значительной обусловленности таким фактором, как индивидуальные особенности ребенка. В частности, для особо одаренного ребенка будет крайне важна помощь в развитии его способностей, в создании условий для получения им дополнительных знаний и навыков. Для ребенка с ограниченными возможностями здоровья потребуется реализация права на инклюзивное образование и доступную образовательную среду. Для ребенка, отстающего в развитии, необходима работа с дефектологами и другими специалистами по коррекционной педагогике. Для каждого ребенка будет важна адекватная реакция на его поведение и др. [Ветошкин 2020]. Все перечисленные потребности будут иметь прямое отношение к личным правам ребенка.

Содержание понятий «интересы ребенка» и «наилучшее обеспечение интересов ребенка»

Рассуждения о том, что включает в себя понятие «личные права ребенка», были бы неполными без уточнения того, в чем состоят интересы несовершеннолетнего и что понимается под обеспечением его прав. На международном уровне данные категории по сей день понимаются по-разному. Соответственно и в трактовках понятий «интересы ребенка» или «меры по их обеспечению» нет единообразия, особенно в контексте интеграции в национальные законы.

Содержание названных категорий постоянно меняется под действием ряда факторов. Во-первых, в каждом случае оно зависит от возраста несовершеннолетнего и уровня его развития (у детей разного возраста разные интересы). Во-вторых, представления об интересах детей изменяются на глобальном уровне: по мере либерализации общественных отношений в международно-правовом дискурсе

выявляются новые виды дискриминации несовершеннолетних. Например, в принятой Советом Европы Стратегии по правам ребенка (2022–2027) предполагается вести борьбу с дискриминацией любых видов, в том числе по признаку «сексуальной ориентации и гендерной идентичности». Эти соображения позволяют «под новым углом» взглянуть на интересы ребенка и необходимые механизмы их защиты и соответственно поставить вопросы, на которые национальные юрисдикции ответов пока не дают. Отсюда большой разброс в представлениях как об интересах ребенка, так и о способах их защиты на национальном и международном уровнях.

Стоит напомнить, например, что именно несовпадения в понимании интересов детей и способов их обеспечения в 2012 г. привели к разрыву отношений между Российской Федерацией и Детским фондом ООН (ЮНИСЕФ) и к прекращению деятельности Фонда на российской территории. В 2016 г. Россия отказалась принять в «целостном виде» упомянутую выше Стратегию Совета Европы по причине ее несоответствия государственной семейной политике Российской Федерации.

Практически во всех международно-правовых актах, посвященных защите прав детей, начиная с Конвенции ООН 1989 г. используется понятие «наилучшие интересы ребенка» (*the best interests of the child*), которое подразумевает благополучие ребенка в целом, т. е. такую реализацию его прав и интересов, которая могла бы обеспечить наилучший результат для самого ребенка. При этом критерии достижения «наилучшего результата» не определены, что на практике зачастую провоцирует столкновение интересов общества (отдающего приоритет, например, защите прав на неприкосновенность частной жизни взрослого человека) и интересов конкретного ребенка.

Ориентиром для наиболее адекватного понимания «наилучших интересов ребенка» на международном уровне может служить Замечание общего порядка № 14 (2013) Комитета ООН по правам ребенка. Согласно ему в процессе реализации концепции «наилучших интересов ребенка» среди прочего должны быть учтены: «универсальный, неделимый, взаимозависимый и взаимосвязанный характер прав детей»; признание их

лицами, «наделенными правами»; «краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные последствия действий, касающихся развития ребенка с течением времени» (п. 16). Из документа следует, что государства обязуются «уважать, защищать и осуществлять все права детей» (п. 16), а «нестандартизированная» процедура оценки их интересов (п. 48) среди прочего должна учитывать: индивидуальные особенности ребенка, его взгляды (п. 53), уязвимое положение, право на здоровье и образование. Лица, осуществляющие оценку наилучших интересов ребенка, должны стремиться к сохранению его семейного окружения и поддержанию отношений с членами семьи (в том числе к недопущению распада семьи) (пп. 58–60). Оговаривается также, что по мере взросления ребенка все большая значимость должна придаваться его личному мнению (п. 44).

Основная цель разработки и применения концепции наилучших интересов ребенка – обеспечить физическую, психологическую, моральную и духовную целостность и неприкосновенность ребенка и содействовать утверждению его человеческого достоинства [Кравчук 2020: 108]. Однако даже с учетом изложенных выше критериев оценки «наилучших интересов» Замечание Комитета ООН по правам ребенка 2013 г. нельзя признать документом, дающим исчерпывающие ответы на все вопросы, связанные с выявлением интересов ребенка и определением его жизненно важных потребностей.

Отечественные авторы понятие «наилучшие интересы ребенка» используют преимущественно лишь для сопоставления положений российского и международного права, поскольку содержание этого понятия фактически совпадает с представлениями об интересах ребенка как таковых. Говоря иначе, российские исследования, посвященные интересам ребенка, можно считать вкладом в развитие концепции «наилучших интересов ребенка» (или, если точнее, наилучшего обеспечения прав ребенка), и можно утверждать, что в процессе выявления сущности этих интересов нет необходимости использовать эпитет «лучшие». Например, в изложении О. А. Бондаренко под интересами ребенка понимается имеющаяся у него субъективная потребность «в благоприятных условиях существования» [Бондаренко 2017: 46], в соз-

дании для него такой среды, которая необходима для его полноценной жизни и развития. Очевидно, что приведенное определение направлено на создание условий, максимально обеспечивающих благополучие ребенка, т. е. на наилучшее обеспечение его интересов.

Дополнительный нюанс в содержание рассматриваемой категории вносит Н. В. Кравчук, которая замечает, что для российской правовой школы наиболее характерно употребление понятия «законный интерес ребенка». Такая формулировка подчеркивает, с одной стороны, зависимость смыслового наполнения этого интереса от усмотрений законодателя, а с другой – на гарантированность его правовой защиты. Однако такой подход дает дополнительные основания обозначить разницу в трактовке как самих интересов, так и критериев их оценки, которые используются в международном праве и в праве России.

Мнения отечественных и зарубежных авторов совпадают в том, что понятие «интересы ребенка» является крайне сложным для точного определения в связи с многообразием его признаков [Кравчук 2017; Keddell

Основная цель разработки и применения концепции наилучших интересов ребенка – обеспечить физическую, психологическую, моральную и духовную целостность и неприкосновенность ребенка

2023]. В. А. Ветошкин, например, справедливо полагает, что «право ребенка на благополучное развитие подразумевает практически все правовые аспекты человеческого существования» [Ветошкин 2020: 29] (начиная с реализации права на жизнь и здоровье и заканчивая, например, правом на любовь и понимание). Однако на практике приоритет отдается опять же интересам общества, а не субъективным интересам ребенка.

Наиболее проблемный аспект выявления «наилучших интересов ребенка» – трактовка его предполагаемых «жизненно важных потребностей», которая сегодня очень размыта. Так, в одних случаях эта потребность включает в себя относительно высокий уровень материальной обеспеченности, способствующий всестороннему развитию ребенка, в других – акцент ставится на нравственном,

духовном и физическом развитии личности ребенка. При этом выделяется учет такого критерия, как личное мнение ребенка [Кравчук 2017: 98], хотя на практике оно зачастую игнорируется в угоду обеспечению «благоприятных условий» для развития [Миролюбова 2012].

Следовательно, понятие «интересы ребенка» в сочетании с представлениями об их наилучшем обеспечении формируют основу личных прав детей любой отраслевой принадлежности. Однако до настоящего времени у этой оценочной категории нет однозначного содержания ни в доктрине, ни в российском законодательстве.

Традиционно в литературе отмечается, что дети не могут осознанно относиться к своим интересам. По этой причине содержание интересов маленьких граждан принято не только передавать, но и формировать посредством воли лиц, призванных заботиться о ребенке, – «его законных представителей, органов опеки и попечительства» [Бондаренко 2017: 45]. Так, очевидно, что отказ ребенка, например, посещать школу в сочетании с его повышенным интересом к художественному творчеству не будет воспринят окружающими взрослыми (родителями, учителями и т. п.) как его личное право, которое необходимо защищать. Соответственно оценка интересов ребенка есть всегда результат общественного волеизъявления.

К слову, на основании анализа уже упомянувшегося ранее Замечания общего порядка № 14 (2013) Комитета ООН по правам ребенка можно сделать вывод о наличии еще одной специфической группы личных прав ребенка. Это «процессуальные права», предназначенные для наиболее полноценного следования концепции наилучшего обеспечения прав ребенка при вынесении решений, касающихся его судьбы. Соблюдение такого права будет означать, что процесс принятия решения в отношении конкретного ребенка включает в себя оценку возможного как позитивного, так и негативного воздействия данного решения на его дальнейшую судьбу [Кабанов 2018: 56].

Изложенное позволяет заключить, что сложившиеся институты защиты прав детей как в России, так и за рубежом ориентированы не только на деятельность судебных органов и иных правозащитных структур, но и на ежедневный учет интересов ребенка в обыч-

ных бытовых ситуациях в школе, в детском саду, в семье. Однако полноценно используются они только в процессуальном праве. Реализация же такого подхода предполагает формирование соответствующих правовых механизмов, а равно фактическое изменение отношения государства и общества к детям, обеспечение уважения их конкретных прав, но вместе с тем и предъявление к ним разумных, соответствующих возрасту требований.

Несмотря на действующие международно-правовые стандарты, которые целенаправленно вмешиваются в вопросы защиты детства, современное российское право, призванное защищать интересы несовершеннолетних, развивается под влиянием двух факторов: а) государственно-политических приоритетов; б) ориентации на благополучие ребенка, понимаемое в духе традиционных национально-культурных ценностей. В этой части российское право до некоторой степени вступает в противоречие с тенденциями развития правовых норм части мирового сообщества, понимающего под интересами несовершеннолетних не только обеспечение их благополучия и полноценного развития в своей семье, но и необходимость защиты ребенка от собственных родителей, не разделяющих, например, идеи о раннем половом просвещении. По сути, полностью встроены в российское законодательство лишь базовые элементы международно-правовой системы защиты прав детей. При этом слабой стороной отечественных институтов обеспечения прав ребенка остается их неспособность должным образом уравновесить названные факторы. Как следствие, большая часть ориентированных на детей норм имеет рекомендательный, а не обязательный характер, а объем реального регулирования остается ограниченным.

Заключение

Таким образом, личные права ребенка представляют собой сложносоставную категорию. К ним относится совокупность непосредственно привязанных к субъекту (ребенку) прав и свобод, которые обеспечивают жизнь и личную неприкосновенность несовершеннолетнего, процесс его воспитания, обучения и всестороннего развития, способствуют достижению физической и духовной зрелости. В число личных прав ребенка входят как права и свободы конституционно-

правового характера (право на жизнь, личную неприкосновенность, достоинство и др.), так и права, берущие начало во внутрисемейных отношениях (право на воспитание в семье, на заботу, на общение с родителями и т. п.). В особую группу прав в соответствии с критерием их обеспечения в рамках образовательной организации и непосредственной связи с обучением и воспитанием можно выделить права, которые имеют психолого-педагогический характер.

Необходимость определить совокупность личных прав ребенка и их отраслевую принадлежность непосредственно связана с решением вопросов их обеспечения (определением правовых оснований, механизмов и субъектов реализации). Представляется, что только однозначное закрепление последних позволит установить равновесие между личными правами и свободами, носителем которых является каждый ребенок, и социальной необходимостью.

Список литературы

Keddell E. On Decision Variability in Child Protection: Respect, Interactive Universalism and Ethics of Care // *Ethics and Social Welfare*. 2023. Vol. 17. № 1. P. 4–19. DOI: 10.1080/17496535.2022.2073381.

Margaletić Č. A. Prava roditelja na privatnost i zaštitu osobnih podataka i dobrobit djeteta kao vrhunski pravni standard // *Zbornik Pravnog fakulteta u Zagrebu*. 2023. № 5. P. 931–954. DOI: 10.3935/zpfz.73.5.04.

Michałowska K. Limits of Parental Interference in a Child's Personal Rights – Selected Issues // *Białostockie Studia Prawnicze*. 2022. Vol. 27. № 3. P. 49–69. DOI: 10.15290/bsp.2022.27.03.03.

Serin H. Violation of Rights at Schools: Violation of Personal Data Protection and Legal Dimension of Body and Belongings Search // *HAYEF: Journal of Education*. 2023. № 3. P. 297–303. DOI: 10.5152/hayef.2023.23053.

Бондаренко О. А. «Интересы ребенка» как правовая категория // *Legal Concept*. 2017. № 1. С. 44–49. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2017.1.7.

Ветошкин С. А. Педагогико-правовые проблемы обеспечения благополучного развития ребенка в России // 30 лет Конвенции о правах ребенка: современные вызовы и пути решения проблем в сфере защиты прав детей: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 17 ноября 2020 г.) / науч. ред. Е. М. Дорожкин, И. Р. Мороков. Екатеринбург: РГППУ, 2020. С. 27–38.

Гончарова С. Г. Система конституционных прав и свобод ребенка в Российской Федерации // 30 лет Конвенции о правах ребенка: современные вызовы и пути решения проблем в сфере защиты прав детей: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 17 ноября 2020 г.) / науч. ред. Е. М. Дорожкин, И. Р. Мороков. Екатеринбург: РГППУ, 2020. С. 42–45.

Елисеева А. А. Личные неимущественные права, обязанности детей и родителей в российской семье: эволюция правового института // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2019. № 2. С. 124–130. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.54.2.124-130.

Жукова Е. В., Жуковская Н. Ю. Семейное насилие в отношении несовершеннолетних и способы противодействия ему в России и за рубежом // *Грани педагогики безопасности: материалы студенческой Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием* (Екатеринбург, 23 ноября 2018) / сост. В. В. Гафнер. Екатеринбург: УрГПУ, 2018. С. 83–94.

Ивлева Т. В., Баева Р. Р., Утяшев М. М. Генезис конституционного права ребенка на свободу и личную неприкосновенность // *Вестник Башкирского университета*. 2012. № 1. С. 349–352.

Кабанов В. Л. Реализация принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка по международному и национальному праву. М.: Экон-Информ, 2018. 332 с.

Кравчук Н. В. «Интересы ребенка» в международном и российском праве: сравнительный анализ доктрины и практика применения // *Государство и право*. 2020. № 2. С. 107–116. DOI: 10.31857/S013207690008548-4.

Кравчук Н. В. Наилучшие интересы ребенка: содержание понятия и его место в семейном законодательстве России // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 97–103. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.78.5.097-103.

Миролюбова О. Г. О семейно-правовом понятии «интересы ребенка» // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2012. № 4. С. 56–58.

Павленко Е. М. Обеспечение наилучших интересов и безопасности детей: международные стандарты и практика в России // Вестник МГПУ. Сер. Юридические науки. 2021. № 4. С. 75–85. DOI: 10.25688/2076-9113.2021.44.4.08.

Подрабинок Е. М. Особенности возникновения субъективных личных неимущественных прав несовершеннолетних граждан // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 110–123. DOI: 10.26907/2541-7738.2020.2.110-123.

Романова Н. А. Понятие и классификация личных неимущественных прав ребенка // Юридическая наука. 2012. № 1. С. 39–42.

Самарина С. М. Обеспечение личных прав ребенка – одно из основных направлений деятельности общеобразовательного учреждения // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 1. С. 50–57.

Татаров В. А. Осуществление прав ребенка на достоинство личности, личную неприкосновенность, честь и доброе имя по гражданскому законодательству Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2018. № 2. С. 62–66. DOI: 10.24411/2312-0444-2018-10011.

Темникова Н. А. Понятие и классификация семейных личных неимущественных прав ребенка // Вестник ОмГУ. Сер. Право. 2010. № 2. С. 82–89.

Наталия Юрьевна Жуковская – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Липецкого государственного педагогического университета им. П. П. Семенова-Тян-Шанского. 398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, д. 42. E-mail: lgpu322@gmail.com.

ORCID: 0000-0003-3143-7000

Диана Сергеевна Казарова – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Липецкого государственного педагогического университета им. П. П. Семенова-Тян-Шанского. 398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, д. 42. E-mail: kazarova-diana@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-3778-3825

Виктория Александровна Типунова – учитель истории и обществознания, советник директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями средней школы № 33 им. П. Н. Шубина. 398036, Российская Федерация, Липецк, бульвар Шубина, д. 15. E-mail: tipunova1@mail.ru.

ORCID: 0009-0005-1855-2860

The Personal Rights of the Child: The Essence and Summands of the Concept

The purposes of the article are to analyze the theoretical and law foundations of the concept «the personal rights of the child», to identify its essence and content, as well the place occupied by the categories of «the best interests of the child» and his «vital needs» in it. The authors consistently consider the peculiarities of the interpretation of concepts of «human rights», «personal rights of the child», «personal non-property rights of the child», «interests of the child». The need for such an analysis is due to the practical tasks to clearly define the legal grounds, mechanisms and subjects of ensuring and protecting the rights of minors. The researchers used general scientific methods (analysis and synthesis, hypotheses, systematization), specific methods of social sciences (formal legal, concrete historical, comparative methods), as well as methods of empirical research (observation, study and generalization of psychological and pedagogical experience).

The authors conclude, that the legal institution «personal rights of the child» has a complex, intersectoral character; the content of this institution is not limited either by the totality of personal human rights and freedoms enshrined in the Constitution of the State, or by a set of personal non-property rights subject to the norms of civil and family law. At the same time, a special group of personal rights of the child is formed by rights related to psychological and pedagogical practices (for example, the right to communicate with peers, to obtain support for the development of abilities, the right not to be subjected to pressure from teachers, etc.).

Keywords: personal rights of the child, interests of the child, personal non-property rights of the child, rights of a psychological and pedagogical nature, the best interests of the child, vital needs

Recommended citation

Zhukovskaya N. Yu., Kazarova D. S., Tipunova V. A. Lichnye prava rebenka: sushchnost' i slagaemye kontsepta [The Personal Rights of the Child: The Essence and Summands of the Concept], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 2, pp. 13–24, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-13-24.

References

Bondarenko O. A. «Interesy rebenka» kak pravovaya kategoriya [«The Interests of the Child» as a Legal Category], *Legal Concept*, 2017, no. 1, pp. 44–49, DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2017.1.7.

Eliseeva A. A. Lichnye neimushchestvennye prava, obyazannosti detei i roditel'ei v rossiiskoi sem'e: evolyutsiya pravovogo instituta [Personal Non-Property Rights, Obligations of Children and Parents in the Russian Family: The Evolution of the Legal Institution], *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)*, 2019, no. 2, pp. 124–130, DOI: 10.17803/2311-5998.2019.54.2.124-130.

Goncharova S. G. *Sistema konstitutsionnykh prav i svobod rebenka v Rossiiskoi Federatsii* [The System of Constitutional Rights and Freedoms of the Child in the Russian Federation], Dorozhkin E. M. (ed.) *30 let Konventsii o pravakh rebenka: sovremennye vyzovy i puti resheniya problem v sfere zashchity prav detei* [30 Years of the Convention on the Rights of the Child: Modern Challenges and Ways to Solve Problems in the Field of Protection of Children's Rights]: conference papers, Ekaterinburg, RGPPU, 2020, pp. 42–45.

Ivleva T. V., Baeva R. R., Utyashev M. M. Genезis konstitutsionnogo prava rebenka na svobodu i lichnyuyu neprikosnovennost' [Genesis of the Constitutional Right of the Child to Freedom and Personal Inviolability], *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2012, no. 1, pp. 349–352.

Kabanov V. L. *Realizatsiya printsipa nailuchshego obespecheniya interesov rebenka po mezhdunarodnomu i natsional'nomu pravu* [Implementation of the Principle of the Best Interests of the Child in International and National Law], Moscow, Ekon-Inform, 2018, 332 p.

Keddell E. On Decision Variability in Child Protection: Respect, Interactive Universalism and Ethics of Care, *Ethics and Social Welfare*, 2023, vol. 17, no. 1, pp. 4–19, DOI: 10.1080/17496535.2022.2073381.

Kravchuk N. V. Nailuchshie interesy rebenka: sodержanie ponyatiya i ego mesto v semeinom zakonodatel'stve Rossii [The Best Interests of the Child: The Content of the Concept and Its Place in the Russian Family Law], *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2017, no. 5, pp. 97–103, DOI: 10.17803/1994-1471.2017.78.5.097-103.

Kravchuk N. V. «Interesy rebenka» v mezhdunarodnom i rossiiskom prave: sravnitel'nyi analiz doktriny i praktika primeneniya [«Interests of The Child» in International and Russian Law: Comparative Analysis of the Doctrine and Practice of Application], *Gosudarstvo i pravo*, 2020, no. 2, pp. 107–116, DOI: 10.31857/S013207690008548-4.

Margaletić Č. A. Prava roditelja na privatnost i zaštitu osobnih podataka i dobrobit djeteta kao vrhunski pravni standard, *Zbornik Pravnog fakulteta u Zagrebu*, 2023, no. 5, pp. 931–954, DOI: 10.3935/zpfz.73.5.04.

Michałowska K. Limits of Parental Interference in a Child's Personal Rights – Selected Issues, *Białostockie Studia Prawnicze*, 2022, vol. 27, no. 3, pp. 49–69, DOI: 10.15290/bsp.2022.27.03.03.

Miroljubova O. G. O semeino-pravovom ponyatii «interesy rebenka» [On the Family-Legal Concept of «The Interests of the Child»], *Vestnik Yaroslavskego gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2012, no. 4, pp. 56–58.

Pavlenko E. M. Obespechenie nailuchshikh interesov i bezopasnosti detei: mezhdunarodnye standarty i praktika v Rossii [Ensuring the Best Interests and Safety of Children: International Standards and Practice in Russia], *Vestnik MGPU. Ser. Yuridicheskie nauki*, 2021, no. 4, pp. 75–85, DOI: 10.25688/2076-9113.2021.44.4.08.

Podrabinok E. M. Osobennosti vznikoventiya sub"ektivnykh lichnykh neimushchestvennykh prav nesovershennoletnikh grazhdan [The Origin of Personal Non-Property Rights of Minor Citizens], *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2020, no. 2, pp. 110–123, DOI: 10.26907/2541-7738.2020.2.110-123.

Romanova N. A. Ponyatie i klassifikatsiya lichnykh neimushchestvennykh prav rebenka [The Concept and Classification of Personal Non-Property Rights of a Child], *Yuridicheskaya nauka*, 2012, no. 1, pp. 39–42.

Samarina S. M. Obespechenie lichnykh prav rebenka – odno iz osnovnykh napravlenii deyatel'nosti obshcheobrazovatel'nogo uchrezhdeniya [Ensuring the Personal Rights of a Child is One of the Main Activities of a General Education Institution], *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*, 2010, no. 1, pp. 50–57.

Serin H. Violation of Rights at Schools: Violation of Personal Data Protection and Legal Dimension of Body and Belongings Search, *HAYEF: Journal of Education*, 2023, no. 3, pp. 297–303, DOI: 10.5152/hayef.2023.23053.

Tatarov V. A. Osushchestvlenie prav rebenka na dostoinstvo lichnosti, lichnyu neprikosновенost', chest' i dobroe imya po grazhdanskomu zakonodatel'stvu Rossiiskoi Federatsii [The Exercise of the Rights of the Child to Personal Dignity, Personal Inviolability, Honor and Good Name under the Civil Law of the Russian Federation], *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*, 2018, no. 2, pp. 62–66, DOI: 10.24411/2312-0444-2018-10011.

Temnikova N. A. Ponyatie i klassifikatsiya semeinykh lichnykh neimushchestvennykh prav rebenka [The Concept and Classification of Family Personal Non-Property Rights of a Child], *Vestnik OmGU. Ser. Pravo*, 2010, no. 2, pp. 82–89.

Vetoshkin S. A. *Pedagogiko-pravovye problemy obespecheniya blagopoluchnogo razvitiya rebenka v Rossii* [Pedagogical and Legal Problems of Ensuring the Safe Development of the Child in Russia], Dorozhkin E. M. (ed.) *30 let Konventsii o pravakh rebenka: sovremennye vyzovy i puti resheniya problem v sfere zashchity prav detei* [30 Years of the Convention on the Rights of the Child: Modern Challenges and Ways to Solve Problems in the Field of Protection of Children's Rights]: conference papers, Ekaterinburg, RGPPU, 2020, pp. 27–38.

Zhukova E. V., Zhukovskaja N. Ju. *Semeinoe nasilie v otnoshenii nesovershennoletnikh i sposoby protivodeistviya emu v Rossii i za rubezhom* [Family Violence against Children and Ways of Counteraction to It in Russia and Abroad], Gafner V. V. (ed.) *Grani pedagogiki bezopasnosti* [Facets of Pedagogy of Safety]: conference papers, Ekaterinburg, UrGPU, 2018, pp. 83–94.

Natalia Zhukovskaya – candidate of historical sciences, associate professor of the Department of state and legal disciplines, Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky. 398020, Russian Federation, Lipetsk, Lenin str., 42. E-mail: lgpu322@gmail.com.

ORCID: 0000-0003-3143-7000

Diana Kazarova – candidate of psychological sciences, associate professor of the Department of state and legal disciplines, Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky. 398020, Russian Federation, Lipetsk, Lenin str., 42. E-mail: kazarova-diana@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-3778-3825

Victoria Tipunova – teacher of history and social studies, advisor to the Director of education and interaction with children's public associations, Secondary School no. 33 named after P. N. Shubin. 398036, Russian Federation, Lipetsk, Shubin boulevard, 15. E-mail: tipunova1@mail.ru.

ORCID: 0009-0005-1855-2860

Дата поступления в редакцию / Received: 11.03.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 15.04.2024

С. А. Сулейманлы

Бакинский государственный университет
(Баку, Азербайджанская Республика)

**ВОЗВРАТ НЕЗАКОННО ВЫВЕЗЕННЫХ ОБЪЕКТОВ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ**

В статье исследуются особенности правового регулирования возврата незаконно вывезенных объектов культурного наследия (ОКН). В качестве правовой основы рассматриваются международные соглашения, в частности Конвенция ЮНЕСКО «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности» 1970 г. и Конвенция ЮНИДРУА «Об украденных или незаконно вывезенных культурных ценностях» 1995 г. Сопоставляются законодательство АР и нормы международных договоров. Проводится сравнительный анализ реституции ОКН и возврата незаконно вывезенных ОКН, формулируются признаки реституции и особенности возврата ОКН.

Автор делает вывод о том, что для эффективного обеспечения возврата объектов культурного наследия необходимо согласовать нормы национального законодательства с нормами международного права. При этом следует признавать верховенство общепринятых принципов и норм международного права и не допускать нарушения публичного порядка (*ordre public*) государства происхождения.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, незаконный вывоз, возвращение, реституция, правовые основания, международный договор, законодательство

Для цитирования

Сулейманлы С. А. Возврат незаконно вывезенных объектов культурного наследия: сравнительный анализ законодательства Азербайджанской Республики и международных договоров // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 2. С. 25–32. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-25-32.

УДК 341.1/8

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-25-32

Одним из важных элементов борьбы с незаконным международным оборотом объектов культурного наследия (далее – ОКН) является возвращение незаконно вывезенных ОКН государству их происхождения. В соответствии со ст. 52 Закона Азербайджанской Республики (далее – АР) от 21 декабря 2012 г. № 506-IVQ «О культуре» (далее – Закон о культуре) возвращение ОКН, незаконно вывезенных с территории АР, составляет одно из приоритетных направлений государственной политики по международному сотрудничеству в сфере культуры. Согласно п. 13 Правил «Импорт, экспорт и транзит культурных

ценностей по территории Азербайджанской Республики» (далее – Правила), утвержденных постановлением Кабинета министров АР от 29 августа 2014 г. № 294, сотрудничество АР в этом направлении возложено на Министерство культуры АР. Статья 52.2 Закона о культуре предусматривает, что деятельность Министерства культуры АР по выявлению объектов национального культурного наследия, находящихся на территории других государств, и их возвращению в АР основывается на международных договорах, стороной которых выступает АР. Считаем, что для международного сотрудничества

АР в этом направлении имеются необходимые правовые основы.

Во-первых, на универсальном уровне эти основы были закреплены в Конвенции от 17 ноября 1970 г. «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности» (далее – Конвенция ЮНЕСКО 1970 г.) и Конвенцией от 24 июня 1995 г. «Об украденных или незаконно вывезенных культурных ценностях» (далее – Конвенция ЮНИДРУА 1995 г.). Отметим, что эти две конвенции закрепляют комплекс обобщенных правовых норм, которые регулируют борьбу с незаконным оборотом ОКН, в том числе их возврат, дополняя друг друга в следующих направлениях:

1) Конвенция ЮНЕСКО 1970 г. предусматривает публично-правовые положения о возврате, а Конвенция ЮНИДРУА 1995 г. включает частноправовые положения;

2) Конвенция ЮНЕСКО 1970 г. устанавливает общие обязательства, связанные с возвратом, Конвенция ЮНИДРУА 1995 г. – конкретные процедурные правила, касающиеся возврата;

3) Конвенция ЮНЕСКО 1970 г. предусматривает общие указания, адресованные большей части государств, а Конвенция ЮНИДРУА 1995 г. устанавливает самоисполнимые положения более конкретного содержания.

Чтобы процесс возврата был эффективным, требуется совместное применение обеих конвенций. С этой целью государство, состоящее в Конвенции ЮНЕСКО 1970 г. (в ней состоит более 120 государств-участников), должно также участвовать в Конвенции ЮНИДРУА 1995 г. В настоящее время обеспечить подобное участие не так просто: хотя Конвенцию ЮНИДРУА 1995 г. подписало 61 государство, все же юридическую силу она имеет для 52 государств. АР участвует в Конвенции ЮНЕСКО 1970 г. с 1997 г., а в Конвенции ЮНИДРУА 1995 г. – с 2000 г.

Во-вторых, наличие универсальной международно-правовой базы в виде двух названных конвенций о возвращении ОКН не исключает заключения нового соглашения либо применения уже действующих соглашений по этому вопросу: универсальных (например, Парижская конвенция 2001 г. «Об охране подводного культурного наследия», Гаагская конвенция 1954 г. «О защите культурных

ценностей в случае вооруженного конфликта»), региональных (например, Соглашение от 5 октября 2007 г. «О сотрудничестве между государствами-членами Содружества Независимых Государств в борьбе с хищением культурных ценностей и обеспечении их возврата») и двусторонних (например, Соглашение между Правительством АР и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области борьбы с разграблением культурных ценностей и обеспечения их возврата от 28 августа 2012 г.).

В-третьих, в правовой системе АР имеются материально-правовые и процессуально-правовые основы, необходимые для реализации (национально-правовой имплементации) норм международного договора о возвращении ОКН. Так, ст. 148.II Конституции АР 1995 г. гласит, что «международные договоры, стороной которых выступает АР, включены в национальную законодательную систему». Эта общая правовая основа распространяется как на самоисполнимые, так и на несамоисполнимые международные договоры. Метод имплементации, используемый при возврате ОКН, согласно международному договору (ст. 52.2 Закона о культуре) устанавливается на основании национального законодательства. В соответствии с Конституционным законом от 21 декабря 2010 г. № 21-IVKQ «О нормативных правовых актах» (далее – Конституционный закон) (ст. 23.4) и Гражданским кодексом АР от 2000 г. (далее – ГК) (ст. 3.1) в правовой системе АР непосредственно применяются международные договоры, устанавливающие нормы конкретного содержания (самоисполнимые). Иными словами, для их применения нет нужды принимать отдельный национальный нормативный правовой акт.

Согласно ст. 24 Конституционного закона принятие такого акта необходимо в следующих случаях: 1) когда предметом международного договора являются вопросы, не урегулированные национальным нормативным правовым актом. Например, реституция ОКН не регулируется национальным законодательством; 2) если реализация нормы международного договора невозможна без национального нормативного правового акта (например, установление юридической ответственности за недопущение незаконного оборота ОКН (ст. 8 Конвенции ЮНЕСКО 1970 г.); 3) когда

необходимость принятия соответствующего национального нормативного правового акта вытекает из соглашения Сторон договора. Например, Стороны договора могут устанавливать более благоприятные нормы, относящиеся к возврату ОКН (ст. 9 Конвенции ЮНИДРУА 1995 г.).

Из анализа законодательства АР можно сделать следующий предварительный вывод: обеспечение возврата ОКН не будет эффективным без согласования национального законодательства с нормами международного права. Надлежащее примирение основывается на следующих двух принципах: 1) признание приоритета общепризнанных принципов и норм международного права (ст. 22 Конституционного закона); 2) ненарушение публичного порядка (*ordre public*) страны происхождения. Таким образом, национальное культурное наследие выражает самобытность каждого народа, и его охрана, представляя собой составную часть обеспечения национальной безопасности, входит в публичный порядок (*ordre public*) государства [Süleymanlı 2018: 6]. В этом контексте мы считаем целесообразным регулировать импорт и экспорт ОКН в АР не на уровне решения Кабинета министров, а посредством принятого в связи с этим отдельного закона, как было в Российской Федерации.

Попробуем определить особенности возврата незаконно вывезенных ОКН, опираясь на упомянутые нами правовые основания. С этой целью сначала следует уточнить содержание понятия «возврат ОКН». Разногласия может вызвать то, что в юридической литературе и нормативных материалах наряду с термином «возврат» используется термин «реституция». Латинское слово *restitutio* переводится как «вернуть», «восстановить», «возместить» [Король 2014: 74]. Тем не менее в юридической литературе отношение к вопросу о разграничении этих понятий неоднозначно.

Так, по мнению М. М. Богуславского, «необходимо отличать понятие „реституция культурных ценностей“ от понятия „возврат культурных ценностей“». Термин „возврат“ имеет более широкий характер и применяется в различных случаях возврата культурных ценностей на определенных правовых основаниях» [Богуславский 2015: 234]. Можно согласиться с этим мнением, внеся ряд уточнений. Прежде всего возврат ОКН

может происходить в случаях незаконного вывоза ОКН в другие государства в ходе вооруженных конфликтов; вывоза ОКН на территорию другого государства для хранения в период вооруженных конфликтов; хищения ОКН в мирное время; вывоза ОКН с территории страны в нарушение правил охраны в мирное время; временного вывоза ОКН в целях проведения определенных мероприятий; нахождения ОКН на территории иностранного государства в результате изменения определенной территории государств.

В Конвенции ЮНИДРУА 1995 г. различаются реституция похищенных ОКН и возвращение незаконно перемещенных ОКН: 1) в случае реституции требование о возврате ОКН предъявляют как государство, так и субъекты-собственники, а при возвращении – только государство; 2) установлен более строгий режим возвращения похищенных ОКН по сравнению с незаконно вывезенными ОКН [Süleymanlı 2018: 244]. Согласно ст. 3 Конвенции ЮНИДРУА 1995 г. фактический владелец украденного ОКН должен вернуть его в любом случае, однако незаконно вывезенные ОКН не подлежат возврату в перечисленных случаях: 1) когда вывоз ОКН уже не является незаконным на момент подачи заявления о возврате ОКН; 2) когда ОКН изъяты при жизни лица, его создавшего, или по истечении 50 лет после его смерти.

Из содержания Конвенции ЮНИДРУА 1995 г. видно, что установленная ею реституция похищенных ОКН носит гражданско-правовой характер. В связи с этим следует обратить внимание на два момента:

фактической основой применения реституции гражданско-правового характера выступает правонарушение, совершенное в форме преступления. Несмотря на это, цель реституции – это не назначение какого-либо наказания за преступление, а возврат выявленных ОКН собственнику. Так, из 272 произведений, украденных в 1992 г. из Азербайджанского государственного художественного музея, 204 предмета были возвращены в АР на основании решения Южного окружного суда Нью-Йорка по иску Министерства культуры АР именно в форме реституции;

реституция в этом случае равносильна виндикационному иску, имеющему гражданско-правовой характер. Этот иск является внедоговорным требованием о возврате

имущества собственника в натуре от лица, которое удерживает его в незаконном и фактическом владении [Mülki hüquq 2015: 613]. В законодательстве АР закреплены правовые основания для предъявления данного иска. Так, согласно ст. 157.2 ГК АР собственник может истребовать свое имущество из незаконного владения другим лицом. При этом следует учитывать, что не может быть предъявлено виндикационное требование о возврате переданного по договору имущества [Ibid: 616]. Исходя из этой точки зрения было бы некорректным согласиться с высказанным в юридической литературе мнением о том, что «помимо виндикации, должна применяться реституция вследствие недействительности договора» [Король 2014: 74].

Под реституцией ОКН понимается возврат ОКН, незаконно присвоенных или вывезенных с оккупированных территорий в результате вооруженного конфликта

В современной международной юридической литературе реституция рассматривается как форма международной материальной ответственности [Бирюков 2013; Международное право 2006; Тункин 2002]. В соответствии со ст. 4 Федерального закона от 15 апреля 1998 г. № 64-ФЗ «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» реституция – это «вид материальной международно-правовой ответственности государства, совершившего акт агрессии или иное международно-противоправное деяние, заключающейся в обязанности данного государства устранить или уменьшить причиненный другому государству материальный ущерб путем восстановления прежнего состояния, в частности путем возврата имущества, разграбленного и незаконно вывезенного им с оккупированной его войсками территории другого государства».

Вместе с тем ни Гагская конвенция 1954 г. «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта», ни Протоколы I и II к ней не предусматривают реституцию как международную материальную ответственность. Однако п. 3 ст. 4 Гагской

Конвенции 1954 г. устанавливает, что одна из обязанностей Сторон в конфликте – не допускать случаев хищения, мародерства и незаконного присвоения ОКН в любой форме. Согласно Протоколу I оккупирующая сторона обязана обеспечить возврат ОКН, вывезенных с оккупированных территорий и ввезенных на ее территорию. В этом случае оккупирующая сторона обязана выплатить компенсацию добросовестным владельцам. Эти положения, носящие, скорее, декларативный характер, могут быть реализованы на основании решения, принятого соответствующей международной организацией, а также акта о капитуляции или заключенного мирного договора. Например, Версальский мирный договор 1919 г., Парижский мирный договор 1947 г. устанавливают возможность возвращения ОКН, изъятых в результате оккупации, в форме реституции, в том числе компенсаторной реституции [Богуславский 2015: 234–249]. В соответствии с этой практикой было бы целесообразно внести в мирное соглашение между АР и Республикой Армения положения о возвращении ОКН, незаконно вывезенных с территории АР, долгое время находившейся под оккупацией.

Как видно, под реституцией ОКН понимается возврат ОКН, незаконно присвоенных или вывезенных с оккупированных территорий в результате вооруженного конфликта. Из этого определения вытекают следующие признаки реституции: 1) она применяется в период вооруженных конфликтов; 2) применяется к захватчику (виновной стороне вооруженного конфликта) в форме международной материальной ответственности; 3) выступает в качестве публично-правового механизма возмещения; 4) направлена на возмещение ущерба, причиненного культурному наследию, в натуральной форме; 5) может применяться в различных формах: субституции [Международное публичное право 2003: 622], компенсаторной реституции (*restitution in kind*) [Ушаков 2000: 142]. Реституция в контексте указанных признаков не применяется в следующих случаях:

при возврате ОКН, вывезенных на территорию другого государства для хранения в период вооруженного конфликта. В этой ситуации используется общий правовой механизм возврата. В качестве примера можно привести возврат польских государственных

коллекций, отправленных в Канаду на хранение в 1940 г. (*дело о гобеленах*) [Богуславский 2015: 214];

при возврате в Германию немецких ОКН, вывезенных в СССР вследствие Второй мировой войны. Например, принадлежащие Бременскому музею картины, конфискованные у солдата-участника Второй мировой войны в 1947 г. и переданные Азербайджанскому государственному художественному музею, были возвращены Федеративной Республике Германия на основании Указа Президента АР от 16 ноября 1999 г. «О передаче в ФРГ произведений искусства, хранящихся в Азербайджанском государственном художественном музее и принадлежащих Бременскому музею» в соответствии с Соглашением между Правительством АР и Правительством Федеративной Республики Германия о культурном сотрудничестве от 22 декабря 1995 г. [Süleymanlı 2018: 243].

С учетом изложенного попробуем проанализировать особенности возврата ОКН. Согласно Директиве Совета Европейского союза от 15 марта 1993 г. 93/7/ЕЭС «О возврате культурных ценностей, незаконно вывезенных с территории государства-члена» возврат представляет собой физическое возвращение ОКН на территорию подающего запрос государства. В юридической литературе возвращение незаконно вывезенных ОКН анализируется как институт международного права. По мнению С. С. Рындина, «возврат культурных ценностей является комплексным институтом международного права и включает в себя обязанность возвращения культурных ценностей, вывезенных на территорию иностранного государства, а также нормы, которые регламентируют правила возвращения» [Рындин 2009: 499].

Выразив наше согласие с этим, добавим, что комплексность данного института объясняется прежде всего тем, что он включает в себя нормы международного публичного права, а также международного частного права. Возврат, регулируемый указанным комплексом норм, является составной частью борьбы с незаконным оборотом ОКН. Хотя в ст. 52.2 Закона о культуре речь идет только о возврате ОКН, незаконно вывезенных с территории АР, фактически процесс возврата включает в себя возврат как вывезенных, так и ввезенных ОКН. Однако следу-

ет учитывать ряд моментов: 1) незаконность обычно определяется как нарушение правил вывоза; 2) бремя доказывания незаконности лежит на экспортирующем государстве; 3) обязательства осуществляющих ввоз и вывоз государств не совпадают по объему. С учетом этого предотвращение незаконного оборота ОКН и обеспечение возврата незаконно вывезенных ОКН находятся в прямой зависимости от сотрудничества стран, выполняющих ввоз и вывоз.

В связи с изложенным можно выделить следующие особенности возврата незаконно вывезенных ОКН.

1. Предметом возврата служат движимые ОКН. Согласно ст. 135 ГК АР движимыми считаются предметы, которые могут быть перемещены без причинения несоразмерного ущерба их назначению. Если принять Конвенции ЮНЕСКО 1970 г. и ЮНИДРУА 1995 г. за комплексную международно-правовую основу, то объект относится к движимым ОКН, подлежащим возврату, независимо от того, находится ли он в государственной или частной собственности, имеет ли религиозный или светский характер, а также включен ли в списки особо охраняемых культурных ценностей, являющихся результатом деятельности человека и имеющих значение для археологии, истории, литературы, искусства и науки.

В контексте реализации упомянутых международных договоров в правовой системе АР необходимо обратить внимание на некоторые моменты в законодательстве АР: 1) согласно п. 4.1 Правил к ОКН, подлежащим возврату, относятся только движимые культурные ценности, включенные в Государственный список национального культурного наследия АР (далее – Государственный список). Это положение соответствует Конвенции ЮНЕСКО 1970 г., но не Конвенции ЮНИДРУА 1995 г. Поскольку последний документ представляет собой самоисполнимый договор, его нормы, относящиеся ко всем ОКН, независимо от того, находятся ли они в списке охраняемых объектов, должны применяться непосредственно в АР; 2) в ст. 52.2 Закона о культуре говорится о возврате «образцов национального культурного наследия». Фактически данный Закон определяет «образцы культурного наследия» как совокупность культурных ценностей (ст. 1.0.15), что может вызвать недо-

понимание на практике. Чтобы избежать этого, необходимо интерпретировать упомянутое выражение как объект культурной ценности или ОКН.

2. Возврат распространяется только на незаконно вывезенные ОКН, т. е. возврат ОКН не должен препятствовать законной международной торговле ОКН. Экспорт, импорт или передача права собственности незаконны в том случае, если законодательство государства, регулирующее эти операции, нарушено. Хотя международные договоры по этому вопросу однозначно относятся к законодательству государств, в АР в это законодательство также входят международные договоры, стороной которых выступает АР.

Следует иметь в виду, что ОКН могут вывозиться и без нарушения указанного законодательства. Например, отправка ОКН на хранение в другое государство в период вооруженных конфликтов и временный вывоз ОКН на соответствующее мероприятие сами по себе не могут считаться незаконными. В силу п. 4.1 Правил перемещаемые ОКН, включенные в Государственный список, могут быть временно вывезены только согласно Правилам временного вывоза культурных ценностей в связи с проведением выставок, гастрольных поездок, реставрационных работ, презентаций, международных культурных мероприятий» (утв. постановлением Кабинета министров АР от 29 августа 2014 г. № 293). Под временным экспортом понимается вывоз ОКН с территории АР с обязательством возврата в течение 36 месяцев. Если это обязательство нарушено, экспорт считается незаконным (п. 2 ст. 5 Конвенции ЮНИДРУА 1995 г.). ОКН также не подлежат возврату в следующих случаях:

1) при предъявлении требования о возврате, если экспорт больше не является незаконным; 2) при изъятии ОКН при жизни его автора или спустя 50 лет после его смерти (ст. 7 Конвенции ЮНИДРУА 1995 г.).

3. Независимо от степени межгосударственного сотрудничества, которое сопровождает возврат, он обладает и признаками, присущими механизмам частной правовой защиты. Таким образом, установление срока исковой давности в отношении требования о возврате, возможность физических и юридических лиц выступать в качестве истцов, необходимость урегулирования отношений, возникающих между собственником и добросовестным собственником, выбор суда для рассмотрения спора и определения права на его применение и т. д. обуславливают ту значительную роль, которая отводится частноправовым аспектам возврата ОКН.

Таким образом, эффективное правовое регулирование возврата ОКН обеспечивается согласованием национального законодательства с нормами международного права. Основаниями должны послужить признание верховенства общепринятых принципов и норм международного права и недопущение нарушения публичного порядка (*ordre public*) государства происхождения. В контексте этого компромисса законодательство АР соответствует Конвенции ЮНЕСКО 1970 г., но не Конвенции ЮНИДРУА 1995 г. Поскольку Конвенция ЮНИДРУА 1995 г. представляет собой самоисполнимый договор и является составной частью законодательной системы АР, все положения данного договора, относящиеся к ОКН, независимо от того, находятся ли эти объекты в списке охраны, должны применяться в АР непосредственно.

Список литературы

Mülki hüquq: 2 cilddə / məs. red. M. D. Dəmirçiyeva. Bakı: Zərdabi LTD MMC, 2015. I cild: Ümumi hissə. 696 s.

Süleymanlı S. A. Mədəni irsin qorunmasının beynəlxalq-hüquqi tənzimlənməsi problemləri və Azərbaycan Respublikasının qanunvericiliyi. Bakı: Azərbaycan nəşriyyatı, 2018. 296 s.

Бирюков П. Н. Международное право. М.: Юрайт, 2013. 832 с.

Богуславский М. М. Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты: моногр. М.: Норма; Инфра-М, 2015. 416 с.

Король Э. Л. Возвращение культурных ценностей: соотношение частноправовых и публично-правовых начал: моногр. Гродно: ГрГУ, 2014. 239 с.

Международное право / отв. ред. Г. И. Игнатенко, О. И. Тиунов. М.: Норма, 2006. 720 с.

Международное публичное право / под ред. К. А. Бекяшева. М.: ТК Велби; Проспект, 2003. 640 с.

Рындин С. С. Проблема возврата культурных ценностей в международном праве // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3. С. 497–503.

Тункин Г. И. Теория международного права. М.: Зерцало, 2002. 416 с.

Ушаков Н. А. Международное право. М.: Юрист, 2000. 304 с.

Сима Азер кызы Сулейманлы – кандидат юридических наук, докторант кафедры международного публичного права Бакинского государственного университета. AZ 1148, Азербайджанская Республика, Баку, ул. Захида Халилова, д. 33. E-mail: s.suleymanli@hotmail.com. ORCID: 0000-0002-3397-953X

The Return of Illegally Exported Cultural Heritage Objects: A Comparative Analysis of the Legislation of the Republic of Azerbaijan and International Treaties

The author examines the features of the legal regulation of the return of illegally exported cultural heritage objects. International agreements are considered as a legal basis, in particular the UNESCO Convention on the Means of Prohibiting and Preventing the Illegal Import, Export and Transfer of Ownership of Cultural Property, 1970, and the UNIDROIT Convention on Stolen or Illegally Exported Cultural Property, 1995. The legislation of the Republic of Azerbaijan and the norms of international treaties are compared. A comparative analysis of the restitution of cultural heritage objects and the return of illegally exported cultural heritage objects is carried out, the signs of restitution and the features of the return of cultural heritage objects are formulated.

The author concludes that in order to effectively ensure the return of cultural heritage objects, it is necessary to harmonize the norms of national legislation with the norms of international law. In doing so, the supremacy of generally accepted principles and norms of international law should be recognized and violation of public order of the state of origin should be avoided.

Keywords: cultural heritage objects, illegal export, return, restitution, legal grounds, international treaty, legislation

Recommended citation

Suleymanly S. A. Vozvrat nezakonno vyvezennykh ob'ektov kul'turnogo naslediya: sravnitel'nyi analiz zakonodatel'stva Azerbaidzhanskoi Respubliki i mezhdunarodnykh dogovorov [The Return of Illegally Exported Cultural Heritage Objects: A Comparative Analysis of the Legislation of the Republic of Azerbaijan and International Treaties], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 2, pp. 25–32, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-25-32.

References

Bekyashev K. A. (ed.) *Mezhdunarodnoe publichnoe pravo* [International Public Law], Moscow, TK Velbi, Prospekt, 2003, 640 p.

Biryukov P. N. *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law], Moscow, Yurait, 2013, 832 p.

Boguslavskii M. M. *Kul'turnye tsennosti v mezhdunarodnom oborote: pravovye aspekty* [Cultural Values in International Circulation: Legal Aspects], Moscow, Norma, Infra-M, 2015, 416 p.

Dəmirçiyeva M. D. (ed.) *Mülki hüquq* [Civil Rights], in 2 vols., Bakı, Zərdabi LTD MMC, 2015, vol. 1, 696 p.

Ignatenko G. I., Tiunov O. I. (eds.) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law], Moscow, Norma, 2006, 720 p.

Korol' E. L. *Vozvrashchenie kul'turnykh tsennostei: sootnoshenie chastno-pravovykh i publichno-pravovykh nachal* [The Return of Cultural Values: The Ratio of Private Law and Public Law Principles], Grodno, GrGU, 2014, 239 p.

Ryndin S. S. Problema vozvrata kul'turnykh tsennostei v mezhdunarodnom prave [The Problem of the Return of Cultural Values in International Law], *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2009, no. 3, pp. 497–503.

Süleymanlı S. A. *Mədəni irsin qorunmasının beynəlxalq-hüquqi tənzimlənməsi problemləri və Azərbaycan Respublikasının qanunvericiliyi* [Problems of International Legal Regulation of Cultural Heritage Protection and the Legislation of the Republic of Azerbaijan], Bakı, Azərbaycan nəşriyyatı, 2018, 296 p.

Tunkin G. I. *Teoriya mezhdunarodnogo prava* [Theory of International Law], Moscow, Zertsalo, 2002, 416 p.

Ushakov N. A. *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law], Moscow, Yurist', 2000, 304 p.

Sima Azer kzyzy Suleymanli – candidate of juridical sciences, doctoral student of the Department of international public law, Baku State University. AZ 1148, Republic of Azerbaijan, Baku, Zahida Khalilova str., 33. E-mail: s.suleymanli@hotmail.com.

ORCID: 0000-0002-3397-953X

Дата поступления в редакцию / Received: 23.11.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 19.02.2024

Л. В. Зайцева, Т. А. Анбрехт
Тюменский государственный университет
(Тюмень)

СТУДЕНЧЕСКАЯ СЕМЬЯ: НЕОБХОДИМА ЛИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕФИНИЦИЯ?

Одним из направлений государственной социальной политики России является поддержка студенческой семьи. Там не менее на федеральном уровне ее нормативное регулирование отсутствует, в связи с чем юристы не уделяют ей должного внимания.

В начале текущего года благодаря инициативе Комитета по науке и высшему образованию Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации стартовала дискуссия о необходимости законодательного закрепления понятия «студенческая семья». Были представлены два варианта дефиниции этого понятия. Их критика дана в настоящей статье. Несовершенство предложенных для обсуждения определений носит как концептуальный, так и юридико-технический характер. Обоим определениям свойственны общие и специфические недостатки.

Кроме того, уделено внимание соотношению понятий «молодая семья» и «студенческая семья». Также авторы обсуждают саму необходимость формулировать законодательное определение рассматриваемого понятия и вероятные последствия его принятия. Отдельно исследуется вопрос о возможном влиянии законодательного определения понятия «студенческая семья» на региональную практику социальной поддержки студенческих семей. Обосновывается мнение о том, что закреплять в законодательстве дефиниции и определять их место в системе правового регулирования нужно, ориентируясь на цели правового регулирования.

Ключевые слова: студенческая семья, молодая семья, социальная поддержка, защита семьи, юридическая техника

Для цитирования

Зайцева Л. В., Анбрехт Т. А. Студенческая семья: необходима ли законодательная дефиниция? // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 2. С. 33–40. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-33-40.

УДК 347.6; 349.3

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-33-40

В феврале 2024 г. по инициативе Комитета по науке и высшему образованию Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации было организовано обсуждение вопросов, так или иначе связанных с возможностью и необходимостью на федеральном законодательном уровне закрепить определение понятия «студенческая семья». Было представлено два варианта определения для его возможного включения в Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Кроме того, на обсуждение были поставлены вопросы о соотношении понятий «молодая семья» и «студенче-

ская семья», а также о возможном снижении уровня мер региональной поддержки из-за отсутствия единообразного подхода к определению понятия «молодая семья».

Первый из представленных вариантов предлагал определить студенческую семью как лиц «которые в период обучения по очной форме в учреждениях начального, среднего или высшего профессионального образования заключили в установленном законодательством Российской Федерации порядке брак и родившие (усыновившие) ребенка (детей), либо лицо, которое в период обучения по очной форме в учреждениях начального, среднего или высшего профессионального

образования стало единственным родителем (усыновителем) ребенка (детей)»¹. На наш взгляд, здесь были допущены следующие юридико-технические и логические ошибки:

из числа студенческих семей исключаются семьи студентов, чей брак был заключен до начала периода обучения. Таким образом, момент заключения брака становится дискриминационным признаком, включенным в основу получения особого статуса. Представляется, что в данном контексте было бы предпочтительным указать на наличие брачных отношений, а не на их начало в период обучения;

формулировка «в учреждениях начального, среднего или высшего профессионального образования» не соответствует терминологии Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», в котором вместо понятия учреждения используется термин «образовательная организация»;

соглашаясь с мнением о том, что студенческая семья может состоять из одинокого родителя и ребенка, следует иметь в виду, что такой подход при наличии значимых социальных преференций может провоцировать студентов, находящихся в отношениях фактического супружества (сожительства), не регистрировать брачные отношения с отцом ребенка, который не является студентом. Представляется, что если целями законодательного регулирования выступают поддержка родительства в студенческой среде, увеличение рождаемости, поддержка семьи и стимулирование рождения детей в полной семье, то дополнительная поддержка должна предоставляться студенту (студентке), имеющему (имеющей) ребенка, вне зависимости от того, каков статус второго родителя;

семью не следует определять как «лицо» в единственном числе, поскольку в описываемом случае семья состоит из одинокого родителя и ребенка. В подобном определении ребенок искусственно выносится за скобки, лишается субъектности, являясь при этом членом семьи.

Второй обсуждаемый вариант определял студенческую семью как «лиц, состоящих

в зарегистрированном в установленном законом Российской Федерации порядке браке, в том числе воспитывающих ребенка (детей), либо лицо, являющееся единственным родителем, где оба супруга или единственный родитель лица осваивают образовательные программы среднего профессионального образования, бакалавриата, специалитета или магистратуры по очной, очно-заочной или заочной форме обучения и не достигли возраста 25 лет (включительно)»². Здесь также был выявлен ряд следующих недостатков:

дефекты юридической конструкции, определяющей семью как лицо, являющееся единственным родителем (как и в первом варианте);

также актуальными в этом случае представляются приведенные выше размышления о рисках, связанных с формированием условий для отказа от регистрации брака студентки с отцом ребенка, когда отец не является студентом;

в определении следовало бы упомянуть аспирантуру и, как минимум, ординатуру. Возможно, следовало бы задуматься и о распространении определения на слушателей, курсантов и адъюнктов соответствующих образовательных организаций МО, МВД и др.;

представляется излишним отнесение к членам студенческой семьи лиц, обучающихся не по очной форме обучения. Исходя из законодательства о занятости населения в Российской Федерации только лица, обучающиеся очно, относятся к занятым, не имея при этом заработка или дохода. Если цель формулирования определения студенческой семьи – предоставление мер дополнительной социальной поддержки лицам, предсказуемо не имеющим дохода или имеющим низкие доходы, то включение в их число «заочников» и «вечерников» делает цели подобного правового регулирования непонятными. Человек, который учится заочно или очно-заочно, избирает такую форму обучения для того, чтобы совмещать ее с тем или иным видом основной занятости, приносящей ему доход. Для такого лица статус студента не является основным или определяющим;

¹ Совместное заседание Комитетов по молодежной политике и защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства. 15.02.2024 // URL: <http://duma.gov.ru/multimedia/video/events/99547/> (дата обращения: 15.02.2024).

² Совместное заседание Комитетов по молодежной политике и защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства. 15.02.2024.

нельзя согласиться с произвольно установленным возрастным порогом в 25 лет. С одной стороны, если установлен возраст «до 25 лет», то его достижение означает прекращение статуса. Если при этом используется слово «включая», то, вероятно, целесообразно указать возраст «до 26 лет». Таким образом, в формулировку закралась логическая (или орфографическая) ошибка. С другой стороны, неясно не только то, чем обусловлена выбранная цифра, но и то, как она влияет на статус студента. Кроме того, если включать в число студентов ординаторов и аспирантов, то их возраст, очевидно, к моменту окончания обучения может составлять далеко не 25 лет. Предлагаем не ограничивать возраст членов студенческой семьи, этот критерий не определяет ее сущность и не соответствует цели правового регулирования (оказание мер социальной поддержки лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации, связанной с необходимостью обучения и объективной невозможностью полноценно обеспечивать свои жизненные потребности посредством полной трудовой занятости).

Итак, обе предложенные дефиниции студенческой семьи имеют как общие, так и специфические недостатки. В связи с этим предлагаем:

исключить из итогового определения логические и терминологические ошибки;

синхронизировать определения с терминологией законодательства об образовании;

исключить из определения возраст как квалифицирующий признак;

окончательно определив цели правового регулирования, установить приоритеты и решить принципиальные вопросы: должны ли быть студентами оба супруга? Следует ли включить в определение аспирантов, ординаторов и др.?

Отвечая на вопрос о соотношении понятий «молодая семья» и «студенческая семья», можно отметить следующие их отличия.

Во-первых, понятие «молодая семья» есть в Федеральном законе «О молодежной политике в Российской Федерации», а понятие «студенческая семья» сегодня не имеет законодательной дефиниции. Вместе с тем исследователи отмечают, что семья как сложное социальное явление рассматривается в научных работах по педагогике, социоло-

гии, психологии, экономике и др. [Рудьман, Слышалов, Цвилий-Букланова 2021]. При этом проблемы определения понятия «семья» активно обсуждаются в юридической литературе [Касаткина 2021; Крашенинников, Бадулина 2020; Рабец 2022; Тарусина 2020]. Исследования понятия «студенческая семья» нам неизвестны.

Молодая семья и студенческая семья могут рассматриваться как общее и частное

Во-вторых, возраст супругов в молодой семье – 35 лет включительно. Студенческая семья может рассматриваться как вариант молодой семьи (при законодательном ограничении возраста ее супругов) и как самостоятельный феномен, если основным признаком студенческой семьи будет считаться обучение супругов или одинокого родителя по определенным образовательным программам.

Таким образом, молодая семья и студенческая семья могут рассматриваться как общее и частное (если установлен максимально возможный возраст супругов студенческой семьи), или студенческую семью должно рассматривать как самостоятельный феномен, если в основу предоставления ей мер социальной поддержки будет положен приоритет поддержки материнства, отцовства и детства. На наш взгляд, включение понятия «студенческая семья» в Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» будет свидетельствовать о том, что основной целью регулирования выступает развитие молодежи. Безусловно, реализация в семейной жизни, материнстве и отцовстве – важная часть личностной реализации, но, как нам кажется, такая реализация является приоритетом для социально-обеспечительного законодательства о поддержке материнства, отцовства и детства. Реализация же молодых (и не очень молодых) людей в сфере образования и предоставление им мер поддержки, позволяющих успешно совмещать обучение и семейные обязанности, – предмет правового регулирования законодательства об образовании. В связи с этим думается, что не совсем оправданным было бы включать определение понятия «студенческая семья» в Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации».

Вместе с тем формулирование законодательного определения студенческой семьи на федеральном уровне может привести к завышенным ожиданиям в части получения преференций от основного субъекта, юридическая связь с которым и определяет студенческую семью как таковую. Таким субъектом для студента и студенческой семьи является образовательная организация. Если федеральный законодатель определит студенческую семью как особый субъект права, то у этого субъекта с высокой долей вероятности должны возникнуть права по отношению к его основному «контрагенту» – образовательной организации. Таким образом, федеральное регулирование в рассматриваемой сфере не столько повлияет на меры региональной социальной поддержки, сколько поставит вопрос о развитии федеральной политики по поддержке студенческой семьи в Российской Федерации в целом. Пример тому – инициированный Министерством образования и науки Российской Федерации проект по открытию групп кратковременного пребывания детей и / или комнат матери и ребенка для студенческих семей в образовательных организациях высшего образования¹. Сегодня детские комнаты открыты в 36 высших образовательных организациях, в 23 имеются комнаты матери и ребенка².

Инициаторы законодательного закрепления определения понятия «студенческая семья» исходили из того, что его отсутствие в законе каким-то образом (вероятно, негативно) влияет на уровень мер социальной поддержки таких семей в субъектах Российской Федерации. Вместе с тем установление на федеральном уровне новой категории «льготников» может создать ситуацию, когда региональные законодатели, не меняя системы мер социальной поддержки, в действующих нормативных правовых актах добавляют

¹ Методические рекомендации по открытию групп кратковременного пребывания детей и / или комнат матери и ребенка для студенческих семей в образовательных организациях высшего образования: утв. Минобрнауки России. 2023 // URL: <https://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-po-otkrytiiu-grupp-kratkovremennogo-prebyvanija-detei-i-ili/> (дата обращения: 19.02.2024).

² Минобрнауки активизирует создание детских комнат в вузах. 2024 // URL: <https://www.oprf.ru/news/minobrnauki-aktiviruet-sozdanie-detskikh-komnat-v-vuzakh> (дата обращения: 19.02.2024).

студенческую семью к уже установленным получателям мер социальной поддержки, например многодетным семьям [Тарусина 2022].

Конституция Российской Федерации относит вопросы социальной защиты к сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов [Благодир 2012; Нарутто 2017]. По вопросам предоставления мер социальной поддержки населения тех или иных категорий законодательство российских регионов отличается большим разнообразием, что до сих пор не считалось чем-то плохим. Региональные льготы, с одной стороны, финансируются из бюджета субъекта Российской Федерации, а значит, зависят от уровня бюджетной обеспеченности региона, а с другой стороны, максимально учитывают региональную специфику: от географических до социокультурных особенностей территории.

Например, никого не удивляют различия в региональном определении статуса ветерана труда и видов мер их социальной поддержки. В разных субъектах Российской Федерации существуют разные критерии для получения такого статуса, не говоря уже о самой системе льгот и размере выплат [Мерзлякова 2017]. Представляется, что этот пример максимально приближен к нашей ситуации, в которой меры социальной поддержки студенческой семьи на региональном уровне могут сильно различаться в зависимости от демографической ситуации, национально-этнических традиций, среднего уровня жизни в регионе, количества образовательных организаций и пр. Задавая жесткие границы для признания семьи студенческой на федеральном уровне, можно лишить регионы возможностей гибкого правового регулирования с учетом региональных особенностей [Федорова 2015].

Сегодня меры социальной поддержки для студенческих семей установлены в законодательстве отдельных субъектов Российской Федерации.

Например, в законодательстве Сахалинской области к студенческим семьям, имеющим право на меры социальной поддержки, относятся семьи, где «оба родителя либо одинокий родитель являются студентами (курсантами) государственных профессиональных образовательных организаций или образовательных организаций высшего образования, расположенных на территории

Сахалинской области, проходящими очное обучение, проживающими на территории Сахалинской области, и имеют одного или нескольких несовершеннолетних детей» (ст. 2 закона Сахалинской области от 6 декабря 2010 г. № 112-ЗО «О социальной поддержке семей, имеющих детей, в Сахалинской области»).

В Калининградской области студенческая семья определяется как «семья, в которой оба родителя (одиноким родитель) обучаются по очной форме обучения в государственных профессиональных образовательных организациях по программам среднего профессионального образования, государственных образовательных организациях высшего образования или их филиалах, расположенных на территории Калининградской области» (ст. 12 закона Калининградской области от 7 октября 2019 г. № 318 «Социальный кодекс Калининградской области»).

В Удмуртской Республике под студенческой семьей понимается «семья, состоящая из супругов (одиноким родителя) и их (его) ребенка, в которой оба супруга (одиноким родитель) проживают (проживает) на территории Удмуртской Республики и обучаются (обучается) по очной форме обучения по основным образовательным программам в профессиональных образовательных организациях или образовательных организациях высшего образования, расположенных на территории Удмуртской Республики» (постановление Правительства Удмуртской Республики от 26 июня 2023 г. № 414 «О утверждении Порядка назначения и выплаты единовременного пособия на ребенка студенческим семьям»).

В законе Москвы от 23 ноября 2005 г. № 60 «О социальной поддержке семей с детьми в городе Москве» закреплено определение понятия «студенческая семья», которое требуется привести в соответствие с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации». Под студенческой семьей в законе Москвы понимается «семья, в которой оба родителя или одинокая мать (отец) обучаются по очной форме в образовательных учреждениях начального, среднего или высшего профессионального образования».

Таким образом, в представленных дефинициях студенческой семьи региональные законодатели не определяют возраст родителей

(одиноким родителя) как необходимое условие оказания социальной поддержки. При этом обязательными условиями предоставления мер социальной поддержки студенческим семьям являются обучение родителей в государственных образовательных организациях и проживание на территориях соответствующих субъектов Российской Федерации (Сахалинская и Калининградская области) либо обучение в образовательных организациях, расположенных на территории субъекта Российской Федерации (Удмуртская Республика).

Охарактеризуем сами меры социальной поддержки.

В Сахалинской области студенческим семьям при рождении ребенка предоставляется единовременная социальная помощь в размере более 57 тыс. руб. Так, в 2023 г. выплата была предоставлена 22 студенческим семьям¹. Кроме того, студенческие семьи имеют право на ежемесячную социальную помощь на каждого ребенка в размере величины прожиточного минимума для детей, установленного в Сахалинской области. В 2023 г. ее размер составлял более 20 тыс. руб. Наряду с указанными выплатами студенческим семьям со среднедушевым доходом ниже установленной величины прожиточного минимума в Сахалинской области предоставляется ежемесячная выплата денежных средств для оплаты жилого помещения и коммунальных услуг (ст. 5 закона Сахалинской области «О социальной поддержке семей, имеющих детей, в Сахалинской области»).

Пособие студенческим семьям, имеющим детей в возрасте от полутора до трех лет, со среднедушевым доходом, не превышающим величины прожиточного минимума, предоставляется в Калининградской области. Пособие выплачивается одному из родителей на каждого совместно проживающего с ним ребенка, рожденного с 1 января 2016 г. Право на пособие возникает со дня достижения ребенком возраста полутора лет, но не ранее начала обучения родителей в образовательной организации, и, соответственно, прекращается по достижении ребенком возраста трех лет, но не позднее даты оконча-

¹ Почти 75 миллионов рублей выделили на поддержку сахалинским студентам в 2023 году. 2024 // URL: https://sakhalin.gov.ru/index.php?id=105&tx_ttnews%5Btt_news%5D=21442&cHash=ec1d78c85d43e76b3335792f29e52f86 (дата обращения: 18.02.2024).

ния обучения родителей. Размер пособия в 2024 г. составляет 15 439 руб. (ст. 21 закона Калининградской области «Социальный кодекс Калининградской области»).

В Калининградской области женщины, родившие с 1 января 2020 г. по 31 декабря 2025 г. первого ребенка во время обучения либо в течение трех лет после окончания обучения по очной или очно-заочной форме в государственных профессиональных образовательных организациях по программам среднего профессионального образования, в государственных образовательных организациях высшего образования, в частных образовательных организациях, имеющих действительное свидетельство о государственной аккредитации образовательной деятельности по образовательным программам среднего профессионального или высшего образования, или их филиалах, имеют право на дополнительную разовую меру социальной поддержки в размере 345 тыс. руб. (постановление Правительства Калининградской области от 30 декабря 2019 г. № 901 «О дополнительной разовой мере социальной поддержки в виде предоставления единовременной выпла-

ты при рождении первого ребенка в 2020–2025 годах»).

В Удмуртской Республике студенческие семьи имеют право на единовременное пособие в размере 100 тыс. руб., независимо от количества рожденных (усыновленных) одновременно детей. Право на пособие возникает, если среднедушевой доход студенческой семьи не превышает установленной в субъекте двойной величины прожиточного минимума на душу населения (постановление Правительства Удмуртской Республики «Об утверждении Порядка назначения и выплаты единовременного пособия на ребенка студенческим семьям»).

Сделаем вывод. Несмотря на важность государственной политики в области защиты молодой семьи и права граждан на образование, прежде чем вносить в закон нормы-дефиниции, следует четко представлять цели такого правового регулирования. Это будет способствовать не только правильному определению места такой правовой нормы в системе права, но и сделает предсказуемыми правовые последствия подобных законодательных новаций.

Список литературы

Благодир А. Л. К вопросу о системе мер социальной поддержки (анализ федерального и регионального законодательства) // Вестник Вятского государственного университета. 2012. № 1. С. 70–73.

Касаткина А. Ю. Семья в Российской Федерации: проблемы теории и практики // Семейное и жилищное право. 2021. № 5. С. 7–9.

Крашенинников П. В., Бадулина Е. В. Поддержка института семьи: конституционно-правовые поправки // Семейное и жилищное право. 2020. № 4. С. 19–24.

Мерзлякова И. С. К проблеме функционирования системы социальной защиты ветеранов труда // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 5. С. 39–43.

Нарутто С. В. Проблемы определения компетенции субъектов Российской Федерации в области защиты семьи // Правоприменение. 2017. № 2. С. 65–84.

Рабец А. М. Место семьи в правовом пространстве: юридическая характеристика семьи в Российской Федерации и в отдельных зарубежных государствах (нормотворческий опыт и проблемы) // Lex Russica. 2022. Т. 75. № 11. С. 100–111.

Рудман Д. С., Слышалов И. В., Цвиллий-Букланова А. А. Укрепление института семьи как основа безопасности современного российского общества // Семейное и жилищное право. 2021. № 3. С. 22–25.

Тарусина Н. Н. Многодетная семья как феномен социально-правового пространства // Семейное и жилищное право. 2022. № 2. С. 24–28.

Тарусина Н. Н. Семья как общеправовая конструкция // Lex Russica. 2020. Т. 73. № 4. С. 21–33.

Федорова М. Ю. Распределение социальных рисков как метод управления ими // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 4. С. 91–99.

Лариса Владимировна Зайцева – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Тюменского государственного университета. 625003, Российская Федерация, Тюмень, ул. Ленина, д. 38. E-mail: l.v.zajceva@utmn.ru.

ORCID: 0000-0001-6134-3734

Татьяна Анатольевна Анбрехт – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Тюменского государственного университета. 625003, Российская Федерация, Тюмень, ул. Ленина, д. 38. E-mail: t.a.anbrekht@utmn.ru.

ORCID: 0000-0002-2050-0323

Student Family: Is a Legislative Definition Necessary?

One of the directions of Russian state social policy is to support the student family. At the same time lawyers do not pay due attention to it, because it is not regulated at the federal level.

At the beginning of this year, thanks to the initiative of the Committee on Science and Higher Education of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, a discussion began on the need to legislate the concept of «student family». Two variants of its definition were presented. Their criticism forms one of the main parts of this research. The imperfection of these definitions is both conceptual and legal and technical in nature. Both definitions have general and specific disadvantages.

In the paper, attention is also paid to the relationship between the concepts of «young family» and «student family». In addition, the authors discuss the very need for a legislative definition of the concept in question and the likely consequences of its adoption. The possible influence of the legislative definition of the concept of «student family» on the regional practice of social support for student families is considered. The opinion is substantiated that it is necessary to enshrine definitions in legislation and determine their place in the system of legal regulation, focusing on the goals of legal regulation.

Keywords: student family, young family, social support, family protection, legal technique

Recommended citation

Zaitseva L. V., Anbrekht T. A. *Studencheskaya sem'ya: neobkhodima li zakonodatel'naya definitsiya?* [Student Family: Is a Legislative Definition Necessary?], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 2, pp. 33–40, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-33-40.

References

Blagodir A. L. *K voprosu o sisteme mer sotsial'noi podderzhki (analiz federal'nogo i regional'nogo zakonodatel'stva)* [On the Issue of the System of Social Support Measures (Analysis of Federal and Regional Legislation)], *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 1, pp. 70–73.

Fedorova M. Yu. *Raspredelenie sotsial'nykh riskov kak metod upravleniya imi* [Distribution of Social Risks as a Method of Managing Them], *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, 2015, no. 4, pp. 91–99.

Kasatkina A. Yu. *Sem'ya v Rossiiskoi Federatsii: problemy teorii i praktiki* [Family in the Russian Federation: Problems of Theory and Practice], *Semeinoe i zhilishchnoe pravo*, 2021, no. 5, pp. 7–9.

Krashennnikov P. V., Badulina E. V. *Podderzhka instituta sem'i: konstitutsionno-pravovye popravki* [Support for the Institution of the Family: Constitutional and Legal Amendments], *Semeinoe i zhilishchnoe pravo*, 2020, no. 4, pp. 19–24.

Merzlyakova I. S. *K probleme funktsionirovaniya sistemy sotsial'noi zashchity veteranov truda* [On the Problem of Functioning of the System of Social Protection of Labor Veterans], *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, 2017, no. 5, pp. 39–43.

Narutto S. V. Problemy opredeleniya kompetentsii sub"ektov Rossiiskoi Federatsii v oblasti zashchity sem'i [Problems of Determining the Competence of the Subjects of the Russian Federation in the Field of Family Protection], *Pravoprimenenie*, 2017, no. 2, pp. 65–84.

Rabets A. M. Mesto sem'i v pravovom prostranstve: yuridicheskaya kharakteristika sem'i v Rossiiskoi Federatsii i v otchel'nykh zarubezhnykh gosudarstvakh (normotvorcheskii opyt i problemy) [The Place of the Family in the Legal Space: The Legal Characteristics of the Family in the Russian Federation and in Certain Foreign Countries (Normative Experience and Problems)], *Lex Russica*, 2022, vol. 75, no. 11, pp. 100–111.

Rud'man D. S., Slyshalov I. V., Tsvilii-Buklanova A. A. Ukreplenie instituta sem'i kak osnova bezopasnosti sovremennogo rossiiskogo obshchestva [Strengthening the Institution of the Family as the Basis for the Security of Modern Russian Society], *Semeinoe i zhilishchnoe pravo*, 2021, no. 3, pp. 22–25.

Tarusina N. N. Mnogodetnaya sem'ya kak fenomen sotsial'no-pravovogo prostranstva [Large Family as a Phenomenon of Social and Legal Space], *Semeinoe i zhilishchnoe pravo*, 2022, no. 2, pp. 24–28.

Tarusina N. N. Sem'ya kak obshchepравovaya konstruktsiya [Family as a General Legal Structure], *Lex Russica*, 2020, vol. 73, no. 4, pp. 21–33.

Larisa Zaitseva – doctor of juridical sciences, head of the Department of civil law disciplines, Tyumen' State University. 625003, Russian Federation, Tyumen', Lenina str., 38. E-mail: l.v.zajceva@utmn.ru.

ORCID: 0000-0001-6134-3734

Tatyana Anbrekht – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of civil law disciplines, Tyumen' State University. 625003, Russian Federation, Tyumen', Lenina str., 38. E-mail: t.a.anbrekht@utmn.ru.

ORCID: 0000-0002-2050-0323

Дата поступления в редакцию / Received: 03.03.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 06.05.2024

А. Н. Тихонов

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ КАК ЮРИДИЧЕСКИЕ ФАКТЫ

В рамках классификации юридических фактов по признаку их отношения к человеческой воле в науке выделяют в качестве самостоятельной группы семейно-правовые акты. Цель настоящей статьи – анализ этих актов. На основе трудов О. А. Красавчикова, посвященных исследованию юридических фактов, выявляются характерные признаки семейно-правовых актов. Семейно-правовой акт можно охарактеризовать как действие, направленное на наступление конкретных семейно-правовых последствий. Субъектами семейно-правовых актов могут быть только физические лица, обладающие семейной дееспособностью в соответствующем объеме. К числу характерных признаков семейно-правового акта также следует отнести его правомерность. В одних случаях (как при добровольном установлении отцовства) для возникновения юридических последствий ключевым звеном выступает волеизъявление одного лица, в других случаях требуются волеизъявления двух лиц, и данные волеизъявления будут иметь равное значение в правоотношении. Так, при вступлении в брак мужчина и женщина должны совершить действия (семейно-правовые акты), направленные на возникновение прав и обязанностей у супругов, объединенных общей целью – созданием семьи.

Обосновывается вывод, что, если законом предусматриваются правовые последствия в связи с правомерным бездействием в виде возникновения семейно-правовой связи, можно утверждать, что семейно-правовой акт выражен посредством правомерного «молчания». Если действует презумпция отцовства, то можно предполагать, что отец ребенка осознает правовые последствия своего «молчания» и желает их наступления.

Ключевые слова: юридический факт, правомерное действие, юридический акт, семейно-правовой акт, семейные правоотношения

Для цитирования

Тихонов А. Н. Семейно-правовые акты как юридические факты // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 2. С. 41–47. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-41-47.

УДК 347.6

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-41-47

По мнению многих ученых, классификация юридических фактов, основанная на «волевом» признаке, имеет главенствующее значение в систематизации юридических фактов.

Так, О. А. Красавчиков отмечал, что деление юридических фактов по основанию их «отношения к человеческой воле» является главной классификацией, которая учитывает особенности и отражает сущность классифицируемого предмета [Красавчиков 2017: 135]. В рамках классификации по «волевому» признаку юридические факты делятся на действия и события.

Согласно классификации, предложенной С. С. Алексеевым, индивидуальные акты

«представляют собой правомерные действия, с которыми нормы права связывают юридические последствия в силу волевой направленности действий на эти последствия» [Алексеев 1972: 348]. Наряду с государственно-правовыми актами, административными актами, сделками и другими Сергей Сергеевич отдельно выделял семейно-правовые акты [Там же: 349].

В науке предлагаются и иные классификации.

В частности, М. А. Рожкова классифицирует дозволенные действия, основываясь на характере волеизъявления сторон, на односторонние действия и многосторонние

сделки. По признаку «направленности воли на юридические последствия» односторонние действия классифицируются на юридические акты, юридические поступки, результативные действия. В зависимости от степени «формализации волеизъявления» юридические акты подразделяются на односторонние сделки и публичные акты [Рожкова 2010: 116–117].

Согласно классификации юридических фактов, разработанной О. А. Красавчиковым, правомерные действия «разграничиваются по моменту направленности воли на юридические последствия: на юридические акты и юридические поступки». В свою очередь к юридическим актам относятся административные, гражданско-правовые акты, семейно-правовые акты и судебные акты. Основанием классификации служит «субъектный состав правоотношений» [Красавчиков 2017: 135]. Семейно-правовые акты представляют собой юридические акты, которые направлены на установление, изменение или прекращение брачно-семейных правоотношений [Там же: 204]. В отличие от иных юридических актов семейно-правовые акты отличаются сферой их применения, а также их направленностью [Там же: 206].

Семейно-правовой акт можно охарактеризовать как действие, направленное на наступление конкретных семейно-правовых последствий. Лицо должно осознавать характер и цели своего действия. Совершая то или иное действие, лицо стремится достигнуть определенных юридических последствий. Поэтому совершение определенных семейно-правовых актов допускается законодателем по достижении определенного уровня психофизического развития личности. Субъектами семейно-правовых актов могут быть только физические лица, обладающие семейной дееспособностью в соответствующем объеме. Так, эмансипация гражданина влечет наделение его гражданской дееспособностью в полном объеме, но не позволяет ему, например, вступить в брак. Возможность снижения брачного возраста связывается с наличием условий, предусмотренных соответствующим законом субъекта РФ. В иных случаях в силу специфики возникающего правоотношения законодатель не ограничивает возможность выразить волю в зависимости от возраста лица.

В родительском правоотношении возможность совершения семейно-правового акта,

направленного на установление юридической связи с ребенком, не связывается с возрастом родителя. Это обусловлено тем, что в основе возникновения родительского правоотношения лежит кровная связь ребенка с определенными мужчиной и женщиной. Согласно п. 3 ст. 62 СК РФ несовершеннолетние родители имеют права признавать и оспаривать свое отцовство и материнство на общих основаниях, т. е. совершать действия, которые направлены на возникновение или прекращение родительских правоотношений.

К числу характерных признаков семейно-правового акта также следует отнести его правомерность. В частности, если лица изъявляют желание принять на себя права и обязанности супругов только для вида, не имея намерения создать семью, используя возникшее брачное правоотношение, например, в целях получения гражданства РФ в упрощенном порядке, такое действие нельзя признать правомерным и собственно семейно-правовым актом. О. А. Красавчиков отмечал, что «юридический акт, которым нарушаются предписания норм права, не может породить те последствия, на которые он направлен, а следовательно, и рассматриваться в качестве юридического акта в собственном смысле этого слова» [Красавчиков 2017: 171]. Брак, заключаемый без цели создания семьи, именуется «фиктивным браком». Когда устанавливается фиктивность брака, устанавливаются фактические цели, которые преследовали лица. Фиктивный брак лишь внешне соответствует браку, юридические последствия, на достижение которых были направлены действия лиц, не соответствуют предписаниям норм права. Поэтому если будет выявлено, что лица вступили в брак фиктивно, такой брак признается юридически не существовавшим, т. е. не порождающим прав и обязанностей.

Брачное правоотношение признается не установившимся и в случаях, когда неправомерными были действия только одного из лиц, вступивших в брак. Супруг, чьи действия были направлены на возникновение супружеских прав и обязанностей и чьи права были нарушены заключением такого брака, признается добросовестным. Права добросовестного супруга защищаются в рамках охранительного правоотношения, основанием возникновения которого будет совершенное

другим супругом противоправное действие в отношении добросовестного супруга. Закондатель предусматривает ряд мер, направленных на восстановление нарушенных прав добросовестного супруга. Согласно ст. 30 СК РФ суд вправе признать за добросовестным супругом право на получение содержания от другого супруга, применить правила о разделе имущества, совместно приобретенного в период нахождения в фиктивном браке, и другие.

Семейно-правовые акты входят в качестве одного из элементов в юридический состав семейного правоотношения и оказывают разное влияние на его динамику. В одних случаях для возникновения юридических последствий ключевым звеном выступает волеизъявление одного лица, как в случаях добровольного установления отцовства. Юридический состав родительского правоотношения будет включать в себя волеизъявление отца принять на себя права и обязанности родителя (семейно-правовой акт), согласие на это матери ребенка (юридический акт), регистрацию волеизъявления отца (административный акт). Действие матери (ее согласие) будет иметь юридическое значение только в сочетании с семейно-правовым актом отца ребенка. Д. И. Мейер отмечал, что «...для того чтобы согласие признавалось юридическим действием, необходимо, чтобы оно было условием законности другого какого-либо действия» [Мейер 1997: 170]. Указывая на особенности «согласия», С. Н. Касаткин пишет, что «...согласие обнаруживает себя в качестве самостоятельного юридического факта исключительно по отношению к другому обособленному действию. Само по себе, в отрыве от одобряемого акта, согласие не имеет какого-либо автономного юридического смысла» [Касаткин 2013: 72]. Согласие автор предлагает рассматривать как разновидность юридического акта, основанного на законе или договоре и выражающего одностороннее одобрение действий другого лица [Касаткин 2014: 19].

В случае смерти матери, признания ее недееспособной, невозможности установления места нахождения матери или в случае лишения ее родительских прав отцовство может быть установлено только с согласия органа опеки и попечительства, «согласие» в этом случае следует относить к админи-

стративным актам. М. А. Рожкова пишет: «Публичные органы совершают юридические акты (односторонние действия) во исполнение установленных для них законом обязанностей в соответствии с объемом и содержанием своей компетенции. Они могут проявлять свое усмотрение только в рамках выбора наиболее рационального и целесообразного решения из нескольких возможных (если закон предоставляет им такое право) исходя из лежащей на них общей обязанности по совершению этих действий» [Рожкова 2009: 113]. Семейно-правовой акт – ключевой элемент юридического состава, обосновывающего возникновение родительского правоотношения. Иными словами, согласие принять на себя права и обязанности родителя будет иметь определяющее значение среди юридических фактов, влекущих возникновение родительского правоотношения.

Семейно-правовые акты входят в качестве одного из элементов в юридический состав семейного правоотношения и оказывают разное влияние на его динамику

Для других случаев наступления юридических последствий требуются волеизъявления двух лиц, и данные волеизъявления будут иметь равное значение в правоотношении. Согласно ст. 12 СК РФ при вступлении в брак требуется взаимное согласие лиц принять на себя права и обязанности супругов. С юридической точки зрения имеется в виду, что лица изъявляют волю совместно и их воля направлена на создание семьи. Семейный союз характеризуется духовной близостью мужчины и женщины, наличием детей, ведением совместного хозяйства и др. Вступая в брак, лица консолидируют свои усилия и действуют, объединенные общими целями. Вследствие этого представляется, что действия, направленные на возникновение прав и обязанностей у супругов, по сути, представляют собой самостоятельные семейно-правовые акты, выраженные мужчиной и женщиной, объединенными общей целью – созданием семьи.

Помимо вышеперечисленных актов, для наступления правовых последствий необхо-

дима регистрация волеизъявлений мужчины и женщины (административный акт). Регистрацию волеизъявлений лиц, вступающих в брак, следует рассматривать не только как форму возникновения брачного правоотношения, но и как обязательный элемент юридического состава – административный акт. В частности, С. Я. Паластина доказывала, что «регистрация в органах загса – конститутивный элемент основания возникновения брачного правоотношения» [Паластина 1976: 50].

Интерес представляют случаи, когда родительское правоотношение возникает в силу действия неоспоренной презумпции отцовства. Если мать ребенка состоит в браке, отцом ребенка признается ее супруг, для возникновения родительской связи от отца не требуется совершения каких-либо активных действий.

М. М. Агарков отмечал, что «понятие юридического действия обнимает не только действие в собственном смысле слова, т. е. такое проявление внутреннего состояния, которое находит выражение в совершении тех или иных движений, но и бездействие, т. е. проявление внутреннего состояния, которое выражается в отсутствии движений» [Агарков 2002: 343].

По мнению О. А. Красавчикова, юридические действия можно разграничить по форме их выражения и проявления на положительные и отрицательные. Положительные изъявления воли находят выражение в разных формах активного поведения лица. Содержанием отрицательных волеизъявлений является бездействие [Красавчиков 2017: 153]. К отрицательным волеизъявлениям О. А. Красавчиков относил группы «неправомерное бездействие – упущение» и «правомерное бездействие – молчание». Для последней группы характерно то, что в каждом случае правомерное «молчание» – «молчание» как юридический факт – становится юридически значимым только при наличии прямого указания норм права на возникновение в связи с ним известных юридических последствий [Там же: 154]. Как отмечается в науке, правомерным бездействием может быть и при отсутствии обязанности действовать, о противоправном же бездействии можно говорить, только если установлена обязанность действовать определенным образом [Филиппова 2021: 87]. В связи с этим если

супруг матери ребенка не предпринимает активных действий, направленных на установление отцовства, то можно вести речь о правомерном бездействии – «молчании».

О. А. Красавчиков указывал, что «говоря: молчание – отрицательное волеизъявление, – мы отрицаем не наличие воли, а наличие ее положительного изъявления. О наличии воли, ее характере, направленности и т. д. мы судим по отсутствию определенных действий в известных условиях» [Красавчиков 2017: 154]. В данном случае можно предполагать, что отец ребенка осознает правовые последствия своего «молчания» и желает их наступления. Косвенно это обстоятельство подтверждается и тем, что лицо не совершает действий, направленных на оспаривание предусмотренной законом презумпции. Следовательно, когда закон предусматривает, что правомерное бездействие влечет правовые последствия в виде возникновения семейно-правовой связи, мы можем считать семейно-правовой акт выраженным посредством правомерного «молчания».

В случаях применения методов искусственной репродукции семейно-правовые акты признания материнства и (или) отцовства могут иметь специфическую форму выражения. Супружеская пара или одинокая женщина в целях реализации своего права на родительство становятся участниками программы суррогатного материнства. С целью возникновения правоотношения суррогатного материнства указанные лица заключают соответствующий договор. К обязательным основаниям движения правоотношения суррогатного материнства будут относиться согласия супругов и суррогатной матери на имплантацию и вынашивание эмбриона. Для внесения записи о родителях в книгу записей рождений необходимым юридическим основанием будет согласие суррогатной матери на запись супружеской пары в качестве родителей. Необходимость получения согласия на имплантацию эмбриона закрепляет ст. 51 СК РФ.

Влияние согласия на правоотношения, связанные с применением методов искусственной репродукции человека, разъясняет Верховный Суд РФ. В частности, в п. 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, свя-

занных с установлением происхождения детей» судам рекомендуется установить следующие имеющие юридическое значение обстоятельства: было ли данное лицом согласие на имплантацию эмбриона добровольным и осознанным, действовало ли это согласие на момент имплантации эмбриона, не было ли оно отозвано. Согласие может рассматриваться как действие, имеющее целью установить семейно-правовую связь с рожденным суррогатной матерью ребенком, и будет относиться к семейно-правовым актам. Вследствие этого данное одним из супругов согласие на имплантацию эмбриона суррогатной матери может стать основанием внесения записи о нем в книгу записей рождений как о родителе [Тихонов 2023]. Соответствующие правовые последствия в виде установления материнства (отцовства) будут распространяться и на случаи, предусмотренные п. 4 ст. 51 СК РФ.

Следует добавить, что в результате совершения действий (семейно-правовых актов) возникают правовые последствия для третьих лиц независимо от их воли. Так, в случаях усыновления семейно-правовая связь возникает не только между усыновителем и усыновленным, но и между близкими родственниками усыновителя и усыновленным ребенком. Согласно ст. 137 СК РФ усыновители и их родственники по отношению к усыновленным детям и их потомству приравниваются в личных неимущественных и имущественных правах и обязанностях

к родственникам по происхождению. При вступлении в брак порожаемое данным семейно-правовым актом свойство может стать основанием для возникновения алиментных обязательств между супругом и ребенком другого супруга от предыдущего брака в случаях, предусмотренных ст. 97 СК РФ.

Также следует отметить, что семейно-правовые акты направлены прежде всего на возникновение личной неимущественной связи, на завязывание семейных отношений между субъектами. Имущественные последствия являются лишь следствием возникшей неимущественной связи между участниками семейных отношений.

Семейно-правовые акты могут быть направлены на возникновение или прекращение различных семейных правоотношений. В зависимости от круга субъектов, у которых возникают соответствующие права и обязанности, семейно-правовые акты можно классифицировать на два основных вида. К первой группе будут относиться семейно-правовые акты, направленные на возникновение или прекращение брачных правоотношений: взаимное согласие принять на себя права и обязанности супругов, а также акты, выражающие согласие супругов или требование одного из них брак расторгнуть. Ко второй группе можно отнести семейно-правовые акты, направленные на установление родительских отношений: акты признания материнства и отцовства, акты усыновления, акты принятия опеки и попечительства.

Список литературы

- Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. Т. 2. 451 с.
- Алексеев С. С. Проблемы теории права: Курс лекций. Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1972. Т. 1. 396 с.
- Касаткин С. Н. Понятие и признаки согласия как гражданско-правовой категории // Право и экономика. 2013. № 3. С. 69–73.
- Касаткин С. Н. Согласие в гражданском праве РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2014. 26 с.
- Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. М.: Статут, 2017. Т. 2. 494 с.
- Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 1997. Ч. 1. 290 с.
- Паластина С. Я. Юридические факты в советском семейном праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1976. № 3. С. 43–52.
- Рожкова М. А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашение о защите прав и процессуальные соглашения. М.: Статут, 2009. 332 с.
- Рожкова М. А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 418 с.

Тихонов А. Н. Некоторые аспекты правового регулирования отношений суррогатного материнства // *Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 3. С. 56–64.*

Филлипова С. Ю. Юридические действия как юридические факты в российском гражданском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 559 с.

Андрей Николаевич Тихонов – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: tichonov_a@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-5533-2908

Family Legal Acts as a Kind of Legal Facts

Within the framework of the classification of legal facts on the basis of their relationship to the human will, family legal acts are distinguished in science as an independent group. The purpose of the study is to analyze family legal acts. Based on the works of O. A. Krasavchikov devoted to the study of legal facts, the characteristic features of family legal acts are revealed. A family legal act can be characterized as an action aimed at causing specific family law consequences. The subjects of family legal acts can only be individuals who have respective family capacity. The characteristic features of a family legal act should also include its legality. In some cases (such as voluntary establishment of paternity), the will of one person is the key element for the occurrence of legal consequences, while for other cases, an expression of will of two persons is required, and these expressions of will are equally important in the legal relationship. Thus, upon marriage, it is required that a man and a woman take actions (family legal acts) aimed at establishing the rights and obligations for spouses united by a common purpose – the creation of a family.

The author concludes that if the law provides for legal consequences in connection with «lawful inaction» in the form of a family legal connection, it can be argued that the family legal act is expressed through «legitimate silence». If there is a presumption of paternity, it can be assumed that the father of the child is aware of the legal consequences of his silence and wants them to occur.

Keywords: legal fact, lawful action, legal act, family legal act, family legal relations

Recommended citation

Tikhonov A. N. Semeino-pravovye akty kak yuridicheskie fakty [Family Legal Acts as a Kind of Legal Facts], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 2, pp. 41–47, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-41-47.

References

Agarkov M. M. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu* [Selected Works on Civil Law], Moscow, Tsentr YurInfoR, 2002, vol. 2, 451 p.

Alekseev S. S. *Problemy teorii prava: Kurs leksii* [Problems of the Theory of Law: A Course of Lectures], Sverdlovsk, Sverdl. jurid. in-t, 1972, vol. 1, 396 p.

Filippova S. Yu. *Yuridicheskie deistviya kak yuridicheskie fakty v rossiiskom grazhdanskom prave* [Legal Actions as Legal Facts in Russian Civil Law]: doct. jur. sc. thesis, Moscow, 2021, 559 p.

Kasatkin S. N. Ponyatie i priznaki soglasiya kak grazhdansko-pravovoi kategorii [The Concept and Signs of Consent as a Civil Law Category], *Pravo i ekonomika*, 2013, no. 3, pp. 69–73.

Kasatkin S. N. *Soglasie v grazhdanskom prave RF* [Consent in the Civil Law of the Russian Federation]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Nizhnii Novgorod, 2014, 26 p.

Krasavchikov O. A. *Kategorii nauki grazhdanskogo prava* [Categories of Civil Law Science], Moscow, Statut, 2017, vol. 2, 494 p.

Meier D. I. *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law], Moscow, Statut, 1997, vol. 1, 290 p.

Palastina S. Ya. Yuridicheskie fakty v sovetskom semeinom prave [Legal Facts in Soviet Family Law], *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, 1976, no. 3, pp. 43–52.

Rozhkova M. A. *Teorii yuridicheskikh faktov grazhdanskogo i protsessual'nogo prava: ponyatiya, klassifikatsii, osnovy vzaimodeistviya* [Theories of Legal Facts of Civil and Procedural Law: Concepts, Classifications, Fundamentals of Interaction]: doct. jur. sc. thesis, Moscow, 2010, 418 p.

Rozhkova M. A. *Yuridicheskie fakty grazhdanskogo i protsessual'nogo prava: soglasenie o zashchite prav i protsessual'nye soglashiya* [Legal Facts of Civil and Procedural Law: Agreement on the Protection of Rights and Procedural Agreements], Moscow, Statut, 2009, 332 p.

Tikhonov A. N. Nekotorye aspekty pravovogo regulirovaniya otnoshenii surrogatnogo materinstva [Some Aspects of the Legal Regulation of Surrogacy Relations], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 3, pp. 56–64.

Andrey Tikhonov – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of civil law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: tichonov_a@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-5533-2908

Дата поступления в редакцию / Received: 22.03.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 10.06.2024

Е. Н. Кулюшин

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

О ПРИМЕНЕНИИ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье представлен анализ возможностей и перспектив применения технологий искусственного интеллекта судом первой инстанции (далее – суд) в административном судопроизводстве, регулируемом Кодексом административного судопроизводства. Особое внимание уделено применению судом технологий искусственного интеллекта в административном судопроизводстве на следующих этапах: 1) при сборе, исследовании и оценке доказательств; 2) при анализе и толковании правовых норм; 3) при подготовке и принятии итогового судебного решения по публично-правовым спорам.

Автор приводит определение искусственного интеллекта, описывает, какие действия и полномочия суд осуществляет на каждом этапе административного судопроизводства, указывает возможные направления совершенствования работы суда с использованием искусственного интеллекта. Например, отмечается, что оптимальным при подготовке и принятии судебного решения по существу публично-правовых споров будет сочетание искусственного интеллекта и судьи-человека.

Ключевые слова: искусственный интеллект, административное судопроизводство, электронная юстиция, суд первой инстанции, полномочия, защита слабой стороны

Для цитирования

Кулюшин Е. Н. О применении технологий искусственного интеллекта в административном судопроизводстве // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 2. С. 48–54. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-48-54.

УДК 342.91/95

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-48-54

В Российской Федерации поставлена задача внедрить технологии искусственного интеллекта в судебную систему¹. Целью является создание новой информационно-коммуникативной среды, повышающей эффективность отправления правосудия на различных этапах². К числу этих этапов следует отнести:

¹ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года).

² Под технологией искусственного интеллекта понимается программное обеспечение, подлежащее применению при отправлении правосудия по юридическим делам. К числу основных технологий искусственного интеллекта относят: сбор, исследование и оценку доказательств, прогнозирование итогов судебного разбирательства, применение альтернативных способов разрешения юридических дел и др. [Драгилев, Драгилова, Дровалева и др. 2022: 57; Бертовский 2017: 227–228].

1) предъявление процессуальных документов; 2) проведение судебных заседаний в удаленном формате; 3) принятие промежуточных и итоговых судебных актов [Гриценко, Ялунер 2020].

В процессуальной юридической литературе осмысливается образ будущего правосудия, в котором применяется искусственный интеллект [Цифровые технологии и юрисдикционная деятельность 2022]. Искусственный интеллект – программно-аппаратный комплекс, который функционирует на основе нейронных сетей, способен выполнять различные мыслительные операции, совершаемые человеческим сознанием, обеспечивает собственное обучение и развитие, преобразование окружающей действительности [Юэ Цян, Кичик 2023].

Перспективными для применения искусственного интеллекта в судебной деятельности являются следующие этапы:

1) сбор, исследование и оценка доказательств;

2) анализ и толкование правовых норм (в том числе оценочных правовых норм);

3) подготовка и принятие судебного решения по результатам проведенного судебного разбирательства по юридическому делу [Бахтеев 2021: 134].

Одной из форм отправления правосудия выступает административное судопроизводство, посредством которого обеспечивается правильное и своевременное рассмотрение публично-правовых споров. Полномочия суда по публично-правовым спорам направлены на формирование доказательственного материала. Доказательственный материал может быть представлен не только в традиционной бумажной форме, но и в электронной (цифровой) форме. В связи с этим в доктрине гражданского процесса актуализируются вопросы о формировании электронного правосудия и переходе к электронному доказыванию в судопроизводстве [Ярошенко 2023: 24] и электронному документообороту [Валеев, Нуриев 2019; Кабацкая 2023]. Создается среда, в которой происходит обмен между участниками судебных разбирательств по публично-правовым спорам [Момотов 2021: 190].

К электронным доказательствам относятся:

1) информация, содержащаяся на различных интернет-ресурсах;

2) информация, полученная от заинтересованных в исходе дела лиц посредством удаленного доступа (онлайн-участия) [Нахова 2018; Электронное правосудие 2021].

На начальном этапе формирования доказательственного материала по публично-правовым спорам суд получает процессуальные документы (административные иски, заявления, заявления о мерах предварительной защиты и другие ходатайства по делу).

Суд осуществляет следующие действия:

1) идентификацию и аутентификацию лиц, разместивших процессуальные документы; 2) установление соответствия документов техническим требованиям¹; 3) установление

¹ Пункты 2.1.3, 2.2.1–2.2.5 приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в фе-

соответствия документов требованиям к форме и содержанию, предусмотренным ст. 86, 125, 126 КАС РФ, включая подписание документов электронной подписью²; 4) просмотр страниц сайтов в сети Интернет с целью собирания и (или) обеспечения доказательств и совершению иных процессуальных действий в отношении доказательственного материала; 5) проверку заявлений о фальсификации доказательств, в том числе поданных в режиме веб-конференции или видеоконференц-связи [Бахтеев 2020; Гребенцов 2022: 30].

Цифровые сервисы обработки больших массивов данных позволяют повысить качество представленных доказательств по делу и их отбора для последующего приобщения к юридическому делу [Курочкин 2022]. Процедура предоставления и исследования доказательств при отпращивании правосудия является стандартизированной, поэтому в ходе нее можно применять технологии искусственного интеллекта в качестве помощника судьи.

Среди полномочий суда по публично-правовым спорам в доктрине широко исследованы полномочия по анализу и толкованию правовых норм. Эти полномочия называются дискреционными и включают в себя выбор судом одного из нескольких вариантов осуществления процессуальных действий при наличии общих и относительно определенных указаний закона [Комиссаров 1971: 26; Абушенко 2002: 95].

Анализ и толкование правовых норм в административном судопроизводстве охватывают нормы о применении мер предварительной защиты (ст. 85 КАС РФ) и нормы о предотвращении злоупотребления процессуальными правами (ст. 45 КАС РФ).

Искусственный интеллект способен обрабатывать большие массивы данных, сопоставлять фактические обстоятельства и нормы с относительно определенным содержанием и обеспечивать высокую точность соответствия принимаемых актов закону. В связи с этим видится перспективным применение технологий искусственного интеллекта

деральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа».

² Пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов».

в качестве помощника судьи при вынесении судебных актов. При решении вопроса о принятии мер предварительной защиты искусственный интеллект должен учитывать критерий справедливости судебных актов, имеющий отражение в судебной практике¹.

Технологии искусственного интеллекта могут использоваться при анализе и толковании норм о злоупотреблении правами лицами, участвующими в деле, с целью принятия мер по предотвращению этих злоупотреблений (ч. 7 ст. 45 КАС РФ). Вид меры зависит от категории рассматриваемых юридических дел (сферы применения) и целей применения меры. В зависимости от сферы применения можно применить общие меры – ко всем категориям дел – и частные – по категории рассматриваемых дел (например, оспаривание нормативных и ненормативных актов и др.). В зависимости от целей применения

При решении вопроса о принятии мер предварительной защиты искусственный интеллект должен учитывать критерий справедливости судебных актов

меры могут быть направленными на предотвращение совершения злоупотреблений или на наказание лиц, злоупотребивших правом. Постепенное совершенствование искусственного интеллекта при анализе и толковании правовых норм повысит эффективность защиты нарушенных прав сторон в административном судопроизводстве.

Завершающий этап отправления правосудия – подготовка и принятие судебного решения, в котором изложены выводы о разрешении правового спора по существу. При отправлении правосудия по публично-правовым спорам чаще всего рассматриваются дела об оспаривании нормативных правовых актов публичных органов и дела об оспаривании ненормативных актов публичных органов².

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 11 апреля 2024 г. № 17-П по делу о проверке конституционности статьи 85, части 4 статьи 87 и статьи 211 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Сергеева.

² Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2019–

Ключевой составляющей судебного производства данных видов является объем судебного контроля в отношении актов публичных органов. Судебный контроль предполагает соблюдение:

1) целей и задач административного судопроизводства;

2) правовых норм для судебного производства конкретных видов;

3) баланса между частными и публичными интересами при подготовке и принятии итогового судебного решения.

Суд при признании нормативного правового акта недействующим возлагает на публичный орган обязанность принять новый нормативный правовой акт взамен оспоренного, если установлено, что регулирования административных и иных публичных отношений недостаточно.

Признав ненормативный акт незаконным, суд уполномочен: а) возложить на публичные органы обязанность повторно рассмотреть возникший вопрос; б) указать на необходимость принятия конкретных ненормативных актов публичными органами; в) самостоятельно восстановить нарушенные права либо устранить допущенные нарушения. Для осуществления данных полномочий суд учитывает, что необходима наиболее полная и результативная защита нарушенных прав и законных интересов граждан и организаций и недопустима ситуация, при которой субъект, обратившийся за судебной защитой, неопределенно долго остается лишенным возможности удовлетворить свои законные притязания³. Существуют примеры, когда акты публичных органов неразумны и недобросовестны и свидетельствуют об очевидном отклонении от целей, предусмотренных в правовых нормах⁴.

2023 г. // URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 11.06.2023).

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 55-П по делу о проверке конституционности части 4 статьи 15 Жилищного кодекса Российской Федерации и пунктов 7, 42, 47, 51 и 52 Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом в связи с жалобой граждан А. Г. Брюханова и Н. В. Брюхановой.

⁴ Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27 октября 2022 г. по делу № 8а-20541/2022 [88а-20087/2022].

Можно ли точно и правильно соблюсти алгоритм судебного контроля за искусственным интеллектом при подготовке и принятии справедливого судебного решения? Будет ли обеспечена эффективная защита нарушенных прав частных субъектов от неправомерных действий публичных органов? Здесь следует учитывать текущую концепцию применения технологий искусственного интеллекта в качестве помощника судьи, которая обеспечивает:

1) дополнительную возможность контроля судом собственных действий (в том числе в отношении доказательственного материала);

2) возможность предвидеть результат рассмотрения юридического дела;

3) возможность для судьи-человека увидеть недостатки в подготовке и принятии судебного решения, предложенного искусственным интеллектом, исправить их и затем разъяснить данные действия лицам, участвующим в деле.

Благодаря технологиям искусственного интеллекта можно получить результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности высококвалифицированных специалистов. Вместе с тем, на наш взгляд, любые технологии, в том числе искусственного интеллекта, могут привести к совершению ошибок, поэтому оптимальным будет сочетание искусственного ин-

теллекта и работы судьи-человека при подготовке и принятии судебного решения по существу публично-правовых споров [Афанасьев 2020: 40]. Следует сформировать критерии справедливости судебного решения, предложенного искусственным интеллектом, и эффективности такой защиты нарушенных прав частных субъектов, а также уточнить модель полномочий суда при применении технологий искусственного интеллекта в целом и в ходе судебного производства конкретных видов.

Сделаем выводы. В настоящее время создаются условия для применения искусственного интеллекта при сборе, исследовании и оценке доказательств; анализе и толковании правовых норм; подготовке и принятии итогового судебного решения по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений. Технологии искусственного интеллекта в административном судопроизводстве способны изменить правовое регулирование полномочий суда в целом, содержание отдельных видов судебного производства и содержание доказательственной деятельности, критерии справедливого судебного решения и в итоге обеспечить наиболее полную и результативную (действительную) защиту нарушенных прав граждан и организаций [Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве 2022: 312–327; Голубцов 2022].

Список литературы

Абушенко Д. Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. М.: Норма, 2002. 176 с.

Афанасьев С. Ф. О соотношении понятий «электронное правосудие» и «электронные доказательства» по гражданским делам // Перспективы развития гражданского процессуального права: сб. по материалам IV Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. О. В. Исаенковой. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2020. С. 39–42.

Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы. М.: Проспект, 2021. 176 с.

Бахтеев Д. В. Особенности распознавания подлога подписи человеком как первичные критерии для разработки системы искусственного интеллекта // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17. № 4. С. 514–522.

Бертовский Л. В. Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 6. С. 226–230.

Валеев Д. Х., Нуриев А. Г. Электронный документооборот в сфере правосудия в условиях цифровой экономики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 467–489. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-467-489.

Голубцов В. Г. «Инфраструктурные» обязательства государства по внедрению элементов электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. 2022. № 2. С. 31–46.

Гребенцов А. М. Проверка заявления о фальсификации (подложности) доказательств в свете цифровизации цивилистического процесса: недостатки правового регулирования // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 7. С. 28–30.

Гриценко Е. В., Ялунер Ю. А. Право на судебную защиту и доступ к суду в условиях информатизации и цифровизации: значение опыта стран общего права для России // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 3. С. 97–129.

Драгилев Е. В., Драгилева Л. Л., Дровалева Л. С. и др. Информатизация судебной системы Китая // Юридическая наука. 2022. № 8. С. 54–58.

Кабацкая Е. А. Использование искусственного интеллекта как средства оптимизации судебной деятельности // Российский судья. 2023. № 10. С. 51–55.

Комиссаров К. И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск: СЮИ, 1971. 124 с.

Курочкин С. А. Цифровые технологии и арбитраж // Третейский суд. 2022. № 2/3. С. 147–160.

Момотов В. В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. № 5. С. 188–191.

Нахова Е. А. Проблемы применения электронных доказательств в цивилистическом процессе и административном судопроизводстве // Закон. 2018. № 4. С. 81–90.

Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / отв. ред. Е. Г. Стрельцова. М.: Инфотропик Медиа, 2022. 332 с.

Цифровые технологии и юрисдикционная деятельность: образ будущего правосудия по гражданским делам: моногр. / под ред. К. Л. Брановицкого, В. В. Яркова. М.: Статут, 2022. 328 с.

Электронное правосудие: моногр. / под ред. Е. В. Бурдиной, С. В. Зуева. М.: РГУП, 2021. 344 с.

Юэ Цян, Кичик К. В. Исследование российской стратегии развития искусственного интеллекта через призму концепции верховенства права // Право и цифровая экономика. 2023. № 2. С. 14–24.

Ярошенко Т. В. Электронные доказательства и электронная форма судопроизводства по гражданским делам // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 4. С. 22–26.

Евгений Николаевич Кулюшин – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: e.n.kulyushin@usla.ru.

ORCID: 0000-0001-5020-0877

On the Application of Artificial Intelligence Technologies in Administrative Proceedings

The article presents an analysis of the possibilities and prospects of using some forms of artificial intelligence technologies by the court of first instance (hereinafter referred to as the court) in administrative proceedings regulated by the Code of Administrative Procedure. Special attention is paid to the application of artificial intelligence technologies on the following stages of administrative proceedings: 1) collection, research and evaluation of evidence; 2) analysis and interpretation of legal norms; 3) preparing and making the final court decision on public law disputes.

The author provides a definition of artificial intelligence, describes what actions and powers the court exercises at each stage of administrative proceedings, and indicates possible directions for improving the work of the court using artificial intelligence. For example, it is noted that when

preparing and making a judicial decision on public law disputes, the combination of artificial intelligence and a human judge will be optimal.

Keywords: artificial intelligence, administrative proceedings, electronic justice, court of first instance, powers, protection of the weak side

Recommended citation

Kulyushin E. N. O primeneniі tekhnologii iskusstvennogo intellekta v administrativnom sudoproizvodstve [On the Application of Artificial Intelligence Technologies in Administrative Proceedings], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 2, pp. 48–54, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-48-54.

References

Abushenko D. B. *Sudebnoe usmotrenie v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse* [Judicial Discretion in Civil and Commercial Procedure], Moscow, Norma, 2002, 176 p.

Afanas'ev S. F. O sootnoshenii ponyatii «elektronnoe pravosudie» i «elektronnye dokazatel'stva» po grazhdanskim delam [On the Relationship between the Concepts of «Electronic Justice» and «Electronic Evidence» in Civil Cases], Isaenkova O. V. (ed.) *Perspektivy razvitiya grazhdanskogo protsessual'nogo prava* [Prospects for the Development of Civil Procedure Law]: conference papers, Saratov, Izd-vo Saratov. gos. yurid. akad., 2020, pp. 39–42.

Bakhteev D. V. Osobennosti raspoznavaniya podloga podpisi chelovekom kak pervichnye kriterii dlya razrabotki sistemy iskusstvennogo intellekta [Features of Signature Verification by a Person as a Primary Criteria for Developing an Artificial Intelligence System], *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*, 2020, vol. 17, no. 4, pp. 514–522.

Bakhteev D. V. *Iskusstvennyi intellekt: etiko-pravovye osnovy* [Artificial Intelligence: Ethical and Legal Foundations], Moscow, Prospekt, 2021, 176 p.

Bertovskii L. V. Tekhnologiya blokcheina v ugovnom protsesse kak element tsifrovogo sudoproizvodstva [Technology Blockchain in the Criminal Procedure as Part of the Digital Proceedings], *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki*, 2017, no. 6, pp. 226–230.

Branovitskii K. L., Yarkov V. V. (eds.) *Tsifrovye tekhnologii i yurisdiktsionnaya deyatelnost': obraz budushchego pravosudiya po grazhdanskim delam* [Digital Technologies and Jurisdictional Activities: The Image of the Future of Civil Justice], Moscow, Statut, 2022, 328 p.

Burdina E. V., Zuev S. V. (eds.) *Elektronnoe pravosudie* [Electronic Justice], Moscow, RGUP, 2021, 344 p.

Dragilev E. V., Dragileva L. L., Drovaleva L. S. etc. Informatizatsiya sudebnoi sistemy Kitaya [Informatization of the Judicial System of China], *Yuridicheskaya nauka*, 2022, no. 8, pp. 54–58.

Golubtsov V. G. «Infrastrukturnye» obyazatel'stva gosudarstva po vnedreniyu elementov elektronnoogo pravosudiya [«Infrastructural» Obligations of the State to Implement Elements of E-Justice], *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2022, no. 2, pp. 31–46, DOI: 10.24031/2226-0781-2022-12-2-31-4.

Grebentsov A. M. Proverka zayavleniya o fal'sifikatsii (podlozhnosti) dokazatel'stv v svete tsifrovizatsii tsivilisticheskogo protsessa: nedostatki pravovogo regulirovaniya [Verification of the Statement of Falsification (Forgery) of Evidence in the Light of the Digitalization of the Civil Procedure: Shortcomings of Legal Regulation], *Arbitrazhnyi i grazhdanskiy protsess*, 2022, no. 7, pp. 28–30, DOI: 10.18572/1812-383X-2022-7-28-30.

Gritsenko E. V., Yaluner Yu. A. Pravo na sudebnuyu zashchitu i dostup k sudu v usloviyakh informatizatsii i tsifrovizatsii: znachenie opyta stran obshchego prava dlya Rossii [The Right to Judicial Protection and Access to Court in the Context of Informatization and Digitalization: The Significance of the Experience of Common Law Countries for Russia], *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2020, no. 3, pp. 97–129, DOI: 10.21128/1812-7126-2020-3-97-129.

Kabatskaya E. A. Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta kak sredstva optimizatsii sudebnoi deyatelnosti [Using Artificial Intelligence as a Means of Optimizing Judicial Activity], *Rossiiskii sud'ya*, 2023, no. 10, pp. 51–55, DOI: 10.18572/1812-3791-2023-10-51-55.

Komissarov K. I. *Zadachi sudebnogo nadzora v sfere grazhdanskogo sudoproizvodstva* [The Tasks of Judicial Supervision in the Field of Civil Proceedings], Sverdlovsk, SYuI, 1971, 124 p.

Kurochkin S. A. *Tsifrovye tekhnologii i arbitrazh* [Digital Technologies and Arbitration], *Treteiskii sud*, 2022, no. 2–3, pp. 147–160.

Momotov V. V. *Iskusstvennyi intellekt v sudoproizvodstve: sostoyanie, perspektivy ispol'zovaniya* [Artificial Intelligence in Litigation: State and Prospects for Use], *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina*, 2021, no. 5, pp. 188–191, DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.188-191.

Nakhova E. A. *Problemy primeneniya elektronnykh dokazatel'stv v tsivilisticheskom protsesse i administrativnom sudoproizvodstve* [Problems of Using Electronic Evidence in Civil Procedure and Administrative Proceedings], *Zakon*, 2018, no. 4, pp. 81–90.

Strel'tsova E. G. (ed.) *Tsifrovye tekhnologii v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve: praktika, analitika, perspektivy* [Digital Technologies in Civil and Administrative Proceedings: Practice, Analytics, Prospects], Moscow, Infotropik Media, 2022, 332 p.

Valeev D. Kh., Nuriev A. G. *Elektronnyi dokumentooborot v sfere pravosudiya v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki* [Electronic Document Management in the Field of Justice in the Digital Economy], *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, 2019, iss. 3, pp. 467–489, DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-467-489.

Yaroshenko T. V. *Elektronnye dokazatel'stva i elektronnyaya forma sudoproizvodstva po grazhdanskim delam* [Electronic Evidence and the Electronic Form of Judicial Proceedings in Civil Cases], *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2023, no. 4, pp. 22–26, DOI: 10.18572/1812-383X-2023-4-22-26.

Yue Tsyun, Kichik K. V. *Issledovanie rossiiskoi strategii razvitiya iskusstvennogo intellekta cherez prizmu kontseptsii verkhovenstva prava* [A Study of the Russian Strategy for the Development of Artificial Intelligence through the Prism of the Concept of the Rule of Law], *Pravo i tsifrovaya ekonomika*, 2023, no. 2, pp. 14–24, DOI: 10.17803/2618-8198.2023.20.2.014-024.

Evgeny Kulyushin – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of civil procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: e.n.kulyushin@usla.ru.

ORCID: 0000-0001-5020-0877

Дата поступления в редакцию / Received: 27.04.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 17.06.2024

К. В. Петрова

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ФИНАНСОВАЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ НЕИСПОЛНИМОСТИ АРБИТРАЖНОГО СОГЛАШЕНИЯ И СТАНДАРТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ

Финансовая несостоятельность одной из сторон часто является основанием неисполнимости арбитражного соглашения. Проблема кроется в том, что при наличии действительного арбитражного соглашения его невозможно исполнить. Сама по себе неплатежеспособность не приводит к признанию арбитражного соглашения неисполнимым, однако осуществление арбитражного разбирательства становится сомнительным, если у неплатежеспособной стороны нет необходимых средств для расходов на арбитражное разбирательство.

Судебная практика в России по разрешению проблемы неисполнимости арбитражного соглашения в связи с несостоятельностью стороны довольно обширна и противоречива, усиливает неопределенность в третейской сфере и не способствует привлекательности арбитража. Анализ российской судебной практики свидетельствует о том, что нельзя точно предусмотреть исход событий, так как суды могут по-разному оценить обстоятельства. Для поиска решения обозначенной проблемы автор статьи предлагает ввести стандарт доказывания при рассмотрении споров о финансовой несостоятельности как основания неисполнимости арбитражного соглашения. Несмотря на то что это новый для российского права институт, он приобретает все большую популярность в доктрине и активно используется в российской судебной практике.

Ключевые слова: основание неисполнимости арбитражного соглашения, финансовая несостоятельность сторон, стандарт доказывания

Для цитирования

Петрова К. В. Финансовая несостоятельность как основание неисполнимости арбитражного соглашения и стандарты доказывания // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 2. С. 55–61. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-55-61.

УДК 347.736

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-55-61

Судебные споры по такому основанию неисполнимости арбитражного соглашения, как финансовая несостоятельность сторон, возникают достаточно часто во всем мире, особенно в последнее время в связи с пандемией, политической и экономической нестабильностью.

Хотелось бы подчеркнуть, что в статье речь будет идти о несостоятельности истца. Споры, по которому банкрот является ответ-

чиком, не могут быть предметом третейского разбирательства в соответствии с п. 1 ч. 6 ст. 27, п. 1 ч. 2 ст. 33 АПК РФ, т. е. являются неарбитрабельными. Это подтверждается также определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17 сентября 2019 г. № 4-КГ19-36, в котором суд обратил внимание на то, что с момента введения процедуры наблюдения все требования кредиторов могут быть предъявлены

и рассмотрены судом только в рамках дела о банкротстве.

Судебная практика

В России вопрос о судьбе арбитражного соглашения при несостоятельности одной из сторон не новый, очень богатый судебными актами, неоднократно рассматривался ВАС РФ и ВС РФ. Довольно часто дела данной категории осложняются банкротством истца¹. Однако подход судов, в том числе ВС РФ, сложно назвать единообразным.

Так, в ряде судебных дел ВС РФ пришел к выводу об исполнимости арбитражных соглашений². В соответствующих судебных актах ВС РФ можно выделить два основных подхода. Первый заключается в том, что финансовые проблемы стороны арбитражного соглашения не являются основанием для отказа в исполнении третейского соглашения, причем даже при банкротстве. В данном случае финансовое положение стороны не рассматривается как объективный фактор, который мог бы помешать исполнению соглашения, даже если учесть предпринимательский риск. С позиции второго подхода бремя доказывания тяжелого финансового положения стороны третейского соглашения ложится на истца. В данном случае возможность признания арбитражного соглашения неисполнимым при наличии у истца финансовых трудностей зависит от успешного доказывания этого факта.

Напротив, в ряде судебных дел ВС РФ пришел к выводу о неисполнимости арбитражных соглашений³. Анализ данных судебных решений также указывает на применение судом разных подходов. В некоторых случаях ВС РФ изучает финансовое положение истца, оценивая доказательства наличия или отсутствия средств на арбитраж, в других – делает выводы, исходя из абстрактных понятий, таких как нарушение прав кредиторов или права стороны на судебную защиту. В последние годы некоторые суды зашли дальше, связав возможность неисполнения

арбитражного соглашения с нахождением истца в процедуре банкротства, игнорируя вопрос о наличии у истца имущества для оплаты расходов, связанных с арбитражем.

Обобщив судебную практику, можно заключить, что в судах различные виды доказательств оцениваются по-разному либо не исследуются совсем, и это влияет на решения суда. Таким образом, в России остро стоит проблема унификации судебной практики по вопросу о неисполнимости арбитражного соглашения из-за несостоятельности сторон. Представляется, что решить ее можно, придав решениям судов большую прозрачность и предсказуемость.

Институт судебных доказательств

Предполагается, что для поиска путей решения обозначенной проблемы необходимо остановиться на институте судебных доказательств и доказывания, который занимает одно из центральных мест в гражданском и арбитражном процессе. Указанный правовой институт закреплен в главе 6 ГПК РФ и главе 7 АПК РФ. Российские суды в соответствии со ст. 67 ГПК РФ и ст. 71 АПК РФ должны оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению. Подобная оценка доказательств в суде является основой современного континентального судебного процесса, однако не способствует единству судебной практики и эффективности судебной системы в целом [Аргунов, Долова 2019: 99].

В связи с этим в целях формирования единого подхода к делам об исполнимости арбитражного соглашения по причине неплатежеспособности сторон необходим поиск новых инструментов доказывания в судебном процессе. Представляется возможным обратить внимание на такой инструмент, как стандарт доказывания.

Стандарты доказывания

Тема стандартов доказывания приобретает в российском праве все большую популярность [Решетникова 1997: 112–113; Будылин 2014; Смола 2018: 133–135]. Вслед за И. В. Решетниковой, которая первой ввела понятие «стандарт доказывания» в российскую процессуальную науку, следует признать, что стандарт доказывания – это определенная уверенность в том, что все обстоятельства по делу установлены и суд может выносить обо-

¹ См., например: определения Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 307-ЭС15-167, от 5 июня 2017 г. № 304-ЭС17-5582.

² См., например: определения Верховного Суда РФ от 26 января 2016 г. № 309-ЭС15-18145, от 11 декабря 2017 г. № 307-ПЭК17.

³ См., например: определения Верховного Суда РФ от 16 мая 2016 г. № 304-ЭС16-3766, от 29 сентября 2016 г. № 307-ЭС16-12344.

снованное решение по делу [Решетникова 2021: 26]. При этом одни российские авторы полагают, что само понятие стандарта доказывания несовместимо с принципом свободной оценки доказательств судом, а потому не может быть инкорпорировано в отечественное процессуальное право [Рыжов 2012]. А. А. Карпова считает, что применение стандартов доказывания в России преждевременно [Карпова 2023], В. В. Аргунов и М. О. Долова рассматривают в качестве альтернативы стандартам доказывания развитие уже существующих правил формализации процесса оценки доказательств [Аргунов, Долова 2019]. Другие ученые, напротив, полагают, что стандарты доказывания в России не только существуют, но и нуждаются в развитии [Карпетов, Косарев 2019; Решетникова 2021; Ярошенко, Дыханов 2022]. Однако в целом для юриспруденции указанное понятие не новое и достаточно активно используется в странах общего права.

Ключевую роль в развитии данного института в российском праве играет Верховный Суд РФ, который все чаще в определениях использует понятие «стандарт доказывания»¹. В свою очередь, из его практики оно входит в практику нижестоящих судов [Руденко, Сенчикова 2021: 58].

В российском праве в последние годы выделяют четыре стандарта доказывания [Там же: 60]:

1) стандарт *Prima Facie* («на первый взгляд»), «пониженный» стандарт доказывания;

2) стандарт *Balance of Probabilities* («баланс вероятностей»), наиболее часто применяемый в судопроизводстве;

3) стандарт *Clear and Convicting Evidence* («ясные и убедительные доказательства»), иногда называемый повышенным стандартом доказывания². О необходимости использования повышенного стандарта в делах о банкротстве не раз говорил Верховный Суд РФ³ и даже предлагал применять более высо-

кий стандарт доказывания в делах о неисполнимости арбитражного соглашения по вопросам финансовой несостоятельности сторон⁴;

4) стандарт *Beyond the Reasonable Doubt* («за пределами разумных сомнений»).

Необходимо отметить, что вопреки доктринальной критике современная российская судебная практика включила стандарты доказывания в процесс принятия решений, судьи достаточно часто руководствуются не только внутренним убеждением, но и инструментом «стандарт доказывания».

Регулирование свободной оценки в судебном процессе путем установления различных юридических правил играет важную роль в достижении целей судопроизводства. Оно направлено на конкретизацию, ограничение и направление действий суда и участников дела. Свободная оценка доказательств и их формализация в праве – дополняющие друг друга тенденции, обеспечивающие справедливое и обоснованное принятие решений. Современная формализация процесса свободной оценки доказательств значительно обогащает внутреннее убеждение как юридическое явление [Аргунов, Долова 2019: 99].

Таким образом, регулирование свободной оценки в судебном процессе является необходимым условием для обеспечения справедливости и эффективности правосудия.

Внедрение стандартов доказывания в процессуальное законодательство имеет огромное значение для улучшения качества работы судов и достижения единообразия судебной практики в Российской Федерации [Ярошенко, Дыханов 2022: 34].

Однако исследование российской судебной практики, в которой упоминаются стандарты доказывания, показывает, что концепции стандартов доказывания, в том числе стандарта *Clear and Convicting Evidence*, только начинают формироваться. Представляется, что необходимо попытаться сформировать повышенный стандарт доказывания *Clear and Convicting Evidence* в делах о признании арбитражного соглашения неисполнимым по причине финансовой неплатежеспособности сторон.

Во-первых, нужно установить, что требуется доказать (в делах данной категории

¹ См., например: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30 сентября 2019 г. № 305-ЭС16-18600.

² См., например: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 4 июня 2018 г. № 305-ЭС18-413.

³ См., например: определения Верховного Суда РФ от 17 мая 2019 г. № 302-ЭС19-5458, от 23 апреля 2019 г. № 309-ЭС19-4473.

⁴ См., например: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12 июля 2017 г. № 307-ЭС17-640.

это невозможность по финансовым обстоятельствам реализовать право на разрешение спора в форме, обозначенной в арбитражном соглашении), во-вторых, – как доказать и насколько убедительно это нужно сделать.

В делах исследуемой категории необходимо убедиться, что у истца действительно отсутствуют средства (денежные и иные) для оплаты третейского сбора и ведения третейского разбирательства. Суд обязан комплексно рассмотреть вопрос о финансовом состоянии истца и ни в коем случае не допускать ссылки на такие абстрактные категории, как неудовлетворительное финансовое положение истца, банкротство и т. д. Только имея совокупность достоверных доказательств о затруднительном финансовом положении истца, суд может сделать вывод о том, приведет ли его финансовое состояние к невозможности рассмотрения спора в арбитраже.

При обращении в государственный суд доказательства о финансовых трудностях, препятствующих обращению в третейский суд, представляет истец. Ответчик вправе доказывать недобросовестность истца.

Суд обязан комплексно рассмотреть вопрос о финансовом состоянии истца и ни в коем случае не допускать ссылки на такие абстрактные категории, как неудовлетворительное финансовое положение истца, банкротство и т. д.

В ходе судебного разбирательства по делам данной категории у суда должна быть активная роль в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию. Здесь уместно сослаться на критерий достаточности, который выражается в том, что суд не должен ограничиваться формальной проверкой доказательств, а, напротив, должен использовать максимально возможные средства доказывания по делам этой категории, исследовать полный спектр доказательств, относящихся к затруднительному финансовому положению стороны. Необходима оценка финансовой (бухгалтерской) отчетности, данных о платежеспособности организации, состоянии активов, наличии обязательств по кредитам и займам, наличии налоговой задолженности, кредиторской / дебиторской задолженности, данных о прибыльности или убыточ-

ности или данных о невозможности ведения нормальной деятельности в текущий период (например, если расчетные операции по счетам приостановлены, основные и оборотные средства предприятия арестованы и др.), результатов аудиторских заключений, особенно если финансовая (бухгалтерская) отчетность стороны подлежит обязательному аудиту, результатов налоговых проверок, финансового анализа, проведенного арбитражным управляющим в соответствии со ст. 70 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», и т. д.

В целях корректной оценки финансово-экономического положения истца суд в соответствии со ст. 83, 84 АПК РФ должен назначить комиссионную экспертизу, требующую специальных экономических знаний, и обозначить, как минимум, следующий круг вопросов. Оценка финансового состояния организаций должна проводиться на основании Методологических рекомендаций по проведению анализа финансово-хозяйственной деятельности организаций (утв. Госкомстатом России 28 ноября 2022 г.). В ходе данной оценки нужно выяснить, имеются ли у ответчика средства (денежные и иные) на ведение третейского разбирательства в полном объеме в настоящий момент и могут ли они появиться в ближайшие полгода.

Как представляется, достаточность достоверных доказательств – это и есть то, что влияет на их убедительность.

В итоге совокупность трех таких факторов, как неудовлетворительная оценка финансового состояния, полученная по результатам экспертизы, неудовлетворительный уровень платежеспособности, выраженный в виде отсутствия на счетах в текущий момент денежных средств на ведение арбитража в полном объеме, и неудовлетворительная оценка возможности их появления в ближайшие полгода, отсутствие ликвидных активов, а также отсутствие признаков недобросовестности истца могут позволить суду сделать вывод о невозможности инициировать третейское разбирательство. Кроме того, суд должен рассмотреть желание / нежелание ответчика взять на себя расходы на третейское разбирательство.

Несмотря на значительные трудозатраты на судебное разбирательство и кажущуюся избыточность количества рассматриваемых

доказательств, применение одинаковых требований к доказыванию в судебном процессе позволит обеспечить единый подход к делам данной категории, соблюсти принцип равенства всех перед законом и судом.

Подведем итоги. Представляется, что на уровне Пленума Верховного Суда Российской Федерации можно сделать следующее:

обобщить судебную практику по вопросу о неисполнимости арбитражного соглашения из-за финансовой несостоятельности сторон, тем более в случае банкротства истца;

закрепить необходимость применения судами в делах данной категории стандарта доказывания *Clear and Convicting Evidence*, потому что в подобных делах применение более низкого стандарта доказывания может привести к использованию в решении абстрактных понятий или отсылок на публичный элемент и, как следствие, может нарушить согласован-

ную при заключении арбитражного соглашения волю сторон, поощряя недобросовестную сторону;

закрепить предлагаемую концепцию стандарта доказывания.

Применение повышенного стандарта доказывания в делах о признании арбитражного соглашения неисполнимым по причине финансовых затруднений сторон уменьшит неопределенность в делах данной категории и в целом будет способствовать повышению привлекательности арбитража. Кроме того, применение стандарта доказывания с предлагаемым содержанием увеличит процессуальную эффективность, сделает результаты рассмотрения судебных дел прогнозируемыми, позволит судебным актам сохранить стабильность, а также позволит снизить количество судебных разбирательств по делам рассматриваемой категории.

Список литературы

Аргунов В. В., Долова М. О. О так называемых стандартах доказывания применительно к отечественному судопроизводству // Вестник гражданского процесса. 2019. № 2. С. 76–105.

Будылин С. Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом // Вестник ВАС РФ. 2014. № 3. С. 25–27.

Караетов А. Г., Косарев А. С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к ежемесячному журналу. 2019. № 5. Спец. вып. С. 3–96.

Карпова А. А. Принцип свободной оценки доказательств и стандарты доказывания: положения немецкой доктрины и правоприменительной практики и российская правовая действительность // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 6. С. 138–163.

Решетникова И. В. Доказательственное право Англии и США. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. 240 с.

Решетникова И. В. Стандарт доказывания // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 8. С. 26–27.

Руденко А. В., Сенчикова М. В. Применение стандартов доказывания в практике судов общей юрисдикции // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 5. С. 58–62.

Рыжов К. Б. Принцип свободной оценки доказательств и его реализация в гражданском процессе. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 240 с.

Смола А. А. Стандарты, доказывание и Верховный Суд // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 8. С. 129–165.

Ярошенко Т. В., Дыханов И. В. Стандарты доказывания в гражданском судопроизводстве: проблемы и перспективы правового регулирования // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 3. С. 32–34.

Кристина Валерьевна Петрова – аспирант кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: ivanovakristinav2@gmail.com.

ORCID: 0009-0000-3561-4940

Financial Insolvency as a Basis for the Unenforceability of an Arbitration Agreement and Standards of Proof

The financial insolvency of one of the parties is often grounds for the unenforceability of an arbitration agreement. The problem is that if there is a valid arbitration agreement, it cannot be enforced. Insolvency itself does not render the arbitration agreement unenforceable, but the implementation of the arbitration proceedings becomes doubtful if the insolvent party does not have the necessary funds to pay the costs of the arbitration proceedings.

Russian judicial practice on resolving the problem of unenforceability of an arbitration agreement due to the insolvency of a party is quite extensive and contradictory, it increases uncertainty in the arbitration sphere and does not contribute to the attractiveness of arbitration. An analysis of judicial practice in Russia shows that it is impossible to accurately predict the outcome of events, since courts can assess the circumstances differently. To find a solution to the identified problem, the author proposes to introduce a standard of proof when considering disputes about financial insolvency as a basis for the unenforceability of an arbitration agreement. Despite the fact that this is a new institution for Russian law, it is becoming increasingly popular in doctrine and is actively used in Russian judicial practice.

Keywords: *grounds for the unenforceability of an arbitration agreement, financial insolvency of the parties, standard of proof*

Recommended citation

Petrova K. V. Finansovaya nesostoyatel'nost' kak osnovanie neispolnimosti arbitrazhnogo soglasheniya i standarty dokazyvaniya [Financial Insolvency as a Basis for the Unenforceability of an Arbitration Agreement and Standards of Proof], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 2, pp. 55–61, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-55-61.

References

Argunov V. V., Dolova M. O. O tak nazyvaemykh standartakh dokazyvaniya primenitel'no k otechestvennomu sudoproizvodstvu [On the So-Called Standards of Proof in the Context of the Domestic Judicial Procedure], *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, 2019, no. 2, pp. 76–105.

Budylin S. L. Vnutrennee ubezhdenie ili balans veroyatnostei? Standarty dokazyvaniya v Rossii i za rubezhom [Inner Conviction or Balance of Probabilities? Standards of Evidence in Russia and Abroad], *Vestnik VAS RF*, 2014, no. 3, pp. 25–27.

Karapetov A. G., Kosarev A. S. Standarty dokazyvaniya: analiticheskoe i empiricheskoe issledovanie [Standards of Proof: Analytical and Empirical Research], *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii. Prilozhenie k ezhemesyachnomu zhurnalu*, 2019, no. 5, special issue, pp. 3–96.

Karpova A. A. Printsip svobodnoi otsenki dokazatel'stv i standarty dokazyvaniya: polozheniya emetskoi doktriny i pravoprimenitel'noi praktiki i rossiiskaya pravovaya deistvitel'nost' [The Principle of Free Evidence Assessment and Standards of Proof: The Approaches in German Civil Procedural Law and Judicial Practice and Russian Legal Reality], *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, 2023, no. 6, pp. 138–163.

Reshetnikova I. V. *Dokazatel'stvennoe pravo Anglii i SShA* [Evidentiary Law of England and the USA], Ekaterinburg, Izd-vo UrGYuA, 1997, 240 p.

Reshetnikova I. V. Standart dokazyvaniya [Standard of Proof], *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2021, no. 8, pp. 26–27.

Rudenko A. V., Senchikova M. V. Primenenie standartov dokazyvaniya v praktike sudov obshchei yurisdiktsii [Application of Standards of Proof in Courts of General Jurisdiction], *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 2021, no. 5, pp. 58–62.

Ryzhov K. B. *Printsip svobodnoi otsenki dokazatel'stv i ego realizatsiya v grazhdanskom protsesse* [The Principle of Free Evaluation of Evidence and Its Implementation in Civil Proceedings], Moscow, Infotropik Media, 2012, 240 p.

Smola A. A. Standarty, dokazyvanie i Verkhovnyi Sud [Standards, Evidence and the Supreme Court], *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, 2018, no. 8, pp. 129–165.

Yaroshenko T. V., Dykhanov I. V. Standarty dokazyvaniya v grazhdanskom sudoproizvodstve: problemy i perspektivy pravovogo regulirovaniya [Standards of Proving in Civil Proceedings: Legal Regulation Problems and Prospects], *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2022, no. 3, pp. 32–34.

Kristina Petrova – postgraduate student of the Department of civil procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: ivanovakristinav2@gmail.com.

ORCID: 0009-0000-3561-4940

Дата поступления в редакцию / Received: 20.03.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 21.05.2024

М. В. Морозов

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИИХ»
(Новосибирск)

ДОКТРИНА КАК ИСТОЧНИК УГОЛОВНОГО ПРАВА

Автор поднимает проблему уголовно-правовой полинормативности. Конституция РФ, принципы и нормы международного права, решения Конституционного Суда РФ, нормы различных отраслей права, судебный прецедент, постановления Пленума Верховного Суда РФ, которые отдельные юристы относят к «вспомогательным источникам уголовного права», дополняются еще одним источником – доктриной уголовного права.

Рассматривая доктрину как дополнительный источник уголовного права, автор приходит к выводу о многоаспектности ее роли во взаимосвязи с уголовным правом. Так, доктрина оказывает заметное воздействие на уголовно-правовое законодательство и влияет на содержание официальных правотолковательных документов, к которым можно отнести, конечно, постановления Пленума Верховного Суда РФ. Трудно обойтись без основных положений доктрины и в правоприменении. Присутствие в уголовном законе чисто доктринальных понятий «общественная опасность», «состав преступления», «прямой умысел в формальном составе» без раскрытия их содержания не оставляет правоприменителю других вариантов, кроме обращения к юридической литературе.

У автора не было цели возвысить доктрину над другими дополнительными источниками уголовного права либо уравнивать ее по значимости с уголовным законом. В статье лишь показывается ее взаимосвязь с названными правовыми источниками и обращается внимание на неизбежность признания ее роли при применении уголовного права.

Ключевые слова: источник уголовного права, уголовно-правовая доктрина, полинормативность, состав преступления, прямой умысел

Для цитирования

Морозов М. В. Доктрина как источник уголовного права // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 2. С. 62–69. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-62-69.

УДК 343.2/.7

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-62-69

В последнее время в уголовно-правовой научной литературе получили распространение мнения, согласно которым Уголовный кодекс Российской Федерации не является безальтернативным источником уголовно-правовых норм.

Кроме УК РФ юристы называют и другие правовые источники. Так, в качестве одного из них О. Н. Шибков рассматривает оформленные в виде норм принципы международного права и имеющие юридическую силу для Российской Федерации императивные нормы международного права [Шибков 2000: 9]. При этом, по мнению автора, источниками уголовного права России они ста-

нут в случае рецепции или имплементации в УК РФ либо при непосредственной отсылке в положениях УК к нормам международного права. К аналогичным выводам приходит Ю. В. Трунцевский, который полагает, что «перевод международно-правовых норм посредством национально-правовой имплементации в уголовное законодательство РФ ни в коей мере не отрицает признания их в качестве источника уголовного права Российской Федерации» [Трунцевский 1995: 8].

Ряд авторов также относит к источникам уголовного права конституционно-правовые нормы [Звечаровский 2001: 43; Пудовочкин, Пирвагидов 2003: 162–168], решения Кон-

ституционного Суда РФ [Ображиев 2002; Бибики 2005: 10]. При этом некоторые юристы включают в число источников первые, потому что некоторые «конституционные нормы непосредственно регулируют уголовно-правовые отношения» [Пудовочкин, Пирвагидов 2003: 167], и отрицают необходимость включения вторых, так как «в качестве источника уголовного права следует признавать не сам прецедент Конституционного Суда РФ, а нормы Конституции РФ, которые имеют непосредственное и прямое действие» [Там же].

По мнению Л. Д. Гаухмана, в УК РФ содержится немало бланкетных норм, в диспозициях которых признаки состава преступления либо не определяются, либо обозначаются частично. В таких случаях, на взгляд автора, отсутствующие признаки описываются в нормативных правовых актах, не относящихся к уголовному закону [Гаухман 2010: 250]. Можно сделать вывод, что эти акты Л. Д. Гаухман относил к источникам уголовного права. С ним в целом солидарны Ю. Е. Пудовочкин и С. С. Пирвагидов, которые пишут: «...Федеральные нормы отраслевого (не уголовно-правового) законодательства, определяя в целом ряде случаев преступность и наказуемость деяния, выступают в качестве источников уголовного права» [Пудовочкин, Пирвагидов 2003: 178].

Постановления Пленума Верховного Суда РФ, с точки зрения А. В. Мадыровой, также выполняют функцию источников уголовного права, поскольку часто содержат новые нормативные положения [Мадырова 2001: 10]. С этим выводом согласны и некоторые другие юристы [Бибики 2005: 10; Дроздов 1992; Пудовочкин, Пирвагидов 2003: 217]. При этом, как считает В. В. Демидов, разъяснения в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ представляют собой разновидность судебного прецедента [Демидов 1998: 24]. Некоторые ученые судебному прецеденту отводят самостоятельную роль источника уголовного права [Наумов 1994; Ображиев 2002: 50].

Нет сомнений, что приведенные виды источников уголовного права России неоднородны. Это признают и сами авторы. Так, О. Н. Бибики все источники уголовного права делит на формально признаваемые государством (Уголовный кодекс РФ) и фактически признаваемые государством (все остальные

источники). Кроме того, автор среди источников выделяет уголовное законодательство РФ и «социальные источники», в число которых включает судебную практику, уголовно-правовую науку, подсознание и пр. [Бибики 2005: 5–6].

Оставив за рамками исследования дискуссионные аспекты приведенных позиций, отметим, что во всех названных работах аргументируется полинормативность уголовного права в том смысле, что одни и те же общественные отношения, входящие в его предмет, регулируются правилами поведения различного уровня, характера и юридической силы. Однако полинормативность следует отличать от квазинормативности, под которой понимается «явление, описывающее ситуацию, когда некоему регулятору общественных отношений, по своей природе не являющемуся источником права, приписывается функция регулирования общественных отношений, а государство признает за ним (хотя при этом официально и не санкционирует) возможность регулирования того или иного общественного отношения» [Тирских 2019: 105].

Так, следует согласиться с М. Г. Тирских в том, что примеры квазинормативного регулирования есть в актах правореализационных, правоприменительных, правотолковательных. Например, речь идет о правовых позициях, изложенных Конституционным Судом РФ [Там же]. К такому же выводу приходит Н. И. Полищук. Автор относит документы, которые исходят от высших судебных инстанций и направлены на единообразное правоприменение, к квазиисточникам права России [Полищук 2019: 15–16].

Можно заметить, что достаточно редко в числе источников российского уголовного права называется правовая доктрина. Российские исследователи, затрагивающие этот вопрос, часто рассматривают его с компаративистских позиций. Так, А. А. Малиновский, исследуя роль уголовно-правовой доктрины, обнаруживает, что она имеет большое значение в правотворчестве зарубежных государств. Например, в США система «неопределенных приговоров» появилась из-за доктринальных положений о том, что при вынесении приговора суд обязан указывать лишь минимальный и максимальный пределы наказания, а окончательный срок уже по факту исправления осужденного определяет

тюремная администрация. Заметна, по мнению автора, роль доктрины и в правоприменении, особенно англосаксонском [Малиновский 2009].

А. П. Рожнов верно отмечает, что вопрос о наиболее значимых правовых учениях очень редко поднимается даже в научной и учебной литературе по теории права. В тех работах, где доктрина все-таки упоминается, ее роль сводится лишь к правотворческому фактору [Рожнов 2009: 106].

Несомненно, доктринальные положения оказали заметное влияние на действующее уголовное законодательство, в особенности на первоначальную редакцию УК РФ. Но такое воздействие доктрины не может свидетельствовать о принадлежности ее к источникам уголовного права, поскольку какие-либо завоевания уголовно-правовой науки возымели непосредственную юридическую силу только благодаря преобразованию в нормы уголовного права. Так, доктринальные разработки М. И. Ковалева относительно соучастия в преступлении получили юридическую силу только в связи с тем, что были отражены в нормах главы 7 УК РФ [Ковалев 1960].

Несомненно, доктринальные положения оказали заметное влияние на действующее уголовное законодательство, в особенности на первоначальную редакцию УК РФ

Аналогичным образом следует представить воздействие доктрины на правотворческие документы, в частности на руководящие постановления Пленума Верховного Суда. Например, постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге» предусматривало три формы превышения должностных полномочий. К ним относилось совершение действий, явно выходящих за пределы служебной компетенции должностного лица: 1) действий, которые относятся к полномочиям другого должностного лица; 2) действий, которые могли быть совершены самим должностным лицом

только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте; 3) действий, которые никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершить (п. 11). В теории уголовного права называлась еще и четвертая форма рассматриваемого преступления – совершение действий единолично при условии их только коллегиального совершения [Уголовное право Российской Федерации 1999: 400]. Обоснованность отнесения таких действий к разновидности превышения должностных полномочий очевидна, поэтому Пленум Верховного Суда РФ совершенно справедливо включил их в постановление от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».

Выше перечислены некоторые позитивные случаи, когда завоевания уголовно-правовой науки легли в основу каких-либо разъяснений в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Во многих ситуациях доктрина настолько аморфна, что не может оказать направленного влияния на уголовно-правовое нормотворчество. Для подтверждения сказанного достаточно сослаться на огромный разброс мнений ученых о количестве и видах принципов криминализации уголовно-правовых деяний [Сабитов 2011].

Роль взаимосвязи между доктриной и уголовным законодательством нельзя сводить к фактору, детерминирующему правотворчество. В данном случае вновь прав А. П. Рожнов, отмечающий, что при непризнании доктрины непосредственно действующей формой права «многие предписания законов, включая Уголовный кодекс, являются пробельными и не должны быть работающими» [Рожнов 2009: 109]. Так, в силу ст. 8 УК РФ основанием уголовной ответственности считается совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК. Однако ни в одной статье УК РФ нет определения состава преступления и его структуры. В связи с этим автор правильно замечает, что «отсутствие дефиниции состава преступления успешно и традиционно восполняется доктриной уголовного права» [Там же: 110].

Можно подумать, что состав преступления – это настолько очевидное понятие, содержание которого внушается юристу со студенческой скамьи, что нет смысла рас-

крывать его в Уголовном кодексе. Однако с данным понятием не все так очевидно.

Во-первых, сам Уголовный кодекс РФ не адресован исключительно правоприменителю: другие лица, соблюдающие уголовно-правовые запреты, также являются адресатами уголовно-правовых норм. При этом у многих из них отсутствуют даже приблизительные сведения о содержании понятия «состав преступления». Поэтому при необходимости источниками знаний для них станут не только труды по уголовному праву наиболее авторитетных авторов, но и просто самые доступные информационные источники, воспроизводящие содержание состава преступления.

Во-вторых, сама структура состава преступления не определяется постоянно заданным количеством элементов. «Родинкой» состава преступления признается Германия, в уголовном праве которой описание состава противоправного деяния целиком отдается доктрине. При этом в последней принято выделять только два элемента: объективный состав и субъективный состав. Как отмечают А. Жалинский и А. Рёрихт, в объективный состав деяния входят: «а) субъект деяния; б) объект деяния; в) собственно деяние, поступок и результат (при результативных деяниях); г) причинная связь; д) вменение результата» [Жалинский, Рёрихт 2001: 599]. Субъективный состав вмещает: «а) умысел либо неосторожность; б) иные признаки субъективного состава; в) ошибки» [Там же]. Как видно, понимание состава преступления, включающего в себя четыре элемента, в уголовно-правовой доктрине Российского государства разительно отличается от принятого в Германии.

Вместе с тем не все так очевидно, например, в уголовно-правовой доктрине Японии. Система уголовного права этого государства испытала на себе влияние нескольких зарубежных правовых систем, в частности французской, где состав преступления как категория не рассматривается вовсе, и германской с ее двухчленной структурой состава противоправного деяния. В связи с этим В. Н. Еремин отмечает, что «японская доктрина имеет дело то с двумя элементами состава – объективной и субъективной сторонами преступления, а субъект и объект преступления оказываются включенными в объективную сторону, то с теми же четырьмя, которыми оперируем мы» [Уголовное право зарубежных государств

2003: 451]. Сказанное свидетельствует о том, что доктрина может наполнить уголовно-правовые нормы разными смыслами и повлиять на практику их применения «в реальном времени».

Следует признать, что рассмотрение состава преступления с позиций четырех элементов в современном уголовном праве Российской Федерации не вызывает видимых дискуссий [Поляков, Сабитов, Сухоруков 2011: 9–18]. Но это стало возможным благодаря особенностям российской правовой системы, при которых признание четырехзвенной структуры состава правонарушения стало единодушным.

Заметная роль доктрины при применении норм уголовного права отчетливо проявляется также при квалификации преступлений, имеющих формальные составы.

Так, формулировка прямого умысла, указанная в ч. 2 ст. 25 УК РФ, недвусмысленно свидетельствует о распространении ее только на деяния, имеющие материальный состав, особенностью которого является обязательное наличие в нем общественно опасных последствий. К таким запрещенным УК РФ деяниям, как похищение человека (ч. 1 ст. 126), клевета (ст. 128.1), изнасилование (ч. 1 ст. 131), разбой (ч. 1 ст. 162), террористический акт (ч. 1 ст. 205) и прочим преступлениям, составы которых не включают наступления общественно опасных последствий, ч. 2 ст. 25 УК РФ применена быть не может.

В подобных случаях, если следовать ч. 2 ст. 3 УК РФ, запрещающей применять уголовный закон по аналогии, налагать ответственность за общественно опасное деяние с формальным составом бесперспективно. Но социум, конечно, не устроит положение, при котором нельзя привлечь к уголовной ответственности лиц, заслуживших наказание, из-за недочетов в законодательстве. Следовательно, поскольку российский законодатель от решения этой проблемы отстранился, правоприменителю приходится решать ее более оперативными способами, нежели текущее правотворчество.

С одной стороны, при уголовно-правовой оценке деяний, имеющих формальный состав, ч. 2 ст. 25 УК РФ, несмотря на запрет, все же применяется по аналогии. С другой – пробел в данной статье при описании прямого умысла восполняется доктриной. Напри-

мер, при характеристике субъективной стороны клеветы в одном из комментариев к УК РФ указывается, что «преступление характеризуется виной в виде прямого умысла, в содержании которого должно быть установлено, что виновное лицо осознавало лживость (несоответствие действительности) распространяемых им сведений о потерпевшем и желало распространить такого рода порочащие сведения» [Комментарий к Уголовному кодексу 2024: 311]. Иначе говоря, авторы используют другую структуру прямого умысла, а не ту, что приведена в ч. 2 ст. 25 УК РФ: лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия) и желало эти действия совершить. Такой подход к определению прямого умысла в формальных составах в современной российской уголовно-правовой науке является общепризнанным.

Роль доктрины как источника отечественного уголовного права, конечно, не следует преувеличивать. Она может рассматриваться только как достаточно мощное средство для толкования уголовного закона, будучи, по сути, вспомогательным источником уголовного права. Доктриной не могут быть установ-

лены преступность деяния либо наступление каких-либо его уголовно-правовых последствий. Однако сказанное можно отнести и к другим называемым в науке уголовно-правового права вспомогательным источникам уголовного права, например к постановлениям Пленума Верховного Суда РФ. В связи с этим, как и другие такого рода источники, при сопоставлении доктрины с уголовным законом последний явно выигрывает в регулятивности.

Иногда доктрина может даже служить основой для иных «вспомогательных» уголовно-правовых источников, в частности в случаях внедрения некоторых ее положений в постановления Пленума. Доктрина уголовного права оказывает влияние, кроме того, на законотворческую деятельность, но такое влияние следует считать опосредованным уголовно-правовыми нормами.

Самую же ответственную и заметную роль доктрина получает при применении норм уголовного права, когда в последнем присутствуют пробелы или нет определения какого-либо важного для квалификации преступления понятия.

Список литературы

- Бибик О. Н. Источники уголовного права Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. 19 с.
- Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М.: Центр ЮрИнфоР, 2010. 559 с.
- Демидов В. В. О роли и значении постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 3. С. 21–24.
- Дроздов Г. В. Правовая природа разъяснений закона высшими органами судебной власти // Советское государство и право. 1992. № 1. С. 70–77.
- Жалинский А., Рёрихт А. Введение в немецкое уголовное право. М.: Спарк, 2001. 767 с.
- Звечаровский И. Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2001. 100 с.
- Ковалев М. И. Соучастие в преступлении: Понятие соучастия. Ученые труды. Свердловск: СЮИ, 1960. Ч. 1. 288 с.
- Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Общая и Особенная части / под общ. ред. И. Я. Козаченко, Т. Р. Сабитова. М.: Проспект, 2024. 1216 с.
- Мадьярова А. В. Место и роль разъяснений Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2001. 26 с.
- Малиновский А. А. Доктрина как источник уголовного права (сравнительно-правовые аспекты) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 1. С. 3–6.
- Наумов А. В. Судебный прецедент как источник уголовного права // Российская юстиция. 1994. № 1. С. 8–11.
- Ображиев К. В. Судебный прецедент в уголовном праве. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002. 144 с.

Полищук Н. И. Квазиисточники права и их роль в нормотворческой деятельности государства // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2019. № 16. С. 9–16.

Поляков С. А., Сабитов Т. Р., Сухоруков С. И. Теория состава преступления. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. 186 с.

Пудовочкин Ю. Е., Пирвагидов С. С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2003. 297 с.

Рожнов А. П. Роль доктрины в механизме воздействия уголовного права на общественную жизнь // Вестник ВолГУ. 2009. Сер. 5. Вып. 11. С. 105–113.

Сабитов Т. Р. Принципы криминализации и пенализации общественно опасных деяний // Вестник Новосибирского государственного университета. 2011. Сер. Право. Т. 7. Вып. 1. С. 135–142.

Тирских М. Г. Поли- и квазинормативность: сравнительно-правовой анализ в трансрежимном измерении // Сибирский юридический вестник. 2019. № 3. С. 103–107.

Трунцевский Ю. В. Нормы международного права как источник российского уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1995. 20 с.

Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учеб. пособие / под ред. И. Д. Козочкина. М.: Омега-Л; ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2003. 576 с.

Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Б. В. Здравомыслова. М.: Юристъ, 1999. 550 с.

Шибков О. Н. Принципы и нормы международного права как источник уголовного права: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. 167 с.

Максим Валерьевич Морозов – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и национальной безопасности Новосибирского государственного университета экономики и управления. 630099, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Каменская, д. 56. E-mail: m_morozov_84@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-3295-4998

Doctrines as a Source of Criminal Law

The author raises the problem of polynormativity in criminal law. Rules and principles of international law, the Constitution of the Russian Federation, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, rules of federal sectoral (non-criminal law) legislation, decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, judicial precedent, attributed by some lawyers to auxiliary sources of criminal law, are sometimes supplemented by another source of such kind – criminal law doctrine.

Considering the doctrine as an additional source of criminal law, the author concludes that its role is multidimensional in relation to criminal law. Thus, the doctrine has a noticeable impact on the lawmaking, and also affects the content of official interpretive documents, which include decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. In addition, it is impossible to do without the most significant provisions of the doctrine when applying the norms of criminal law. The presence in the criminal law of such purely doctrinal concepts as «social danger», «corpus delicti», «direct intent in the formal corpus delicti» without disclosing their content does not leave the law enforcement officer with any other options other than turning to legal literature.

The author did not have the goal to elevate the doctrine above other additional sources of criminal law or to equate it in importance with criminal law. The article only shows its relationship with the named legal sources and draws attention to the inevitability of recognizing its role in the application of criminal law.

Keywords: source of criminal law, criminal law doctrine, polynormativity, corpus delicti, direct intent

Recommended citation

Morozov M. V. Doktrina kak istochnik ugovnogo prava [Doctrine as a Source of Criminal Law], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 2, pp. 62–69, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-62-69.

References

Bibik O. N. *Istochniki ugovnogo prava Rossiiskoi Federatsii* [Sources of Criminal Law of the Russian Federation]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Omsk, 2005, 19 p.

Demidov V. V. O roli i znachenii postanovlenii Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii [On the Role and Significance of Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation], *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*, 1998, no. 3, pp. 21–24.

Drozdov G. V. Pravovaya priroda raz'yasnenii zakona vysshimi organami sudebnoi vlasti [The Legal Nature of Explanations of the Law by the Highest Judicial Authorities], *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1992, no. 1, pp. 70–77.

Gaukhman L. D. *Kvalifikatsiya prestuplenii: zakon, teoriya, praktika* [Qualification of Crimes: Law, Theory, Practice], Moscow, Tsentr YurInfoR, 2010, 559 p.

Kovalev M. I. *Souchastie v prestuplenii: Ponyatie souchastiya. Uchenye trudy* [Complicity in Crime: The Concept of Complicity. Scientific Works], Sverdlovsk, SYuI, 1960, vol. 1, 288 c.

Kozachenko I. Ya., Sabitov T. R. (eds.) *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya i Osobennaya chasti* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. General and Special Parts], Moscow, Prospekt, 2024, 1216 p.

Kozochkin I. D. (ed.) *Ugolovnoe pravo zarubezhnykh gosudarstv. Obshchaya chast'* [Criminal Law of Foreign Countries. The General Part], Moscow, Omega-L, IMPE im. A. S. Griboedova, 2003, 576 p.

Mad'yarova A. V. *Mesto i rol' raz'yasnenii Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii v mekhanizme ugovno-pravovogo regulirovaniya* [The Place and Role of Explanations of the Supreme Court of the Russian Federation in the Mechanism of Criminal Law Regulation]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Krasnoyarsk, 2001, 26 p.

Malinovskii A. A. Doktrina kak istochnik ugovnogo prava (sravnitel'no-pravovye aspekty) [Doctrine as a Source of Criminal Law (Comparative Legal Aspects)], *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*, 2009, no. 1, pp. 3–6.

Naumov A. V. Sudebnyi pretsedent kak istochnik ugovnogo prava [Judicial Precedent as a Source of Criminal Law], *Rossiiskaya yustitsiya*, 1994, no. 1, pp. 8–11.

Obrazhiev K. V. *Sudebnyi pretsedent v ugovnom prave* [Judicial Precedent in Criminal Law], Stavropol', Stavropol'servisshkola, 2002, 144 p.

Polishchuk N. I. Kvaziistochniki prava i ikh rol' v normotvorcheskoi deyatelnosti gosudarstva [Quasi-Sources of Law and Their Role in the Normative Activity of the State], *Vestnik obshchestvennoi nauchno-issledovatel'skoi laboratorii «Vzaimodeistvie ugovno-ispolnitel'noi sistemy institutami grazhdanskogo obshchestva: istoriko-pravovye i teoretiko-metodologicheskie aspekty»*, 2019, no. 16, pp. 9–16.

Polyakov S. A., Sabitov T. R., Sukhorukov S. I. *Teoriya sostava prestupleniya* [Theory of Corpus Delicti], Novosibirsk, Izd-vo NGTU, 2011, 186 p.

Pudovochkin Yu. E., Pirvagidov S. S. *Ponyatie, printsipy i istochniki ugovnogo prava: sravnitel'no-pravovoi analiz zakonodatel'stva Rossii i stran Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv* [The Concept, Principles and Sources of Criminal Law: A Comparative Legal Analysis of the Legislation of Russia and the Countries of the Commonwealth of Independent States], Saint Petersburg, Yurid. tsentr «Press», 2003, 297 p.

Rozhnov A. P. Rol' doktriny v mekhanizme vozdeistviya ugovnogo prava na obshchestvennyu zhizn' [The Role of Doctrine in the Mechanism of Influence of Criminal Law on Public Life], *Vestnik VolGU*, 2009, vol. 5, no. 11, pp. 105–113.

Sabitov T. R. Printsipy kriminalizatsii i penalizatsii obshchestvenno opasnykh deyanii [Principles of Criminalization and Penalization of Socially Dangerous Acts], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo*, 2011, vol. 7, no. 1, pp. 135–142.

Shibkov O. N. *Printsipy i normy mezhdunarodnogo prava kak istochnik ugovnogo prava* [Principles and Norms of International Law as a Source of Criminal Law], autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Stavropol', 2000, 167 p.

Tirskikh M. G. Poli- i kvazinormativnost': sravnitel'no-pravovoi analiz v transrezhimnom izmenenii [Poly- and Quasi-Normativity: Comparative Legal Analysis in a Trans-Regime Dimension], *Sibirskii juridicheskii vestnik*, 2019, no. 3, pp. 103–107.

Truntsevskii Yu. V. *Normy mezhdunarodnogo prava kak istochnik rossiiskogo ugovnogo prava* [Norms of International Law as a Source of Russian Criminal Law]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Ryazan', 1995, 20 p.

Zdravomyslova B. V. *Ugovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Osobennaya chast'* [Criminal Law of the Russian Federation. A Special Part], Moscow, Yurist", 1999, 550 p.

Zhalinskii A., Rerikht A. *Vvedenie v nemetskoe ugovnoe pravo* [Introduction to German Criminal Law], Moscow, Spark, 2001, 767 p.

Zvecharovskii I. E. *Sovremennoe ugovnoe pravo Rossii: ponyatie, printsipy, politika* [Modern Criminal Law of Russia: The Concept, Principles, and Policy], Saint Petersburg, Yurid. tsentr «Press», 2001, 100 p.

Maxim Morozov – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of criminal law and national security, Novosibirsk State University of Economics and Management. 630099, Russian Federation, Novosibirsk, Kamenskaya str., 56. E-mail: m_morozov_84@mail.ru.
ORCID: 0000-0002-3295-4998

Дата поступления в редакцию / Received: 14.05.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 10.06.2024

А. Н. Митин, А. В. Рассохин, О. В. Соболев

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

О ПРАВОВОМ МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ ПОЛНОМОЧИЙ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Динамика совершения коррупционных правонарушений требует постоянного совершенствования правовых механизмов. Данная закономерность предопределила принятие Генеральной прокуратурой приказа от 10 октября 2022 г. № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции». В статье исследуются результаты применения правового механизма реализации органами прокуратуры полномочий по системному противодействию коррупции.

Цель статьи – поиск пробелов в регулировании проведения антикоррупционной экспертизы. Проводится сравнительный анализ приказа Генеральной прокуратуры № 581 и приказа Генеральной прокуратуры от 28 декабря 2009 г. № 400 «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов», который действовал ранее. Выявлено, что в приказе Генеральной прокуратуры № 581, во-первых, не определены единые требования к компетенции прокурорских работников, которые проводят антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов, во-вторых, не утверждена форма требования прокурора об изменении нормативного правового акта, в-третьих, не установлен единый порядок проведения органами прокуратуры антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов. С точки зрения авторов, необходима разработка приказа Генерального прокурора РФ об утверждении такого порядка.

Ключевые слова: органы прокуратуры, правовой механизм, реализация полномочий, противодействие коррупции, прокурорский надзор, субъекты, объекты противодействия коррупции, антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов

Для цитирования

Митин А. Н., Рассохин А. В., Соболев О. В. О правовом механизме реализации органами прокуратуры полномочий в сфере противодействия коррупции // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 2. С. 70–77. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-70-77.

УДК 340

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-70-77

Современная коррупция последовательно увеличивает зоны своего влияния, используя новые формы и методы, что делает ее опасной для нашего государства и общества. Она трансформируется и создает непреодолимый барьер для эффективного развития социально-экономических процессов в стране. Особенно болезненно воспринимаются коррупционные преступления в условиях проведения специальной военной операции

на Украине и введения новых санкций США и странами Запада.

«Участие в деятельности по противодействию коррупции, – отмечает А. С. Домченко, – является не только приоритетной задачей правоохранительных органов, но и общественным долгом, долгом каждого человека и гражданина» [Домченко 2020: 28]. В Российской Федерации принимаются меры по противодействию коррупции, в том числе по

пересмотру результатов приватизации промышленных объектов, по борьбе со взяточничеством [Хлус 2019: 55], но и надзорная деятельность органов прокуратуры нуждается в актуализации.

Категория «правовой механизм» исследуется в отраслях права, на наш взгляд, недостаточно. С позиции правоведов, она определяет основные направления, сущность реализации права [Бобров 2018: 45]. В большинстве научных работ правовой механизм характеризуется как система средств правового регулирования. На наш взгляд, такой узкий подход отрицательно влияет на правоприменительный механизм, особенно в деятельности органов прокуратуры. При противодействии коррупции приоритетное место в системе государственных органов отводится органам прокуратуры. При помощи законодательно закрепленных универсальных правовых механизмов можно в ходе прокурорского надзора выявлять коррупционные правонарушения, использовать правовые средства для надзорной деятельности, профилактики, координации работы правоохранительных органов в целях усиления антикоррупционных мер.

К правовым средствам, которые применяются в ходе прокурорской деятельности по минимизации коррупционных проявлений, можно отнести: выявление несоответствия содержания нормативных правовых актов нормам Конституции Российской Федерации и антикоррупционного законодательства, реализацию правовых мероприятий по профилактике коррупционных нарушений, использование мер прокурорского реагирования (в частности, требование об изменении нормативных правовых актов), координацию деятельности правоохранительных органов в части пресечения коррупционных правонарушений, изъятие и возврат активов, выведенных коррупционным путем за рубеж, и др. Особо актуальным является такое направление в деятельности органов прокуратуры, как создание правового механизма защиты конституционных прав граждан Российской Федерации и активов нашей страны, находящихся в других странах [Ершова 2022: 264].

С принятием Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикорруп-

ционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» была внесена поправка в Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». Статья 9.1 «Проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов» гласит, что прокуроры участвуют в проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. Таким образом, органы прокуратуры получили возможность применять новые функциональные правовые механизмы по противодействию коррупции: обязательное ведение реестра нормативных правовых актов и их проектов; проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов; вынесение требования прокурора об изменении нормативного правового акта при выявлении в нем коррупционных факторов или обращение в суд [Крюков 2022: 126].

В целях унификации правового механизма в органах прокуратуры для проверки административно распорядительных документов был издан приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 3 апреля 2014 г. № 175 «Об утверждении порядка проведения антикоррупционной экспертизы организационно-распорядительных документов и проектов организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации, содержащих нормы права». Особо надо отметить и последующие приказы Генеральной прокуратуры по вопросам организации исполнения Национального плана противодействия коррупции и Посланий Президента РФ Федеральному собранию.

Большое значение в реализации органами прокуратуры правового механизма исполнения иных полномочий по противодействию коррупции имеет приказ Генеральной прокуратуры РФ от 10 октября 2022 г. № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции» (далее – Приказ Генеральной прокуратуры № 581) [Чеканова, Черкашин 2022: 203]. С момента его принятия прошло достаточно времени, что позволяет нам высказать определенное мнение о реализации правового механизма

в сфере иных полномочий по противодействию коррупции.

Генеральный прокурор Российской Федерации И. В. Краснов отмечает, что система противодействия коррупции многогранна и включает в себя огромное число участников. Прокуратура выступает не только как координатор антикоррупционной деятельности, надзорный орган, следящий за реализацией антикоррупционного законодательства, но и как орган, непосредственно выявляющий и пресекающий коррупционные проявления¹. По существу, в его выступлениях названы новые сферы деятельности органов прокуратуры в связи с увеличением их полномочий по противодействию коррупции.

В связи с этим предметом дискуссий стала необходимость формирования новых организационных структур в органах прокуратуры.

Например, директор автономной некоммерческой организации «Институт развития социально-экономических проектов и инициатив» (Саратов) В. А. Шашко направил 20 января 2023 г. Генеральному прокурору Российской Федерации «Обращение по усилению мер по противодействию коррупции» с предложением создать антикоррупционную прокуратуру. Одновременно он направил в Верховный Суд РФ и в Правительство РФ предложение о создании нового судебного органа – антикоррупционного суда².

Н. В. Мишакова предлагает создать отдельный орган государственной власти, имеющий исключительные права на противодействие коррупции, а также проведение профилактических мероприятий в системе государственного и муниципального управления. Также автор подчеркивает, что необходимо создать специализированные органы прокуратуры по надзору и профилактике коррупционных правонарушений и минимизации коррупционных рисков [Мишакова 2022: 71].

¹ Генеральный прокурор Игорь Краснов – о новых способах борьбы с коррупцией // URL: <https://www.podatinet.net/stati/intervyu/generalnyi-prokurator-igor-krasnov-a-o-novyh-sposobah-borby-s-korruptciei.htm> (дата обращения: 12.10.2023).

² Обращение в Генпрокуратуру по усилению мер по противодействию коррупции // URL: <https://irsepi.ru/obrashchenie-v-genprokuratoru-po-usileniyu-mer-po-protivodejstviyu-korruptcii/?ysclid=lsmsa4igqz497957443> (дата обращения: 12.10.2023).

На наш взгляд, нужны пересмотр дефиниции понятия «правовой механизм» и развитие научных теорий в деятельности органов прокуратуры по минимизации коррупции в современном обществе с учетом защиты конституционных прав граждан.

Отметим, что Приказ Генеральной прокуратуры № 581 имеет несколько особенностей. Его предназначение – унификация ранее принятых нормативных актов Генеральной прокуратуры, устранение их множественности. С его принятием прекратили действие приказы, ранее регулировавшие вопросы минимизации и профилактики коррупции и введение комплекса новых надзорных мероприятий антикоррупционного характера. Кроме того, в Приказе описывается административный механизм проведения антикоррупционной экспертизы органами прокуратуры.

Вместе с тем в данном Приказе имеются некоторые аспекты, требующие пояснения или уточнения. Так, в нем не было необходимости определять виды коррупции, поскольку они закреплены в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». В то же время для реализации правового механизма в деятельности органов прокуратуры особенно важна квалификация юридического состава коррупционных преступлений (объекты преступного посягательства, круг субъектов, субъективная и объективная стороны правонарушения). Правоведы высказывают разные точки зрения на этот счет. Интересна позиция О. А. Кондаковой. Автор показывает, что определение коррупции в Федеральном законе «О противодействии коррупции» фактически включает в себя две дефиниции: в первой объединяются различные составы коррупционных преступлений (злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп), а вторая «содержит „открытое“ описание признаков коррупционного деяния: использование должностного положения в целях получения личной выгоды» [Кондакова 2021: 42].

Многие исследователи сходятся во мнении о том, что дефиниция коррупции отличается неполнотой. Некоторые ученые отмечают, что определение понятия «коррупция» объединяет основные статьи главы 31

Уголовного кодекса РФ, непосредственно или опосредованно связанные с должностными преступлениями [Комментарий к Федеральному закону 2009: 5]. Понятно, что квалификационный состав уголовных преступлений заменяет дефиницию коррупции. На наш взгляд, понятию «коррупция» необходимо дать точное законодательное определение, чтобы не ограничивать реализацию органами прокуратуры правового механизма противодействия коррупции.

Для обозначения субъектов коррупционных правонарушений в ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» употребляются понятия «физическое лицо» и «юридическое лицо». Они используют свой статус вопреки законным интересам общества и государства для незаконного получения выгод.

По существу, в Приказе Генеральной прокуратуры № 581 консолидировано несколько групп направлений прокурорской деятельности в области противодействия коррупции: проведение прокурорских проверок за исполнением законодательства о противодействии коррупции; административно-юрисдикционная деятельность по делам об административных правонарушениях в области противодействия коррупции; уголовно-процессуальная деятельность по борьбе с коррупцией; уголовное преследование коррупционных преступлений; проведение антикоррупционной экспертизы.

Отдельно остановимся на проблематике регламентации проведения антикоррупционной экспертизы. В отличие от отмененного приказа Генеральной прокуратуры России от 28 декабря 2009 г. № 400 «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов» (далее – Приказ Генеральной прокуратуры № 400), на наш взгляд, Приказ Генеральной прокуратуры № 581 не учитывает нескольких особенностей проведения антикоррупционной экспертизы, которые выявились в ходе практической деятельности.

Согласно ст. 2 Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» одним из основных принципов организации антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) является компетентность лиц, проводящих ан-

тикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов). Во многом для обеспечения данного принципа в Приказе Генеральной прокуратуры № 400 было установлено требование о необходимости обеспечить участие наиболее подготовленных работников в рассмотрении судом заявлений о внесении изменений в нормативные правовые акты с целью исключения коррупциогенных факторов из нормативных правовых актов законодательных (представительных) органов государственной власти субъекта Российской Федерации. В Приказе Генеральной прокуратуры № 581, к сожалению, данное условие отсутствует.

Компетентность всегда означает обладание набором компетенций, требуемых для выполнения профессиональных задач, предполагает наличие специальных знаний и профессионального опыта

Следовательно, есть основания полагать, что для проведения антикоррупционной экспертизы и участия в судебных заседаниях прокурорскому работнику достаточно соответствовать универсальным требованиям, которые установлены в ст. 40.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (наличие высшего юридического образования по специальности «Юриспруденция», наличие необходимых профессиональных и моральных качеств, способность по состоянию здоровья исполнять возлагаемые на работника служебные обязанности). Компетентность всегда означает обладание набором компетенций, требуемых для выполнения профессиональных задач, предполагает наличие специальных знаний и профессионального опыта. Однако действующие требования, которые предъявляются к прокурорским работникам, не предполагают наличия у них профессионального опыта. При этом, по мнению И. С. Романовой, требование о наличии опыта является обязательным для другого субъекта антикоррупционной экспертизы – независимого эксперта [Романова 2014: 66].

Во-первых, мы считаем, что для последовательного обеспечения реализации принци-

па компетентности лиц, проводящих антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и их проектов, следует предъявлять требования к профессиональному опыту и прокурорских работников, которые проводят антикоррупционную экспертизу.

Во-вторых, очевидным недостатком Приказа Генеральной прокуратуры от № 581 по сравнению с Приказом Генеральной прокуратуры № 400 является отсутствие утвержденной формы требования об изменении нормативного правового акта. Безусловно, основные элементы требования об изменении нормативного правового акта можно определить, исходя из ст. 9.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Однако утвержденная форма требования об изменении нормативного правового акта обеспечивает единообразную практику правоприменения и благоприятно сказывается на предотвращении формальных ошибок, которые могут быть допущены в ходе антикоррупционной экспертизы.

Справедливости ради стоит отметить, что утрата Приказом Генеральной прокуратуры № 400 юридической силы не препятствует возможности использовать в практической деятельности форму требования об изменении нормативного правового акта. Данный вывод следует из того, что ст. 9.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» не претерпела изменений после издания Приказа Генеральной прокуратуры № 581. При этом Приказ Генеральной прокуратуры № 581 не установил каких-либо новых содержательных элементов для требования об изменении нормативного правового акта, следовательно, форма требования, которая была утверждена Приказом Генеральной прокуратуры № 400, не противоречит действующему законодательству.

В-третьих, все еще не закреплен порядок проведения антикоррупционной экспертизы. Согласно ч. 1 ст. 9.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», а также ч. 1 ст. 3 Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» прокурор проводит антикоррупционную экспертизу в определен-

ном Генеральной прокуратурой Российской Федерации порядке.

Важно отметить, что органы прокуратуры осуществляют антикоррупционную экспертизу двух видов: 1) «внешнюю» – антикоррупционную экспертизу нормативных актов поднадзорных субъектов и организаций на основании ч. 2 ст. 3 Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»; 2) «внутреннюю» антикоррупционную экспертизу организационно-распорядительных документов и проектов организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации на основании ч. 4 указанной выше статьи. При этом порядок проведения антикоррупционной экспертизы разработан только для внутренней антикоррупционной экспертизы (в приказе Генеральной прокуратуры РФ «Об утверждении порядка проведения антикоррупционной экспертизы организационно-распорядительных документов и проектов организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации, содержащих нормы права»).

К сожалению, Приказ Генеральной прокуратуры № 581 не устраняет данный нормативный пробел, поскольку не определяет строгой процедуры проведения антикоррупционной экспертизы, ответственных структурных подразделений, сроков вынесения требований об изменении нормативных правовых актов, сроков обращения в суд с заявлением о признании нормативного акта недействующим и т. д. Иными словами, антикоррупционная экспертиза, которую проводят органы прокуратуры, требует детальной нормативной регламентации. На наш взгляд, нужна разработка приказа Генерального прокурора РФ об утверждении порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов.

Таким образом, правовой механизм реализации органами прокуратуры полномочий в сфере противодействия коррупции как системный комплекс правовых средств оказывает положительное влияние на регулирование складывающихся в обществе правовых отношений.

Список литературы

Бобров Ф. А. Сравнение понятий «правовой механизм» и «механизм правового регулирования» // Тенденции развития современной юриспруденции: сб. науч. тр. Междунар. студ. науч. конф. Юридического института Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (Калининград, 20–22 апреля 2018 г.). Калининград: Балт. фед. ун-т им. Иммануила Канта, 2018. С. 43–49.

Домченко А. С. Формирование антикоррупционного мировоззрения: институционализация и концептуализация // Коррупция: анатомия явления: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 12–13 марта 2020 г.). Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2020. С. 27–33.

Ершова А. А. Прокуратура в системе разделения властей в государственном механизме защиты конституционных прав граждан // Молодой ученый. 2022. № 23. С. 263–265.

Комментарий к Федеральному закону от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (постатейный) / под ред. С. Ю. Наумова, С. Е. Чаннова. М.: Юстицинформ, 2009. 340 с.

Кондакова О. А. Основные подходы к исследованию коррупции: перспективы юридической науки // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7. № 1. С. 41–48.

Крюков В. О. Полномочия прокуратуры в области антикоррупционной экспертизы // Glossa: Вестник студенческой науки. Издание кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета. 2022. № 6. С. 123–126.

Мишакова Н. В. Деятельность прокуратуры Российской Федерации по противодействию коррупции: состояние и перспективы развития // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. № 3. С. 71–80.

Романова И. С. Компетентность лиц, проводящих антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и их проектов // Административное и муниципальное право. 2014. № 1. С. 65–69.

Хлус А. М. Предмет взятки: отдельные аспекты определения // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 2. С. 55–67.

Чеканова А. Д., Черкашин И. С. Проблемы регулирования процедуры проведения антикоррупционной экспертизы в приказе Генеральной прокуратуры РФ от 10 октября 2022 г. № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции» // Мы против коррупции: сб. ст. по итогам Междунар. студ. молодежного антикоррупционного форума (Тюмень, 9 декабря 2022 г.). Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 2022. С. 202–205.

Александр Николаевич Митин – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: sov@usla.ru.

ORCID: 0000-0003-1788-6736

Анатолий Васильевич Рассохин – кандидат юридических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, независимый эксперт, уполномоченный на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов Минюста России. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: anatolii.rassohi@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-5819-8967

Олег Васильевич Соболев – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: sov120192@yandex.ru.

ORCID: 0009-0006-5327-8833

On the Legal Mechanism for the Implementation of Powers by the Prosecutor's Office in the Field of Combating Corruption

The dynamics of corruption requires constant improvement of legal mechanisms to combat it. This pattern predetermined the adoption of an Order by the Prosecutor General's Office dated October 10, 2022 No. 581 «On the Exercise of Prosecutorial Supervision and the Exercise by Prosecutors of Other Powers in the Field of Anti-Corruption».

The article examines the results of the application of the legal mechanism for the implementation of the Prosecutor's Office powers to systematically combat corruption. The article was aimed at finding gaps in regulation of the anti-corruption expertise. The authors compare the Order of the Prosecutor General's Office dated October 10, 2022 No. 581 with the Order of the Prosecutor General's Office dated December 28, 2009 No. 400 «On the Organization of Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts», which was in force earlier. It was revealed that, firstly, the Order No. 581 did not define a unified standard of competence for prosecutors who conduct anti-corruption expertise of regulatory legal acts; secondly, there is no form of the prosecutor's requirement to change the regulatory legal act; thirdly, there is no unified procedure for conducting an anti-corruption examination of regulatory legal acts by the prosecutor's office. From the authors' point of view, it is necessary to develop an order from the Prosecutor General of the Russian Federation to approve such a procedure.

Keywords: prosecutor's office, legal mechanism, implementation of powers, anti-corruption, prosecutor's supervision, subjects, objects of anti-corruption, anti-corruption policy

Recommended citation

Mitin A. N., Rassokhin A. V., Sobolev O. V. O pravovom mekhanizme realizatsii organami prokuratury polnomochii v sfere protivodeistviya korruptsii [On the Legal Mechanism for the Implementation of Powers by the Prosecutor's Office in the Field of Combating Corruption], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 2, pp. 70–77, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-70-77.

References

Bobrov F. A. Sravnenie ponyatii «pravovoi mekhanizm» i «mekhanizm pravovogo regulirovaniya» [Comparison of the Concepts of «Legal Mechanism» and «Mechanism of Legal Regulation»], *Tendentsii razvitiya sovremennoi yurisprudentsii* [Trends in the Development of Modern Jurisprudence]: conference papers, Kaliningrad, Balt. fed. un-t im. Immanuila Kanta, 2018, pp. 43–49.

Chekanova A. D., Cherkashin I. S. Problemy regulirovaniya protsedury provedeniya antikorrupcionnoi ekspertizy v prikaze General'noi prokuratury RF ot 10 oktyabrya 2022 g. № 581 «Ob osushchestvlenii prokurorskogo nadzora i realizatsii prokurorami inykh polnomochii v sfere protivodeistviya korruptsii» [Problems of Regulating the Procedure for Conducting Anti-Corruption Expertise in the Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation Dated October 10, 2022 no. 581 «On the Implementation of Prosecutorial Supervision and the Exercise by Prosecutors of Other Powers in the Field of Anti-Corruption»], *My protiv korruptsii* [We Are Against Corruption]: conference papers, Tyumen, Tyumen. gos. un-t, 2022, pp. 202–205.

Domchenko A. S. Formirovanie antikorrupcionnogo mirovozzreniya: institutsionalizatsiya i kontseptualizatsiya [Formation of an Anti-Corruption Worldview: Institutionalization and Conceptualization], *Korrupsiya: anatomiya yavleniya* [Corruption: The Anatomy of the Phenomenon]: conference papers, Ekaterinburg, Ural. gos. yurid. un-t, 2020, pp. 27–33.

Ershova A. A. Prokuratura v sisteme razdeleniya vlastei v gosudarstvennom mekhanizme zashchity konstitutsionnykh prav grazhdan [The Prosecutor's Office in the System of Separation of Powers in the State Mechanism of Protection of Constitutional Rights of Citizens], *Molodoi uchenyi*, 2022, no. 23, pp. 263–265.

Khlus A. M. Predmet vzyatki: otdel'nye aspekty opredeleniya [The Subject of a Bribe: Some Aspects of the Definition], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2019, no. 2, pp. 55–67.

Kondakova O. A. Osnovnye podkhody k issledovaniyu korrupsii: perspektivy yuridicheskoi nauki [Basic Approaches to the Study of Corruption: Prospects of Legal Science], *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*, 2021, vol. 7, no. 1, pp. 41–48.

Kryukov V. O. Polnomochiya prokuratury v oblasti antikorrupsionnoi ekspertizy [Powers of the Prosecutor's Office in the field of anti-corruption expertise], *Glossa: Vestnik studencheskoi nauki. Izdanie kafedry teorii i istorii gosudarstva i prava Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, no. 6, pp. 123–126.

Mishakova N. V. Deyatel'nost' prokuratury Rossiiskoi Federatsii po protivodeistviyu korrupsii: sostoyanie i perspektivy razvitiya [Anti-Corruption Activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation: State and Prospects of Development], *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina*, 2022, no. 3, pp. 71–80.

Naumova S. Yu., Channova S. E. (eds.) *Kommentarii k Federal'nomu zakonu ot 25 dekabrya 2008 g. № 273-FZ «O protivodeistvii korrupsii» (postateinyi)* [Commentary to the Federal Law of December 25, 2008 no. 273-FZ «On Combating Corruption» (Article-by-Article)], Moscow, Yustitsinform, 2009, 340 p.

Romanova I. S. Kompetentnost' lits, provodyashchikh antikorrupsionnuyu ekspertizu normativnykh pravovykh aktov i ikh projektov [Competence of Persons Conducting Anti-Corruption Expertise of Normative Legal Acts and Their Projects], *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*, 2014, no. 1, pp. 65–69.

Alexander Mitin – doctor of economical sciences, professor, head of the Department of social and humanitarian disciplines, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: sov@usla.ru.

ORCID: 0000-0003-1788-6736

Anatoly Rassokhin – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of social and humanitarian disciplines, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, an independent expert authorized to conduct an anti-corruption examination of regulatory legal acts of the Ministry of Justice of the Russian Federation. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: anatolii.rassohi@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-5819-8967

Oleg Sobolev – candidate of juridical sciences, senior lecturer of the Department of social and humanitarian disciplines, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: sov120192@yandex.ru.

ORCID: 0009-0006-5327-8833

Дата поступления в редакцию / Received: 21.02.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 06.05.2024

Е. В. Жеребцова, Л. А. Соколова, Н. И. Ходенкова

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ИНСЦЕНИРОВКА СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА (MOCK TRIAL) НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ В РАМКАХ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Один из наиболее эффективных методов развития профессиональных компетенций будущих юристов на иностранном языке – это метод кейсов, в частности его разновидность – инсценировка судебного процесса (Mock Trial). Данный метод широко применяется не только за рубежом, но и в России. При этом крайне важно знать и учитывать культурно значимые компоненты, характерные для англосаксонской правовой системы, но зачастую отсутствующие в романо-германской правовой традиции. При работе студентов над инсценировкой судебного процесса можно выделить такие этапы, как *pre-trial stage* (подготовительный этап), *in-trial or adjudication stage* (этап проведения самого процесса) и *post-trial stage* (этап рефлексии и самодиагностики).

В процессе обучения и подготовки особое внимание необходимо уделять различиям двух правовых традиций, подробно описывая их с использованием конкретных примеров. Немаловажным с педагогической точки зрения является анализ ответов студентов в рамках проведенного среди них опроса как о преимуществах, так и о сложностях, с которыми они сталкиваются при осуществлении данного проекта.

Ключевые слова: проектная деятельность, инсценировка судебного процесса (Mock Trial), англосаксонская правовая традиция, романо-германская система права, обратная связь

Для цитирования

Жеребцова Е. В., Соколова Л. А., Ходенкова Н. И. Инсценировка судебного процесса (Mock Trial) на иностранном языке в рамках проектной деятельности в неязыковом вузе // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 2. С. 78–89. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-78-89.

УДК 34.096

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-78-89

Введение

Программа бакалавриата УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева предусматривает изучение английского языка в течение одного года по дисциплинам «Иностранный язык» (64 академических часа) и «Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации» (64 академических часа). Первая дисциплина направлена больше на повтор и обобщение знаний по темам «Семья, хобби», «Выбор профессии», «Подготовка юристов в России и за рубежом», «Государственное устройство России», «Государственное устройство ан-

глизычных стран» и др. Вторая дисциплина посвящена непосредственно особенностям англосаксонской правовой системы – на примере Великобритании и США, и романо-германской правовой системы – на примере России; сходству и различиям в функционировании судебных систем, а также особенностям работы представителей юридического сообщества в данных странах.

Обучение иностранному языку в неязыковом вузе носит в первую очередь междисциплинарный интегрированный характер. «Интеграция иностранного языка с юри-

дическими специальными дисциплинами представляет собой конечную цель и главное доказательство подготовки высококвалифицированного юриста, соответствующего актуальным требованиям федерального государственного стандарта и вполне конкурентоспособного на внутреннем и международном рынке труда» [Английский язык для юристов 2021: 6].

Будущие юристы должны в полной мере обладать не только профессиональными навыками, умениями и знаниями, но и гибкими навыками. Развитию последних, в частности, способствует проектная деятельность, которая стала неотъемлемой частью подготовки юристов. На наш взгляд, проектная деятельность – это совокупность тактических и стратегических действий, направленных на решение определенной задачи в рамках проекта, осуществляемого для достижения определенной цели, ограниченного сроками и имеющимися ресурсами для достижения заявленных результатов.

В Уральском государственном юридическом университете имени В. Ф. Яковлева на кафедре русского, иностранных языков и культуры речи традиционным стал проект *Blind Justice*. Целью данного проекта является иммерсивное погружение в деятельность различных представителей юридической профессии. Данный проект в полной мере способствует развитию предусмотренных ФГОС универсальных (системное и критическое мышление, разработка и реализация проектов, командная работа и лидерство, коммуникация, межкультурное взаимодействие) и общепрофессиональных (решение юридических проблем, юридическая аргументация, юридическое письмо, профессиональная этика, информационные технологии) компетенций. Ю. Б. Феденева отмечает, что «основой развития этих и других профессионально значимых компетенций являются речемыслительные, коммуникативные и логико-риторические умения, которые развиваются в комплексе» [Феденева 2017: 237].

Теоретическая часть

К числу наиболее эффективных методик интерактивного обучения в преподавании профессионального иностранного языка относится метод *case-study* (метод кейсов). Он широко освещается в работах зарубежных ученых: К. Кристенсена [Barnes, Christensen,

Hansen 1994], Дж. Боэпера [Boehrer 1994], К. Ф. Херрейда [Herreid 1997], и отечественных ученых: О. Д. Гладковой [Гладкова, Задонская, Коннова 2012], А. М. Долгорукова [Долгоруков 2002], М. В. Гончаровой [Гончарова 2004].

В научной литературе можно найти различные определения данного метода, подчеркивающие те или иные его аспекты. Так, А. М. Долгоруков характеризует метод кейсов как прогрессивный метод обучения и выделяет его сильные стороны: предоставление студентам возможности не только получить знания, но и глубоко осмыслить теоретические концепции, возможности создания собственных моделей деятельности, выработки навыков простого обобщения информации [Долгоруков 2002: 45]. М. В. Золотова и О. А. Демина полагают, что «данный метод является интегрированным профессиональным подходом, развивающим навыки чтения, говорения и аудирования» [Золотова, Демина 2015: 3]. Т. С. Панина и Л. Н. Вавилова представляют метод как «синергетическую технологию. Суть ее заключается в подготовке процедур погружения группы в ситуацию, формировании эффектов умножения знания, инсайтного озарения, обмена открытиями и т. п.» [Панина, Вавилова 2006: 92]. Мы считаем, что *case-study* – это способ получения нового знания и закрепления полученных знаний, навыков и умений посредством группового или индивидуального анализа конкретной ситуации, что способствует формированию профессиональных практических навыков решения ситуаций, приближенных к реальной жизни. Работая с кейсом, студент может увидеть, осмыслить всю многогранность взаимосвязи и взаимозависимости разных дисциплин и увидеть ситуацию целостно, во всех аспектах, а также понять практическую ценность изучения иностранного языка.

Преимущества использования данного метода в изучении иностранного языка очевидны: улучшается знание иностранного языка, у студентов появляется возможность применять его в профессиональной сфере, развивается творческое мышление, совершенствуются навыки чтения профессиональных источников на иностранном языке и обработки информации по специальности. Помимо этого, метод кейсов позволяет раз-

вивать навыки критического мышления, актуализирует определенный комплекс знаний, который необходимо усвоить при решении заявленной проблемы. В методологическом плане данный подход является сложной системой, в которую интегрированы более простые методы познания: моделирование, системный анализ, мыслительный эксперимент, деловые игры и т. д. На наш взгляд, *case-study* и деловая игра являются принципиально родственными методами обучения, поскольку в деловую игру обязательно включена ситуация или даже несколько ситуаций. В процессе ее разыгрывания возникает необходимость сформировать описание ситуации, т. е. создать кейс. Заранее подготовленный кейс можно использовать как способ введения участников в деловую игру. При этом его осмысление создает своеобразный интеллектуальный, проблемный фон деловой игры.

Mock Trial (инсценировка судебного процесса) – это метод обучения студентов разным аспектам правовой системы той или иной страны, а для изучающих иностранный язык студентов – еще и эффективный способ развития и совершенствования речевых навыков. Основная цель инсценировки заключается в том, чтобы дать студентам возможность понять применение всех аспектов судебного процесса, погрузиться в специфику работы барристеров, судей и даже присяжных заседателей. *Mock Trial* позволяет студентам оттачивать навыки публичного выступления, работать в команде и расширять круг профессионального общения. «Постановочный суд учит студентов профессионализму и профессиональной этике ведения спора, применению определенных норм права к фактам дела, структурированию правовых аргументов. Предоставляя возможность написания юридических документов, ведения исследовательской работы, участия в состязательных выступлениях, постановочные суды готовят к будущей работе, делают студентов конкурентными на рынке труда» [Дубодел 2015: 208]. В частности, студенты знакомятся с правовыми реалиями англосаксонской (на примере Великобритании) и романо-германской (на примере России) правовых систем, что предусмотрено программой бакалаврита УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева.

Сравнение правовых реалий англосаксонской и романо-германской систем

Основная задача в рамках курса заключается в том, чтобы познакомить студентов с отличиями стран с англосаксонской (*common law jurisdictions*) и романо-германской (*civil law jurisdictions*) правовыми системами. В частности с особенностями состязательного (*adversarial*) и дознавательного или следственного (*inquisitorial*) процесса, поскольку «состязательная и следственная системы отправления правосудия отличаются по ряду признаков, среди которых основополагающим является распределение ролей между сторонами и судом в процессе. В состязательной системе суд пассивен, стороны, наоборот, предельно активны» [Решетникова 2021: 42].

Успех работы в иной «системе координат», т. е. с представителями другой национальной культуры, с носителями другого культурного кода, зависит в большой степени не только от знания языка другой культуры, но и от знания культурно значимых компонентов иного правосознания. Инсценировка судебного процесса способствует осознанию таких компонентов, поскольку «именно в манере говорить, в речевом этикете, в самой стилистике речи проявляются многие особенности национального образа мысли» [Зиновьева 2016: 31].

Поскольку правовые реалии изучаемых правовых систем существенно различаются, студентам действительно трудно их осознавать, понимать и воспроизводить. Ниже приводится список основных различий.

Классификация правонарушений / преступлений

В Великобритании с точки зрения процесса правонарушения / преступления делятся на три основные группы: 1) *summary offences* – мелкие правонарушения, рассматриваемые в порядке упрощенного производства (как правило, рассматриваемые одним или тремя магистратами без участия присяжных и только на основании представленных сторонами доказательств); 2) *indictable offences* – тяжкие преступления (их рассмотрение происходит в вышестоящих судах с участием присяжных); 3) *triable «either way» offences* – правонарушения / преступления промежуточной категории, рассмотрение которых может осуществляться либо в порядке упрощенного судопроизводства,

либо с участием присяжных (при этом решение о рассмотрении дела в том или ином порядке принимает сам обвиняемый) [Рябова, Соколова 2023: 557]. При этом термин *offence* может переводиться как «правонарушение» или «преступление» в зависимости от контекста. В России такой подход к классификации отсутствует.

Понятие «судья»

Особый интерес и даже непонимание у студентов вызывает использование слов *judge* – для определения профессионального судьи, *justice* – как правило, в отношении судей вышестоящих инстанций, и в частности отличия между мировыми судьями первой инстанции *magistrates* в Великобритании и *justices of the peace* в России. Магистраты в отличие от мировых судей в России могут не иметь юридического образования, участвовать в рассмотрении конкретного дела добровольно, т. е. работать не на постоянной основе и даже не получать какую-либо плату или денежную компенсацию за выполняемые ими функции.

Адвокат

В английской правовой системе основная сложность для студентов заключается в дифференциации функций *barrister* и *solicitor*. Видимо, в попытке приблизиться к российской правовой реальности в некоторых учебных пособиях приводится неудачный вариант перевода, в частности, понятия *barrister for prosecution* как «адвокат обвинения»(!). Однако студенты должны понимать, что барристер – это лицо, нанимаемое для представления интересов конкретной стороны в суде, поэтому сегодня барристер может выступать на стороне защиты, а в другом деле он может представлять позицию обвинения.

Другие возможные участники судебного процесса

Amicus curiae или *friend of the court* – лицо или группа лиц, заинтересованные в решении судебного иска, но не являющиеся сторонами судебного разбирательства; они представляют суду имеющие значение для дела информацию или соображения [Томахин 2000: 131].

Понятие «охотник за головами» можно перевести как *head hunter*, но этот термин уже означает рекрутинговое агентство, занимающееся поиском персонала на выше-

стоящие позиции. Однако в американской правовой системе предусмотрена совершенно легальная деятельность по поиску лиц, нарушивших условия выхода под залог, – *bounty hunter*.

Понятие *clerk* в гражданском и уголовном судопроизводстве США и Великобритании используется в значении «секретарь суда», при этом речь идет о человеке, который имеет юридическое образование и задача которого заключается в консультировании магистрата, не имеющего юридической подготовки, по вопросам права.

Понятие «прецедент»

Особую сложность представляет не сам прецедент, а доктрина *stare decisis* («стоять на решенном»), где одни прецеденты являются обязательными (*binding authority*), в то время как другие носят рекомендательный характер (*persuasive authority*). В первую очередь это связано с отсутствием фоновой экстралингвистической информации, в частности с незнанием того, что, например, на территории США в каждом штате действуют свои законы, или того, что, хотя в состав Соединенного Королевства входят четыре государства, когда мы говорим об английской правовой системе, английских судах, солиситорах и барристерах, речь идет лишь об Англии и Уэльсе.

Процессуальные особенности

Удивительным для студентов является тот факт, что многие дела не доходят до суда вообще благодаря процедуре *pre-trial settlement* (досудебное урегулирование дела). «Если у американского адвоката 5 % всех имеющихся в его производстве дел доходит до судебного разбирательства, это считается большим процентом» [Решетникова 2021: 54].

Отличительной чертой англосаксонской системы является атмосфера *courtesy* или *civility* – вежливости, уважительного отношения к участникам процесса, даже к обвиняемому, что постоянно выражается как эксплицитно – в словах *Your Honour, could you possibly..., my learned friend*, так и имплицитно – действиями, манерой выступления сторон. Даже расположение сторон процесса указывает на то, что в российской системе, где стороны «смотрят друг другу в глаза», – это противостояние сторон, в то время как в англо-американской системе, где обе сто-

роны на одинаковом расстоянии обращены к судье, – это равное положение сторон.

В отличие от российской судебной системы, в которой функции и задачи судьи более или менее знакомы студентам, английская судебная система отводит судье довольно четкую функцию – *conduct the trial properly*, т. е. руководить судебным процессом должным образом, не допуская ущемления интересов ни одной из сторон с соблюдением четко установленной процедуры. При этом в англо-американской системе приоритет отдается принципу устности: судья выносит решение, опираясь исключительно на то, что он услышал в ходе судебного разбирательства, не знакомясь с обстоятельствами рассматриваемого дела заранее.

Понятие «tribunals»

В отличие от трибунала в русском языке, прочно связанного с рассмотрением военных преступлений, в англосаксонской реальности *tribunals* – это прежде всего специализированные суды, или суды специальной юрисдикции, или даже комиссии, работающие по принципу *ad hoc*, т. е. специально созываемые для рассмотрения конкретного дела.

Инсценировка судебного процесса при обучении профессиональному иностранному языку требует тщательной подготовки как от преподавателя, так и от студентов. Разнообразие доступных материалов дает преподавателю возможность выбора: использовать уже имеющиеся сценарии судебных заседаний либо разработать собственный сценарий совместно со студентами, опираясь на материалы дела. Безусловно, при выборе дела необходимо учитывать уровень владения студентами иностранным языком, степень их мотивированности, а также время, выделяемое на подготовку.

В организации работы над инсценировкой судебного процесса мы выделяем три основных этапа: *pre-trial stage* (подготовительный этап), *in-trial or adjudication stage* (этап проведения самого процесса), *post-trial stage* (этап рефлексии и самодиагностики, который проходит после судебного разбирательства и в рамках которого оценивается проведенная игра).

Подготовительный этап (*pre-trial stage*)

1) наработка и отработка профессионально-ориентированного терминологического

аппарата. Студенты изучают структуру и процедуру судебного заседания в зависимости от типа судебного дела, правовой системы, а также нарабатывают юридическую терминологию на английском языке. В рамках дисциплины «Иностранный язык в сфере юриспруденции» студенты изучают особенности уголовного процесса в англосаксонской правовой системе. Таким образом, к этапу выбора судебного дела для рассмотрения у обучающихся уже сформирован терминологический аппарат и имеется четкое представление о состязательном характере уголовного процесса, его этапах, основных функциях его участников и этике профессионального общения в ходе рассмотрения судебного дела в состязательной системе;

2) отбор судебного дела для инсценировки. Инсценированный судебный процесс может проводиться на основе как реальных судебных дел, так и художественных литературных произведений. Как показывает практика, студенты отдают предпочтение реальным делам. После отбора судебного дела для рассмотрения студенты изучают его детали, в том числе показания свидетелей, доказательства, обстоятельства совершения преступления на основе аутентичных материалов. В 2023 г. мы предложили на рассмотрение дело Джипси Роуз Бланшар, девушки, организовавшей убийство своей матери, которая страдала синдромом Мюнхгаузена. История трагична и неоднозначна, поскольку мать намеренно вызывала у Джипси болезненные состояния или выдумывала их;

3) распределение ролей. После выбора дела распределяются роли. Одним из преимуществ *Mock Trial* в качестве средства обучения иностранному языку является возможность задействовать максимальное количество студентов из разных групп и курсов, причем количество может варьироваться за счет свидетелей, представителей защиты и обвинения, а также судей. Таким образом, каждый студент может поучаствовать в судебном процессе. В зависимости от психологических особенностей студентов, личных предпочтений, а также уровня владения иностранным языком, студенты выбирают роли барристеров со стороны защиты или обвинения, судей, присяжных заседателей, приставов;

4) составление письменной позиции. После распределения ролей студенты начинают работать каждый над своей ролью: исследовать аутентичные материалы и составлять свои вступительные речи со стороны защиты или обвинения, вопросы для прямого и перекрестного допроса свидетелей, заключительные речи со стороны защиты или обвинения, варианты вынесения судьями приговора в случае признания обвиняемого виновным или невиновным. На наш взгляд, здесь начинается самая объемная и трудоемкая часть подготовки по проведению инструктажа по написанию вступительных и заключительных речей, поиску и представлению вещественных доказательств и экспертных заключений. Студенты, объединяясь в группы со стороны обвинения или защиты, работают над составлением аргументов по существу дела для того, чтобы убедить присяжных в своей правоте. На данном этапе студенты *сами* решают, как выстроить речь, сформулировать юридическую аргументацию, какие вопросы задать, чтобы получить нужные ответы;

5) апробация и корректировка. В ходе составления и проработки аргументов преподаватель выступает не столько в качестве организатора, сколько в качестве эксперта, речевого партнера, «соучастника» процесса и активного участника обсуждения, стимулирующего речемыслительную деятельность студентов. Подготовительная часть завершается апробацией некоторых частей судебного заседания в целом, в ходе которой происходят корректировка тайминга (временных рамок выступления), исправление ошибок (фонетических, грамматических, лексических), работа над сценическим образом, т. е. иммерсивное погружение. По окончании работы над подготовительным этапом материалы по делу оформляются в «портфолио», в которое входят краткое описание дела, аргументы одной из сторон (защиты или обвинения), свидетельские показания, предполагаемые вопросы к свидетелям, собранные доказательства по делу (*discovery stage*), а также глоссарий судебных терминов и комментарии к ним, составляемые студентами «на полях» в ходе подготовки к делу.

Этап рассмотрения дела (*in-trial or adjudication stage*)

Проведение судебного процесса – самый интересный этап. Студенты вживаются

в роли и демонстрируют речевой и актерский потенциал. Им предоставляется отличная возможность продемонстрировать навыки как подготовленной, так и неподготовленной монологической речи, в которой учитываются логичность и связность изложения мысли, использование средств выразительности английского языка. С. В. Панченко указывает, что в композиции речи логичность текста обеспечивается наличием трех обязательных частей: вступления, основной части и заключения [Панченко 2017: 206].

Основные участники процесса должны внимательно следить за происходящим. Так, представителям защиты и обвинения необходимо анализировать аргументы, представляемые противной стороной, и вовремя высказывать возражения. Судья, в свою очередь, решает, отклонить или поддержать протест, в зависимости от его обоснованности. Присяжные заседатели также следят за логичностью аргументов, представляемых обеими сторонами, учитывают вопросы факта, разъясняемые им судьей.

Студенты, объединяясь в группы со стороны обвинения или защиты, работают над составлением аргументов по существу дела для того, чтобы убедить присяжных в своей правоте

Данный этап заканчивается оглашением выносимого присяжными заседателями вердикта о виновности и невиновности. При рассмотрении реального дела Джипси Роуз Бланшар у нас была возможность сравнить результаты судебных процессов: реального (2015 г.) и инсценированного. Поскольку в постановочном судебном процессе Джипси была оправдана присяжными, то мы посчитали необходимым сообщить зрителям, что в реальности она признала себя виновной в убийстве второй степени и была приговорена к восьми годам тюремного заключения.

Инсценировка судебного процесса в нашем вузе проводится не первый год, однако необычным решением при рассмотрении дела Джипси Роуз было то, что вынесение вердикта было «отдано на откуп» не только присяжным, но и зрителям. Им раздали карточки с надписями *guilty / innocent*, которые

по окончании процесса складывались в заранее подготовленную коробку. Решение при- сажных совпало с решением зрителей.

Этап рефлексии и самодиагностики (post-trial stage)

Этот этап позволяет как студентам, так и преподавателям оценить результаты проделанной работы не только в лингвистическом аспекте, но и с точки зрения достижения прагматического эффекта в развитии правовой грамотности будущего специалиста.

Ретроспективный анализ участия студентов в постановочном судебном процессе был реализован с помощью онлайн-сервиса «Google Формы». Для получения обратной связи по поводу оценки собственной деятельности в проекте обучающимся было предложено ответить на ряд вопросов. Целями анкетирования были выявление трудностей, возникающих у студентов при подготовке к судебному разбирательству; диагностика изменений, которые произошли в познавательной и эмоционально-ценностной сферах учебной деятельности участников проекта; оценка практической значимости и востребованности такого проекта. В опросе приняли участие 26 человек, которые были непосредственно задействованы в судебной постановке. Ответы распределились следующим образом.

1. Сложности, возникающие у студентов при подготовке к Mock Trial

У меня есть боязнь сцены: 9 (42,9 %).

У меня есть боязнь говорения на иностранном языке: 12 (57,1 %).

У меня недостаточный уровень владения иностранным языком: 12 (57,1 %).

Я переживаю, что не пойму оппонентов в ходе судебного заседания: 12 (57,1 %).

На подготовку выделяется недостаточное количество времени: 4 (19 %).

Отсутствует взаимопомощь со стороны других участников команды: 2 (9,5 %).

Недостаточно внимания со стороны преподавателей при подготовке позиции: 0.

Я боюсь, что не смогу аргументированно отстоять свою позицию на иностранном языке: 13 (61,9 %).

На практических занятиях мало внимания уделяется изучению особенностей англосаксонской правовой системы: 0.

Ваш вариант: 0.

2. Преимущества участия в Mock Trial

Я люблю выступать на сцене: 9 (34,6 %).

У меня была возможность проявить актерский талант: 5 (19,2 %).

Проект дал мне дополнительную возможность развивать навыки межличностного общения: 17 (65,4 %).

У меня появилась возможность «глубоко окунуться» в особенности уголовного процесса англосаксонской правовой системы: 15 (57,7 %).

Я преодолел барьер страха говорения на иностранном языке: 11 (42,3 %).

Мне удалось расширить терминологический вокабуляр по теме: 20 (76,9 %).

Я взглянул на участников другими глазами: 6 (23,1 %).

Проект заставил поверить в себя: 5 (19,2 %).

Mock Trial показал практическую значимость изучения английского языка: 20 (76,9 %).

Ваш вариант: 0.

Несмотря на то что к моменту поступления в Университет подавляющее большинство абитуриентов имеет довольно длительный опыт изучения иностранного языка (в среднем семь лет), многие студенты испытывают затруднения в устной иноязычной речи.

Более половины респондентов (57,1 %) ссылаются на недостаточный уровень владения иностранным языком не только для спонтанной речевой коммуникации, требующей структурной четкости, последовательного изложения и выразительности высказывания, но и для создания заранее подготовленного речевого произведения. Кроме того, 61,9 % опрошенных констатируют, что подбор и формулирование аргументов для доказывания и возражения с целью проведения рационального диалога являются одной из сложнейших задач в подготовке к инсценировке судебного процесса.

Действительно, говорение – многокомпонентный процесс, обусловленный сложной мыслительной деятельностью, тесно связанный с эмоциональным состоянием человека и сопровождающийся использованием невербальных средств передачи информации. В результате накопившихся со временем лингвистических, когнитивных и психологических трудностей у обучающихся фор-

мируется боязнь выступления перед аудиторией. А *Mock Trial* как форма публичного общения, предполагающая состязательность сторон, усугубляет неуверенность выступающих страхом того, что оппоненты не поймут их в ходе судебного заседания. На это указывают 56,5 % анкетированных.

Осуществление проектного мероприятия занимает семь-восемь недель и представляет собой особый опыт взаимодействия нескольких преподавателей и студентов разных групп. Интенсивная командная работа всегда строится на принципе синергии, в каждом случае реализуется уникальный сценарий, результаты могут быть неординарными.

Данные опроса показывают, что имитация судебного заседания заметно влияет на раскрытие личностного потенциала. Мероприятие позволяет участникам взглянуть друг на друга иными глазами (23,1 %), помогает поверить в себя (19,2 %), преодолеть барьер между рецептивными и продуктивными видами речевой деятельности (42,3 %), предоставляет дополнительную возможность развить навыки межличностного общения (65,4 %), в том числе путем творческого осмысления сценического действия и воплощения элементов актерского мастерства (19 %).

Практически каждый второй участник проекта отмечает, что инсценировка судебного процесса положительно влияет на развитие культуры работы с информацией. «Создание условий для поиска собственных методов и приемов познания и организации учебной деятельности, развития самостоятельности мышления, творческой инициативы» [Жеребцова, Ходенкова 2023: 354] закладывает основы для применения вариативных стратегий разрешения проблемных ситуаций. Глубокие, основательные обсуждения материалов дела приводят к вполне ожидаемым изменениям в понимании особенностей правовых систем. В итоге рассматриваемая проблема обретает новые грани, в ее содержании появляются новые связи.

Однако приоритетный ответ респондентов (76,6 %) на вопрос о преимуществах участия в постановочном судебном разбирательстве касается формирования тезауруса. Систематизация лексики в предметной области, проработка дефиниций и употребление лексических единиц в контексте постепенно развивают и совершенствуют профессиональный тезаурус будущего специалиста.

Ответы на итоговый вопрос анкеты свидетельствуют о том, что *Mock Trial* отражает практическую значимость изучения иностранного языка. 77 % обучающихся считают, что владение иностранным языком – важный профессиональный навык, расширяющий горизонты поисково-исследовательской деятельности при освоении предметной области. Полученные выводы, хотя они справедливы лишь для участвующих в опросе студентов, помогают сформулировать рекомендации для последующей работы.

Заключение

В последнее время в профессиональной педагогической среде активно развивается проектная деятельность как неотъемлемая часть профессионально-ориентированного обучения, которая серьезно мотивирует студентов более глубоко изучать предмет.

Метод *case-study*, в частности его разновидность *Mock Trial*, позволяет развивать навыки критического мышления, анализа, помогает развивать коммуникативные навыки в условиях, приближенных к реальной работе адвоката.

Для эффективной инсценировки судебного процесса необходимо наличие определенных условий, которые в полной мере созданы в нашем Университете: зал судебных заседаний (*courtroom*) с возвышенной кафедрой для судей (*a panel of judges*), местами для присяжных (*jury's box*), зрителей (*gallery*), обвиняемого (*the dock*) и пр. Технические возможности позволяют использовать электронные информационные ресурсы, демонстрировать фото- и видеозаписи с «места преступления», документы и иные материалы, способствующие визуализации и более убедительному изложению своей позиции сторонами.

Реалистичность процесса достигается не только за счет соответствующего размещения участников процесса, характерного для англо-американской правовой системы, но и за счет использования необходимых атрибутов: судебного молотка, мантий, париков и др.

Привлечение зрителей – студентов разных курсов, и даже онлайн-участие студентов и коллег из других вузов – способствует повышению ответственности участников процесса и выработке более качественной позиции.

Представляется, что для повышения интереса студентов к изучению иностранного

языка, более глубокому погружению в профессиональную деятельность, развитию универсальных и профессиональных компетенций нужно:

проводить постановочный судебный процесс на постоянной основе в конце изучения модуля по судебной системе России и Великобритании / США;

обеспечить максимально широкое участие студентов с разным уровнем подготовки;

привлекать коллег с других специализированных кафедр, чтобы обеспечить макси-

мальную степень приближенности к реальному процессу, реализуя междисциплинарный подход;

использовать постановочный процесс как один из способов привлечения потенциальных абитуриентов;

способствовать пониманию значимости экстралингвистических факторов профессионального общения, которые в свою очередь являются важными компонентами культурного кода юристов в англосаксонской правовой системе.

Список литературы

Barnes L. B., Christensen C. R., Hansen A. J. Teaching and the Case Method: Text, Cases, and Readings. Boston: Massachusetts: Harvard Business School Press, 1994. 333 p.

Boehrer J. On Teaching a Case // International Studies Notes. 1994. Vol. 19. № 2. P. 14–20.

Herreid C. F. What Makes a Good Case // Journal of College Science Teaching. 1997. Vol. 27. № 3. P. 163–165.

Английский язык для юристов: учеб. / под ред. К. М. Левитана. М.: КНОРУС, 2021. 552 с.

Гладкова О. Д., Задонская Л. В., Коннова З. И. Когнитивно-синергические возможности метода «case-study» в рамках компетентностного подхода при обучении языку профессии в вузе // Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе: материалы Междунар. конф. (Москва, 10–12 апреля 2012 г.). М.: РУДН, 2012. С. 76–80.

Гончарова М. В. Кейс-метод в обучении иноязычному общению менеджеров // Студент и учебный процесс: иностранные языки в высшей школе: сб. науч. ст. / под ред. Ю. Б. Кузьменковой. М.: Центр по изучению взаимодействия культур ФИЯ МГУ им. М. В. Ломоносова, 2004. С. 95–100.

Долгоруков А. М. Case-study как способ понимания // Практическое руководство для тьютера системы Открытого образования на основе дистанционных технологий. М.: Центр интенсивных технологий образования, 2002. С. 21–44.

Дубодел Л. П. Постановочное судебное разбирательство как обязательный элемент обучения в юридических школах Англии // Евразийское научное объединение. 2015. Т. 2. № 2. С. 208–209.

Жеребцова Е. В., Ходенкова Н. И. Конкурс ораторского мастерства: внеаудиторная деятельность на иностранном языке // Устойчивое развитие России: правовое измерение: сб. докл. X Московского юрид. форума (Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 6–8 апреля 2023 г.). М.: Москов. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 353–356.

Зиновьева Е. И. Лингвокультурология: от теории к практике: учеб. СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2016. 182 с.

Золотова М. В., Демина О. А. О некоторых моментах использования методов кейсов в обучении иностранному языку // Теория и практика общественного развития. 2015. № 4. С. 133–136.

Панина Т. С., Вавилова Л. Н. Современные способы активизации обучения: учеб. пособие. М.: Academia, 2006. 176 с.

Панченко С. В. Развитие критического мышления и логичности речи в рамках дисциплины «Культура речи юриста» // Актуальные проблемы современного поликультурного образования: материалы Междунар. круглого стола к 80-летию кафедры русского, иностранных языков и культуры речи (Екатеринбург, 2 декабря 2016 г.) / отв. ред. К. М. Левитан. Екатеринбург: Издат. дом Урал. гос. юрид. ун-та, 2017. 260 с.

Решетникова И. В. Доказательственное право Англии и США. М.: Городец, 2021. 320 с.

Рябова И. Ю., Соколова Л. А. Перевод в аспекте синергетического мировидения // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-1. С. 554–558.

Томахин Г. Д. США. Лингвострановедческий словарь. М.: Рус. яз., 2000. 576 с.

Феденева Ю. Б. Логико-риторические способности студентов-юристов: общие проблемы развития и национально-культурная специфика // Актуальные проблемы современного поликультурного образования: материалы Междунар. круглого стола к 80-летию кафедры русского, иностранных языков и культуры речи (Екатеринбург, 2 декабря 2016 года) / отв. ред. К. М. Левитан. Екатеринбург: Издат. дом Урал. гос. юрид. ун-та, 2017. С. 237–245.

Евгения Валерьевна Жеребцова – старший преподаватель кафедры русского, иностранных языков и культуры речи Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: zherebtsova.evgenia@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-0072-125X

Лариса Анатольевна Соколова – старший преподаватель кафедры русского, иностранных языков и культуры речи Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: larisaperevod@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-7606-652X

Наталья Игоревна Ходенкова – старший преподаватель кафедры русского, иностранных языков и культуры речи Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: n.i.khodenkova@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-7703-1230

Conducting Mock Trial in a Foreign Language as the Project Activity in a Non-Linguistic University

One of the most effective methods of developing professional competencies of future lawyers in a foreign language is the case-study method, particularly, Mock Trial. This method is widely used not only abroad, but also in Russia. At the same time, it is extremely important to know and take into account the culturally significant components typical for the common law system, often absent in the civil law tradition. Conducting a Mock Trial, one can distinguish such stages as: pre-trial stage (preparation), in-trial or adjudication stage (the process itself) and post-trial stage (reflection and self-assessment).

In the process of legal training, special attention should be paid to the differences between the two legal traditions focusing on specific examples. Pedagogically speaking, it is also important to analyze the responses of students in a survey conducted among them, asking for both advantages and obstacles they need to overcome in the project.

Keywords: *project activity, Mock Trial, common law tradition, civil law system, self-assessment and feedback*

Recommended citation

Zherebtsova E. V., Sokolova L. A., Khodenkova N. I. Instsenirovka sudebnogo protsessa (Mock Trial) na inostrannom yazyke v ramkakh proektnoi deyatelnosti v neyazykovom vuze [Conducting Mock Trial in a Foreign Language as the Project Activity in a Non-Linguistic University], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 2, pp. 78–89, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-1402-78-89.

References

Barnes L. B., Christensen C. R., Hansen A. J. *Teaching and the Case Method: Text, Cases, and Readings*, Boston, Harvard Business School Press, 1994, 333 p.

- Boehrer J. On Teaching a Case, *International Studies Notes*, 1994, vol. 19, no. 2, pp. 14–20.
- Dolgorukov A. M. *Case-study kak sposob ponimaniya* [Case-Study as a Way of Understanding], *Prakticheskoe rukovodstvo dlya t'yutera sistemy Otkrytogo obrazovaniya na osnove distantsionnykh tekhnologii* [A Practical Guide for the Tutor of an Open Education System based on Distance Technologies], Moscow, Tsentr intensivnykh tekhnologii obrazovaniya, 2002, pp. 21–44.
- Dubodel L. P. Postanovochnoe sudebnoe razbiratel'stvo kak obyazatel'nyi element obucheniya v yuridicheskikh shkolakh Anglii [Staged Trial as a Mandatory Element of Education in Law Schools in England], *Evraziiskoe nauchnoe ob"edinenie*, 2015, vol. 2, no. 2, pp. 208–209.
- Fedeneva Yu. B. *Logiko-ritoricheskie sposobnosti studentov-yuristov: obshchie problemy razvitiya i natsional'no-kul'turnaya spetsifika* [Logical and Rhetorical Abilities of Law Students: General Problems of Development and National and Cultural Specificity], Levitan K. M. (ed.) *Aktual'nye problemy sovremennogo polikul'turnogo obrazovaniya* [Actual Problems of Modern Multicultural Education]: conference papers, Ekaterinburg, Izdat. dom Ural. gos. yurid. un-ta, 2017, pp. 237–245.
- Gladkova O. D., Zadonskaya L. V., Konnova Z. I. *Kognitivno-sinergicheskie vozmozhnosti metoda «case-study» v ramkakh kompetentnostnogo podkhoda pri obuchenii yazyku professii v vuzе* [Cognitive Synergistic Possibilities of the «Case-Study» Method within the Framework of a Competence-Based Approach in Teaching the Language of a Profession at a University], *Professional'no orientirovannoe obuchenie inostrannomu yazyku i perevodu v vuzе* [Professionally Oriented Teaching of a Foreign Language and Translation at a University]: conference papers, Moscow, RUDN, 2012, pp. 76–80.
- Goncharova M. V. *Keis-metod v obuchenii inoyazychnomu obshcheniyu menedzherov* [Case-Method in Teaching Foreign Language Communication to Managers], Kuz'menkova Yu. B. (ed.) *Student i uchebnyi protsess: inostrannye yazyki v vysshei shkole* [Student and Educational Process: Foreign Languages in Higher School], Moscow, Tsentr po izucheniyu vzaimodeistviya kul'tur FIYa MGU im. M. V. Lomonosova, 2004, pp. 95–100.
- Herreid C. F. What Makes a Good Case, *Journal of College Science Teaching*, 1997, vol. 27, no. 3, pp. 163–165.
- Levitan K. M. (ed.) *Angliiskii yazyk dlya yuristov* [English for Lawyers], Moscow, KNORUS, 2021, 552 p.
- Panchenko S. V. *Razvitie kriticheskogo myshleniya i logichnosti rechi v ramkakh distsipliny «Kul'tura rechi yurista»* [Development of Critical Thinking and Logical Speech within the Framework of the Discipline «Lawyer's Speech Culture»], Levitan K. M. (ed.) *Aktual'nye problemy sovremennogo polikul'turnogo obrazovaniya* [Actual Problems of Modern Multicultural Education]: conference papers, Ekaterinburg, Izdat. dom Ural. gos. yurid. un-ta, 2017, 260 p.
- Panina T. S., Vavilova L. N. *Sovremennye sposoby aktivizatsii obucheniya* [Modern Ways to Activate Learning], Moscow, Academia, 2006, 176 p.
- Reshetnikova I. V. *Dokazatel'stvennoe pravo Anglii i SShA* [Evidentiary Law of England and the USA], Moscow, Gorodets, 2021, 320 p.
- Ryabova I. Yu., Sokolova L. A. *Perevod v aspekte sinergeticheskogo mirovideniya* [Translation in the Aspect of Synergetic Worldview], *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2023, no. 3-1, pp. 554–558.
- Tomakhin G. D. *SShA. Lingvostranovedcheskii slovar'* [USA. Linguistic and Cultural Dictionary], Moscow, Rus. yaz., 2000, 576 p.
- Zherebtsova E. V., Khodenkova N. I. *Konkurs oratorskogo masterstva: vneauditornaya deyatel'nost' na inostrannom yazyke* [Public Speaking Competition: Extracurricular Activities in a Foreign Language], *Ustoichivoe razvitie Rossii: pravovoe izmerenie* [Sustainable Development of Russia: A Legal Dimension]: conference papers, Moscow, Moskov. gos. yurid. un-t im. O. E. Kutafina (MGYuA), 2023, pp. 353–356.
- Zinov'eva E. I. *Lingvokul'turologiya: ot teorii k praktike* [Linguoculturology: From Theory to Practice], Saint Petersburg, SPbGU, Nestor-Istoriya, 2016, 182 p.
- Zolotova M. V., Demina O. A. *O nekotorykh momentakh ispol'zovaniya metodov keisov v obuchenii inostrannomu yazyku* [On Some Aspects of Using Case Studies in Teaching a Foreign Language], *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2015, no. 4, pp. 133–136.

Evgeniya Zhrebtsova – senior lecturer of the Department of Russian, foreign languages and culture of speech, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: zhrebtsova.evgenia@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-0072-125X

Larisa Sokolova – senior lecturer of the Department of Russian, foreign languages and culture of speech, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: larisaperevod@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-7606-652X

Nataliya Khodenkova – senior lecturer of the Department of Russian, foreign languages and culture of speech, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: n.i.khodenkova@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-7703-1230

Дата поступления в редакцию / Received: 12.03.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 24.05.2024

ТРЕБОВАНИЯ
К СТАТЬЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА
«РОССИЙСКОЕ ПРАВО: ОБРАЗОВАНИЕ, ПРАКТИКА, НАУКА»

1. К опубликованию в журнале «Российское право: образование, практика, наука» принимаются авторские материалы на русском языке: научные статьи, интервью, рецензии, очерки, научно-практические комментарии законодательства, отрывки из монографий и иные материалы, соответствующие тематике издания.

2. Авторский оригинал материала должен быть набран в текстовом редакторе MS Word (расширение *.doc или *.rtf).

Должны быть соблюдены следующие технические требования: гарнитура Times New Roman, кегль – 14, межстрочный интервал – 1,5, поля – по 20 мм. Отступ абзаца – 1,25 мм (должен быть задан не табулятором, а командой Формат/Абзац/Отступ/Первая строка).

3. Объем статьи – до 20 страниц, для аспирантов и студентов – до 10 страниц.

4. Файл со статьей должен содержать:

заголовок статьи на русском и английском языках;

фамилию, имя, отчество автора (полностью), место его работы (учебы), ученую степень и ученое звание (при наличии);

ключевые слова на русском и английском языках (5–7 слов);

аннотацию на русском и английском языках (3–5 предложений).

5. К статье прилагается справка, где должны быть указаны следующие данные:

фамилия, имя, отчество автора (авторов);

число, месяц, год рождения каждого из авторов;

паспортные данные каждого из авторов;

место работы, должность, ученая степень, ученое звание каждого из авторов;

адрес места жительства, почтовый адрес, контактный телефон, адрес электронной почты каждого из авторов.

Должна быть приложена фотография автора (авторов) разрешением не менее 300 dpi.

К статьям аспирантов и студентов прилагаются рецензии научных руководителей.

6. Редакция рецензирует представленные материалы и оставляет за собой право опубликовать материал или вернуть автору для доработки. Также Редакция оставляет за собой право внести редакционную и стилистическую правку в текст авторского материала, его название и аннотацию, не изменяя при этом основной смысл материала, заложенный автором.

РОССИЙСКОЕ ПРАВО

ОБРАЗОВАНИЕ ПРАКТИКА НАУКА

Редактор *К. С. Пугушкина*
Дизайн обложки *К. О. Хрущева*
Компьютерная верстка *И. В. Яцюк*

Подписано в печать 02.08.2024. Формат 60×84/8.

Бумага писчая. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 9,30. Уч.-изд. л. 9,45.

Тираж 100 экз. Заказ №

Дата выхода в свет 20.08.2024.

Цена свободная

16+

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева.
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

Отпечатано в ООО «ПРИНТ».
426035, Ижевск, ул. Тимирязева, д. 5, оф. 5